

ФГБУН Северо-Осетинский институт гуманитарных
и социальных исследований им. В. И. Абаева Владикавказского
научного центра Российской академии наук и Правительства РСО-А

А. А. Туаллагов

АЛАНЫ ПРИДАРЬЯЛЯ И ЗАКАВКАЗСКИЕ ПОХОДЫ I-II ВВ.

Владикавказ
2014

ББК 63.3

Т 81

Туаллагов А. А. Аланы Придарьяля и закавказские походы I-II вв.: монография [Текст] / А.А. Туаллагов. — Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. — 230 с.

ISBN 978-591480-191-2

Рецензенты:

Р. Г. Дзаттиаты — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела археологии ФГБУН СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А

А. А. Цуциев — кандидат исторических наук, декан исторического факультета ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова»

Монография посвящена исследованию проблем появления аланов в районе Придарьяля и их дальнейшей истории. Автором анализируются данные археологических и письменных источников. Особое внимание уделяется вопросам закавказских походов I-II вв. н. э. и первой письменной фиксации расселения аланов в Придарьяле с учетом данных анализа археологических материалов. Книга предназначена специалистам (историкам и археологам) и всем тем, кто интересуется вопросами истории аланов.

Рекомендовано к изданию

Учёным советом ФГБУН СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А

ББК 63.3

© ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014

ISBN ISBN 978-591480-191-2

© Туаллагов А. А., 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
Глава I. Поход 35 г. н. э.	15
Глава II. Поход 72 г. н. э.	65
Глава III. Поход 135 г. н. э.	99
Заключение.....	160
Примечания.....	177
Библиография.....	192
Список сокращений.....	227

ВВЕДЕНИЕ

Еще на заре становления аланистики на основании некоторых свидетельств письменных источников была выдвинута и гипотеза о появлении аланов в Восточной Европе в результате миграции кочевников из Центральной Азии. Уже в наши дни данная гипотеза получила свое археологическое обоснование.¹ Наиболее ранними памятниками пришельцев часть исследователей предлагает считать погребения «зубовско-воздвиженской группы», появляющиеся со второй половины I в. до н. э. В настоящее время памятники данной группы фиксируются от Новороссийска, Прикубанья, Восточного Закубанья и вплоть до Центрального Предкавказья и территории Нижнего Терека. Именно в погребениях данной группы широко представлены инновации, которые в основном генетически связывают с культурой центральноазиатских кочевников.

Материалы погребений свидетельствуют об участии их хозяев в закавказской войне 65 г. до н. э. с Помпеем, который столкнулся с кочевниками. Некоторые источники их более определенно называют аланами (Luc. Bell. Civ. VIII, 215-255; Val. Flac. Argon. VI, 40-45; Amm. Marc. Res Ges. XXIII, 5, 16). Данные сведения, как полагают, могут восходить к информации Посидония, который умер около 50 г. до н. э. В свете такого раннего упоминания алан, видимо, следует обратить внимание и на сообщение Орозия о том, что об аланах писал автор I в. до н. э. Помпей Трог (Oros. Adv. paganos. VII, 34, 5). Отнесение не сохранившихся сведений об аланах Помпея Трога ко временам Александра Македонского, конечно, анахронизм. Но такое положение не снимает вопроса о самом знании об ала-

нах Помпеем Трогом. Аналогичный анахронизм представлен у Псевдо-Каллисфена (Ps.-Call. Vita Alex. 39, 7, Jul. Val. Epit. 2).

Археологические памятники свидетельствуют об участии и других северокавказских группировок кочевников в противостоянии с Римом на стороне Боспорского царства. Возможно, среди них были и кочевавшие у устья Кубани аспургиане, игравшие заметную роль в Боспорском царстве и тесно связанные с позднебоспорской династией Аспурга. Некоторые исследователи их также считают центральноазиатскими пришельцами. По сведениям Страбона, аспургиане расселились на земле синдов (Strabo. X, II, 11), что сравнивали со сведениями одного из литературных произведений Лукиана Самосатского о том, как аланы обязались перед Боспором подчинить синдианов (Luc. Tox. 51-55). Таким образом, на месте аспургиан оказываются аланы. В Нартовском эпосе осетин чинты, за которыми скрываются воспоминания об исторических синдах, представлены как самый близкий нартам народ.

По сообщению Тацита, Аршакид Вонон в 16 г. н. э. пытался бежать к своему родственнику «скифскому царю» (Tac. Ann. II, 68) в район Северо-Западного Кавказа. Исследователи считают, что он стремился попасть к прикаспийским маскутам, аорсам, аланам или в Боспор (Крым). Предпочтительнее выглядит последнее решение, поскольку оно основано на традиционных для того времени представлениях о расположении варварских народов. Для самого Тацита реальные скифы, состоявшие в кровном родстве с парфянскими Аршакидами, и Скифия располагались к востоку от Каспия (Tac. Ann. VI, 36, 41, 44). Как отмечали исследователи, сведения о «скифском царе», находившемся возле гениохов, стоят в какой-то связи с известным пассажем из литературного произведения Валерия Флакка (Val. Flac. Argon. VI, 42) об аланах Анавсия.

Не исключается, что «Фиест» Сенеки, в котором упоминаются аланы (Sen. Thy. 629-630), мог быть написан во время ссылки автора на Корсику в 41-48 гг. На основании сведений Плиния о царстве Ванния, которое разрушили в 50 г., пред-

ложено отнести появление алан (Plin. NH. IV, 80) к западу от Дона ко времени не позже 49 г. В то же время источником информации Плиния полагали тот же источник, что был использован и Валерием Флакком.

Наконец, со сведениями письменных источников об аланах были надежно сопоставлены памятники Нижнего Дона. Здесь была исследована группа «княжеских» курганов (Хохлач, Садовый, Высочино, Кобяково и др.). Впоследствии с данной группой связали и некоторые памятники Приднепровья, Нижнего Поволжья и Прикубанья. Среди исследованных памятников были выделены и те, которые принадлежали представителям группы, занимавшим вторую после «княжеской» ступень в социальной иерархии. В настоящее время отмечают и значительное количество памятников рядового населения, для которых также характерно тяготение к предметам центральноазиатского и южносибирского происхождения. Такие вещи, как отмечают исследователи, носят в большей части этноопределяющий характер. В целом, четкая фиксация письменными источниками аланов с середины I в. н. э. совпадает с новым перемещением в Восточную Европу целого культурного пласта инноваций азиатского происхождения.

Донские памятники демонстрируют иные конструкции погребальных сооружений и иную специфику погребальных обрядов, по сравнению с памятниками «зубовско-воздвиженской группы». В то же время отмечают и различия с синхронными им памятниками Прикубанья, где речь, прежде всего, идет о богатых курганах «Золотого кладбища» с погребениями в катакомбах I и II типов (по К. Ф. Смирнову), вторые из которых преобладают. Особую близость к ним проявляют основные подкурганные катакомбы возле сс. Учккен, Терезе и Усть-Джегута (Карачаево-Черкессия). С другой стороны, для катакомб «Золотого кладбища» указывается на сходство с катакомбами Дайламана (Иран) и с катакомбами II-I вв. до н. э. Центрального Предкавказья. Отмечают и некоторую синхронизацию и сближение конструктивных особенностей памят-

ников типа «Золотого кладбища» и «зубовско-воздвиженской группы», наличие погребений, сочетающих в обряде и инвентаре их характерные черты.

Есть определенные основания предполагать, что появление аланов могло быть обусловлено, как минимум, двумя выплесками на запад азиатских этнических элементов. Указывая, в целом, на их общий источник, следует, видимо, признать, что здесь не было его полного совпадения для разных волн. Как считают некоторые исследователи, с рубежа или с самого начала н. э. генератором экспансии кочевников на запад становится Средняя Азия, тогда как прежняя волна была связана с движениями на востоке Центральной Азии. Нижнедонскую группировку аланов связывали и с мигрантами из Южного Казахстана. Другие исследователи отмечают, что под «аланами» письменных источников следует подразумевать различные группировки мигрантов из Туркестана.

Примерно с середины II в. фиксируется новая волна восточных мигрантов, носителей позднесарматской археологической культуры, которая многими исследователями также отождествляется с аланами. Их отдельные группировки будут вновь локализоваться на различных территориях. К этому периоду исследователями сегодня относится и появление центральнопредкавказской группы аланов, с которой связывают многочисленные подкурганые центральные и грунтовые погребения в Т-образных катакомбах (тип I, по К. Ф. Смирнову) и целую сеть городищ со сложной фортификацией и развитой хозяйственной структурой. Данная группа заметно отличается от иных синхронных ей групп.

В этот период на равнинных и предгорных территориях Центрального Предкавказья зафиксировано значительное количество, так называемых, «земляных городищ». Близкие по своей конструкции городища открыты в долинах рр. Терек, Сунжа, Кума. Они были заложены и функционировали практически единовременно во II-IV вв. Некоторые из них, возможно, продолжали существовать и позднее. Непосредственно на

территории современной Северной Осетии такие городища открыты у сс. Зилга, Брут, Киевское, Братское, Заманкул, Змейская, Раздог, Эльхотово. На сопредельных территориях к ним относятся городища Кызбурун, Алхан-Кала, Терекское, Хамидиевское, Нижний Джулат, Урван, Аргудан, Старо-Лескен, Экажево, Насир-Корт и др. В последнее время появляется информация о наличии аланских городищ и могильников в районе гг. Новопавловск, Железноводск, Георгиевск.

Наиболее масштабное на сегодняшний день исследование Зильгинского городища позволило ученым придти к аргументированному заключению, что городище представляло собой экономически высокоразвитый урбанистический центр, расположенный на стыке равнин и предгорий, непосредственно на подходе к главной транскавказской магистрали. Его многочисленное население было задействовано в ремесленном и сельскохозяйственном производстве, торговле. Сложная структура городища с мощной фортификацией, требовавшая для своего создания и поддержания высокой организации, доминирование в ней цитадели, указывает на явную социальную стратификацию местного общества с выстроенной вертикалью власти.

Непосредственно в зоне функционирования городищ располагались многочисленные курганные могильники с центральными погребениями в Т-образных катакомбах. Часть из них, безусловно, была непосредственно связана с этими городищами. Здесь же представлены аналогичные катакомбные захоронения, но без возведенных над ними курганов. В настоящее время представлено две гипотезы об истоках их формирования. Одни исследователи связывают их с продолжением традиций прежних грунтовых катакомбных погребений ираноязычного населения и приходом среднеазиатских (центральноазиатских) кочевников, другие считают их результатом взаимодействия прежнего ираноязычного местного населения, практиковавшего катакомбный обряд погребения, и кочевников среднесарматского времени, которые дополнили его возведением курганных насыпей и околочурганых ровиков.

Подобные могильники непосредственно представлены как в предгорной (у г. Беслан, с. Брут), так и в степной зонах Северной Осетии. Ко второй относятся курганные группы Моздокского района у ст. Виноградная и примерно в 30 км к востоку от нее у хут. Октябрьский. Другая курганная группа была исследована у с. Братское (Чечня). Между этими курганными могильниками располагается еще несколько практически смыкающихся между собой курганных групп. Конструктивные особенности погребений и погребальный инвентарь позволили исследователям объединить данные курганы в единую группу памятников, оставленную обитавшим здесь кочевым населением.

Далее к востоку от с. Братское у с. Гвардейское также фиксируется несколько курганных групп, тянущихся в восточном направлении. Подобные погребения отмечают в могильнике № 3 у с. Пседах и Экажево I (Ингушетия). Несколько курганов было исследовано к югу от г. Грозный и у с. Алды (Чечня). Еще в конце XIX в. было отмечено, что дорога от Владикавказа к Грозному (располагалась по левому берегу р. Сунжа) проходила сквозь сплошное поле курганов. Всего насчитывалось около 5 000 курганов, большая часть которых отмечалась у с. Алхан-Юрт (Чечня). Напротив с. Алхан-Юрт, у с. Алхан-Кала, отмечен еще один обширный курганный могильник. Обычно могильники у этих поселений рассматриваются как единая группа памятников. На данной территории, в том числе непосредственно рядом с курганными могильниками, известны и грунтовые катакомбные погребения того же периода.

II-III вв. датируются катакомбы могильника Зарагиз II, располагающегося в лесистых предгорьях на р. Черек (Кабардино-Балкария). Многочисленные курганы II-IV вв. могильников Львовский Первый-2 и Львовский Первый-4 исследованы на Нижнем Сулаке (Дагестан). Их отличает большее разнообразие могильных конструкций (подбои, катакомбы, грунтовые ямы). Закладка данных некрополей связывается с переселением кочевников из степей современной Калмыкии. В то же время наличие Т-образных катакомб в Львовских могильниках

и в могильнике Паласа-сырта (Дагестан) рассматривается как возможное проявление центральнопредкавказских традиций.

При господстве в Центральном Предкавказье катакомбных погребений в других частях северокавказского региона у аланов отмечаются, например, погребения в ямах или в подбоях. Причем, часть из них связывается исследователями с экспансией аланов из Центрального Предкавказья. Непосредственно на территории Северной Осетии подбойное погребение фиксировали в том же курганном могильнике у с. Брут. У ст. Моздок в курганах №№ 4, 8, 9 (1936 г.) были исследованы основные погребения, которые также могли представлять собой подбои. Здесь были обнаружены и признаки подкурганных захоронений, в которых у погребенных отмечены следы искусственной деформации черепа. Интересно, что подбойные погребения («байбын») долгое время использовались в Северной и Южной Осетии.

Могильники предгорной группы у г. Беслан, с. Брут, Экажево I, по мнению исследователей, могут быть объединены в одну группу на основании наличия общих черт конструктивных особенностей погребальных сооружений и погребального обряда. Данную группу по своим характеристикам сближают со степной, северной группой могильников у сс. Виноградное, Братское, хут. Октябрьский, хотя та имеет и некоторые собственные отличия. К ней тяготеет и группа могильников у сс. Алды, Алхан-Кала. Близки им и отдельные погребения могильника Андрей-аул 2 на севере Дагестана. Начавший функционировать не позднее второй половины II в. могильник у с. Брут (этим же веком определяется закладка курганного могильника у с. Алхан-Кала и Зарагиж II) может рассматриваться как могильник располагающегося рядом Брутского городища. Несколько сотен погребений Бесланского могильника связаны с Зилгинским городищем. Данный могильник, как и могильник у с. Брут, функционировал и после IV в.

Учитывая данные по Бесланскому и Брутскому могильникам, а также могильника Зарагиж II, сегодня уже нельзя согла-

ситься с выводом о том, что распространение подкурганых центральных катакомб аланов в степных районах Центрального Предкавказья происходило заметно ранее, чем в предгорной полосе. Появляется основание говорить об одновременном распространении таких погребений в обеих зонах не позднее середины II в., что указывает на стремление новых хозяев предгорий контролировать важные военно-торговые пути в Закавказье. О том же, что аланы располагаются непосредственно вплотную к горам, свидетельствует фиксация разрушенных грунтовых катакомб с керамикой III-IV вв. в г. Владикавказ.²

Известные на сегодняшний день материалы позволили исследователям полагать, что не позднее середины II в. аланы создали в Центральном Предкавказье мощное, возможно, протогосударственное объединение с необычайно высокоразвитой культурой, феномен которой еще не до конца понятен. Для этого единого в культурном и этническом отношении общества были характерны высокая общественная организация и мощный экономический потенциал, позволившие возводить сложные курганные погребения и поселения, что требовало огромных трудовых и организационных затрат от всего населения. В это время на данной территории наблюдаются исключительные плотность концентрации населения и значительное количество поселений с урбанистическим типом экономики. Население центральнопредкавказской Алании поддерживало интенсивные экономические связи с Закавказьем, Боспором, с территориями Дона, Урала и Аральского моря.

В то же время археологические исследования по другим регионам отмечают не только заметное влияние там центральнопредкавказских центров керамического производства, но и фиксируют около середины III в. мощную военную экспансию центральнопредкавказских аланов на север. Она выразилось, в частности, в появлении их памятников на территории современных Ставрополя, Нижнего Дона, Калмыкии, а также вплоть до более западных районов, левобережья р. Днепр. На Нижнем Дону аланы из Центрального Предкавказья достаточ-

но активно смешивались с местным позднесарматским населением, что определило непрерывную генетическую линию развития здесь сарматского археологического комплекса. Судя по всему, нижнедонские аланы сохранили свою достаточно широкую автономию, но и поддерживали тесные связи с центральнопредкавказской метрополией. Родственная им группировка располагалась возле Дуная.

Выражением указанных процессов на Нижнем Дону могут служить, как погребения непосредственно сравнимые с центральнопредкавказскими, так и погребения, сочетающие центральнопредкавказские и местные признаки. Подобное положение отмечается и для памятников междуречья Волга-Дон, Ставрополя и Калмыкии. В этот период устанавливаются связи с Боспором и носителями черняховской культуры. В Нижнем Поволжье наблюдается приход сарматов из Восточного Предкавказья. Возможно, данная миграция была обусловлена давлением со стороны аланов Центрального Предкавказья или внешнеполитическими факторами. Намечаются признаки переселения с Кавказа и в Южное Приуралье. В Заволжье концентрируются остатки отступивших на восток сарматских племен. Предполагается, что новые хозяева нижнедонского региона отрезали восточные районы Сарматии от контактов с боспорскими и центральноевропейскими центрами. С таким положением может быть связано исчезновение сарматских и сарматоидных погребений после середины III в. в лесостепном Подонье. Исследователи полагают, что, видимо, во второй половине IV в. наблюдался приток аланского населения на территорию Кисловодской котловины, что привело к трансформации местной культуры и сложению культуры раннесредневековых аланов западных районов Центрального Предкавказья. В конце IV в. могла происходить и миграция части центральнопредкавказских аланов на территорию современного Дагестана, с чем интересно сопоставить сообщение «Дербент-наме» о том, что в области Маскат (Маскут, Мускут) жили люди, приведенные из Алана.

Практически, мы имеем первый прецедент создания аланами объединения, охватившего значительную часть Северного Кавказа и просуществовавшего вплоть до гуннского вторжения. Последующие давление гуннов, как и резкие изменения природно-климатических условий, привели к постепенному оставлению аланами степных территорий Центрального Предкавказья и их концентрации в предгорной и горной зонах. Но, к сожалению, письменные источники не содержат никакой информации о формировании и развитии общества центральнопредкавказских аланов. С другой стороны, анализ имеющихся на сегодняшний момент археологических материалов позволил отнести появление соответствующих памятников аланской археологической культуры Центрального Предкавказья к периоду не позднее середины II в. Поскольку данная археологическая культура предстает во вполне сформировавшемся виде, то логичным представляется предположение исследователей о возможном наличии еще не открытого этапа ее предшествующего становления. Однако, видимо, не следует сбрасывать со счетов и вероятность основополагающего мощного миграционного импульса из более восточных (азиатских) областей.

Как уже отмечалось, наиболее надежные сведения письменных источников о появлении аланов в Восточной Европе фиксируются с середины I в. н. э. Но и они не всегда позволяют точно определиться с некоторыми фактами аланской истории на Кавказе. С учетом же приведенных наблюдений о становлении центральнопредкавказской Алании особое значение могли бы иметь сведения письменных источников о закавказских походах 35, 72 и 135 гг. Они неоднократно становились объектом научной дискуссии. Данная дискуссия актуализировалась и в последнее время, что и определяет задачи предлагаемой работы.

ГЛАВА I

ПОХОД 35 Г. Н. Э.

Одним из наиболее дискуссионных в аланистике остается вопрос о закавказском походе 35 г. (Туаллагов А. А. 2009б; 2012б; 2013). Тацит сообщает о римско-парфянском конфликте из-за Армении, когда иберы и албаны, за которыми стояли римляне, привлекли на свою сторону сарматов, пропустив их через Дарьяльский проход. Другие сарматы, шедшие на помощь парфянам, не смогли использовать кавказские горные проходы, перекрытые противником, а Дербентский проход оказался недоступен из-за летнего разлива Каспия. Союзное войско после многих столкновений нанесло парфянам поражение в решающем сражении, в котором сарматы действовали конницей, вооруженной длинными копьями и мечами (Тас. Ann. VI, 33-35).

По Иосифу Флавию (Йосиф бен Магтитяху), Иберия и Албания, склоняемые Римом для войны с Парфией, сами отказались воевать, но пропустили через Дарьял аланов (скифов), отвоевавших для них Армению. Во время набега Парфия понесла большие материальные и людские потери, а в одном из сражений погиб сын парфянского царя (Jos. Ant. Jud. XVIII, 96-98). Дион Кассий сообщает о письменном приказе римского императора иберийскому царю вторгнуться в Армению, чтобы вынудить парфянского правителя покинуть свои земли для оказания помощи сыну, что и было исполнено (Dio Cass. LVIII, 26, 3-4).

Первопричиной дискуссионности вопроса стали разночтения в латинских и греческих копиях «Иудейских древностей»

Иосифа Флавия, а также их издательские взаимоисправления. В латинских вариантах копий, восходящих к переводу в Виварии Кассиодора VI в., участниками событий называются Scythae (Ios. Ant. Jud. XVIII, 96-98). В копиях же на греческом языке, т. е. на том языке, на котором впервые данный труд был представлен, но созданных гораздо позже в X-XI вв., вместо Scythae упоминаются Ἀλανοί (Marquart J. 1905. S. 83; Täubler E. 1909. S. 16; Junge J. 1939. S. 76; Carrata Thomes F. 1958. P. 10; Boswort A. B. 1977. P. 221; Halfman H. 1986. S. 43; Алемань А. 2003. С. 139). Большинство позднейших издателей, кроме Б. Низе, исправляло греческие варианты, в которых на основании данных латинских вариантов, ценность которых для реконструкции первоначального текста не вызывает сомнений (Feldman L. H. 1984. S. 46), вместо Ἀλανοῦς указывалось Σκύθας (Gutshmid A. 1888. S. 121-122; Täubler E. 1909. S. 14). В то же время Тацит, сохранивший для нас значительно более подробный рассказ о событиях, называл их участников сарматами (Tac. Ann. VI, 33-35), а Дион Кассий – скифами (Dio Cass. LVIII, 26).

Видимо, первым, кто использовал сведения из издания Б. Низе в 1890 г., был Э. Тойблер, что позволило ему указать в своей диссертации 1904 г. на время первого появления аланов. Но, в целом, мнения зарубежных исследователей разделились. Если одни из них признали фигурантами событий аланов (Täubler E. 1909, S. 15-17; Charpentier J. 1917. S 360; Bachrach V. S. 1973. P. 5; Boswort A. B. 1977. P. 221; Алемань А. 2003. С. 139, 516 и др.), то другие склонялись в пользу сарматов (Marquart J. 1905. S. 83; Junge J. 1939. S. 76; Teggart F. J. 1939. P. 221-222; Моммзен Т. 1999. С. 279; Харматта Я. 1965. С. 144-145; Bivar A. D. H. 1986. P. 73). Судя по всему, более заметной стала первая точка зрения. Она была воспринята даже исследователями, специально не занимавшимися аланской проблемой (Meuli K. 1975. S. 140). Однако, например, недавно Ф. Бози вообще опустил упоминание сведений Иосифа Флавия (Бози Ф.

2002), что свидетельствует об отрицательном отношении к вопросу об аланской атрибуции участников похода 35 г. и у части современных зарубежных исследователей.

Аналогичное разделение мнений, но с обратным уклоном, сложилась и в отечественной науке. Практически до последнего времени более заметными были сторонники не аланской (Кулаковский Ю. А. 2000. С. 62-63; Ростовцев М. И. 1993. С. 92, 97; Гаглойти Ю. С. 1964. С. 31; 1966. С. 71; 1969. С. 30; 1989. С. 85; 1995. С. 48; Десятчиков Ю. М. 1981. С. 49; Кузнецов В.А. 1992. С. 45), а сарматской версии. Находили тому и археологические аргументы. При попытке более точной идентификации сарматов указывалось на северокавказских аорсов или сираков, реже – на языгов или роксолан (Виноградов В. Б. 1963. С. 149; Гаглойти Ю. С. 1995. С. 50; Виноградов Ю. Г. 1994. С. 159; Лысенко Н. Н. 2009. С. 166). Иногда участниками событий признавались сираки, отождествлявшиеся, в свою очередь, с аланами (Гутнов Ф. Х. 1995. С. 15, 17), или аланы Яньцай (Лысенко Н. Н. 2001. С. 210; 2002. С. 328). Следует отметить, что некоторые исследователи с аланами связывали сарматов. Кроме того, отражением сарматского вторжения считали (Виноградов В. Б. 1963. С. 149; Гаглойти Ю. С. 1995. С. 50; Перевалов С. М. 1999. С. 66, 70; Виноградов Ю. Г. 1994. С. 159) и некоторые сведения, сохранившиеся в других письменных (поэтических) источниках (Sen. Thyes. 374-375; Val. Flac. Argon. VI, 120-128, 232-238, 751).

Видимо, следует указать, что первый русский перевод латинской версии «Иудейских древностей» Иосифа Флавия через издание на французском языке был осуществлен в 1781 г. М. Мануиловым. Впоследствии появились переводы собственно греческой версии Г. Г. Генкеля, К. Гана, А. И. Малеина, в которых присутствовала известная издательская конъектура *Scythae*, взятая из латинской версии. Наиболее привлекаемым в ходе исследований стал последний перевод, включенный в собрание В. В. Латышева.

Скорректировать сложившееся положение за счет уточнения источниковедческой стороны вопроса, с упором на хорошо известные зарубежные издания, взялся историк-антиковед С. М. Перевалов (Перевалов С. М. 1994. С. 31-33). Изначально он посчитал вполне справедливым заключение Я. Харматта, что путем критики текста проблему решить нельзя (Харматта Я. 1965. С. 145), поскольку трудно установить какое слово стояло первоначально в тексте. Но, лично предпочитая аланскую версию, автор счел возможным трактовать в ее пользу известные сведения о вооружении и тактике, использовавшейся кочевниками в 35 г., хотя опять-таки признавал, что нельзя абсолютизировать критерий военного дела.

Однако впоследствии автор (Перевалов С. М. 1998; 1999; 2000; 2007) заявил о том, что «аланская атрибуция сарматов в войне 35 г. должна считаться самой обоснованной». К сожалению, свои построения он сопровождал упреками и критикой исследований отечественных специалистов, переходя допустимые грани корректности, что вынуждены были отметить исследователи (Скрипкин А. С. 2001. С. 21; Глебов В. П. 2002. С. 38; Симоненко А. В. 2002. С. 108; 2008. С. 338, 341).

Произведения Иосифа Флавия, действительно, ставят перед исследователями ряд источниковедческих проблем. Например, С. М. Перевалов не упоминает о том, что Иосиф Флавий не овладел в достаточной мере греческим языком. Поэтому та же его «Иудейская война» первоначально была написана им на арамейском языке, а потом переведена на греческий язык с помощью «опытных людей». Прибегал к помощи знатоков греческого языка Иосиф Флавий и при написании «Иудейских древностей». Поэтому вопрос об оригинальном источнике и его языке объективно выходит за рамки классического антиковедения.

Доказательствами в пользу отстаиваемой С. М. Переваловым аланской версии служат три довода.

Первый довод заключается в том, что мы можем прини-

мать только чтение Ἀλανοί, т. к. оно содержится в тексте, написанном на греческом языке, т. е. на том языке, на котором и составлен «оригинал» Иосифа Флавия. Он основывается на давно и хорошо известном в научном мире разночтении в средневековых греко- и латиноязычных рукописях «Иудейских древностей» Иосифа Флавия. Но не было бы никаких разногласий среди исследователей, если бы мы имели дело с обычным текстом.

Как было давно отмечено, отрывок, в котором упоминаются аланы, явно испорчен. В нем, вопреки даже географическим реалиям, указано, что не иберы открыли проход и пропустили через свои земли аланов, а наоборот аланы пропускали через свои земли закавказские войска (Boswort A. B. 1977. P. 221), что противоречит указанию уже в самом источнике на отказ иберов и албанов воевать. Такое противоречие, несомненно, снижает ценность греческих копий. Вполне вероятно, что стоящее в именительном падеже Ἀλανοί, действительно, является именно средневековой глоссой (Черняк А. Б. 1984. С. 211, прим. 20; Балахванцев А. С. 2009. С. 10, сн. 11). Кроме того, здесь же присутствует и явная путаница в определении албанского царя как аланского. Заметим, что позднее постороннее вмешательство в текст «Иудейских древностей» не было единичным. Так, в частности, исследователи относят к нему сведения об Иисусе Христе, которые, например, в издании Б. Низе полностью взяты в скобки.

С. М. Перевалов относит ошибку на счет переписчиков, считая ее легко исправимой и указывающей на знакомство переписчиков со словом «алан» (Перевалов С. М. 2000. С. 206). Последнее замечание второстепенно с точки зрения корректности содержащейся в отрывке информации, но уже само по себе свидетельствует о позднейшем постороннем вмешательстве в текст. Другое дело, что мы имеем в очень коротком отрывке сразу два явно искаженных определения, что еще более понижает ценность его информации по вопросу об этническом определении участников вторжения.

Вообще, создается впечатление, что у самого Иосифа существовали какие-то трудности с упоминанием аланов. Так, в «Иудейской войне» (Jos. Bell. Jud. VII, 244-251), начиная рассказ об аланском походе 72 г., он сообщает, что ранее уже говорил об аланах. Но в этом произведении более никаких упоминаний аланов нет. Можно бы было предположить, как делали И. Маркварт и Я. Харматта, хотя и относя исправление за счет какого-то читателя, что имелось в виду упоминание аланов в его «Иудейских древностях» (Marquart J. 1905. S. 83; Харматта Я. 1965. С. 144-145), и тем самым даже подтвердить первоначальное фигурирование в том тексте аланов. Однако именно «Иудейская война» была написана им первой. Так что аланам вновь «не везет» в упоминаниях Иосифа. В принципе, и появление отсылки в «Иудейской войне» о прежнем упоминании аланов может говорить о небрежном использовании источников самим Иосифом Флавием (Teggart F. J. 1939. P. 222).

Интересно, что в книгах XV-XX «Иудейских древностей» излагается тот же исторический материал, что и в первых книгах «Иудейской войны». Однако мы не находим здесь никакой связи относительно событий 35 г. Кроме того, известно, что труды Иосифа Флавия были одним из важнейших источников для Мовсеса Хоренаци. Однако у последнего, оставившего красочное описание истории аланского вторжения 72 г., мы не находим никаких сведений об аланах в связи с походом 35 г. Но Мовсесу Хоренаци, видимо, были известны деяния Фарасмана I (Мовсес Хоренаци. «История Армении». II, 46), а последующая история брака армянского правителя с аланской принцессой должна бы была привлекать особое внимание автора к аланам.

С. М. Перевалов полагает, что «аланы» грекоязычных копий Иосифа вполне вписываются в его рассказ, и, вряд ли, есть смысл вносить исправления (Перевалов С. М. 2000. С. 205). Пожалуй, «аланы» более «вписываются» в субъективное решение С. М. Перевалова, который, в принципе, допуска-

ет, что в первоначальном тексте Иосифа могли стоять «скифы», а не «аланы», но не знает, как это доказать (Перевалов С. М. 2000. С. 206). Постановка такого вопроса вполне понятна. Но не понятно отсутствие постановки и обратного вопроса: как доказать, что в первоначальном тексте стояли «аланы», а не «скифы»? Исследователь, как известно, должен уметь задавать вопросы источнику, а не подбирать их под желаемое решение. Факт явно некорректных «аланских» форм ставит под сомнение не только рукописную традицию, но и ее изначальное содержание. В такой ситуации мы волей-неволей вынуждены учитывать сведения других источников, которые в данном случае не говорят в пользу аланской версии.

Вторым доводом в построениях С. М. Перевалова служат три положения, сформулированные на основании некоторых данных о сарматских племенах. Одно из положений основывается на полагаемой разнице в политическом строе: сираки и аорсы были управляемы царями, а у сарматов Тацита действуют только скептухи (*sceptuchi*), которые ниже своим социальным рангом царей, обычно подчиняются царям и тиранам (по Strabo. XI, II, 13), но действуют в данном случае как независимые правители (Перевалов С. М. 2000. С. 207). Само положение явно не ново. Оно, например, давно было приведено Ю. А. Кулаковским (Кулаковский Ю. А. 2000. С. 63), в переиздании трудов которого непосредственное участие принимал С. М. Перевалов.

Прежде всего, парадоксальной выглядит указание на сообщение Страбона. Оно касается управления у ахейцев, зигов и гениохов. Действительно, управлявшие этими народами скептухи (οἱ σκῆπτουχοὶ – «скипетродержцы») были подвластны царям и тиранам. Но это не отменяет их непосредственного управления своими народами. Видимо, погребение такого скептуха было исследовано возле Эшерского городища в Абхазии (Шамба Г. К. 2005. С. 128-129). Было обращено внимание на сообщение Страбона (Strabo. XI, II, 13, 18) о разделении

Колхиды на скептухии во главе со скептухами. Данное разделение, вероятно, было произведено Персией, а Страбон использовал для чуждой административной системы греческое определение (Брагвадзе З. 2012. С. 383).

Вполне прав А. С. Симоненко, что следует учитывать тот факт, что под известными названиями племен письменных источников скрывались родо-племенные объединения (Симоненко А. В. 2002. С. 109). В ответ С. М. Перевалов сетует на то, что его оппонент не приводит анализа источника, в котором нет ни слова о зависимости скептухов от кого-либо (Перевалов С. М. 2007. С. 141-142). Но почему мы должны требовать от Тацита в данном случае объяснений социального положения скептухов сарматов, если его основной задачей было описание собственно военных событий?

Сам Тацит отождествляет скептухов (форма определения свидетельствует о его заимствовании из греческого источника) с военными предводителями. Во втором эпизоде описания упомянутых событий он прямо называет такого скептуха (военным) предводителем – *dux* (Тас. *Ann.* VI, 35, 1). Конечно, таким предводителем мог быть и избранный для ведения военной кампании представитель высшей знати. Тот же Тацит (*Tac. Ann.* I, 79, 1-4) в описании вторжения роксоланов в Мезию упоминает их вождей и знатнейших (*principes, nobilissimi*). В конечном итоге, сам Тацит нигде более в своих произведениях не упоминает скептухов, и мы не можем точно определить с внутренним содержанием данного термина, которое он в него вкладывал. Поэтому вряд ли имеет значение предпочтение Тацитом определения «скептухи» (Браунд Д. 1994. С. 173; Балахванцев А. С. 2009. С. 10, сн. 7). Вне поля зрения С. М. Перевалова остаются и другие разработки исследователей (Десятчиков Ю. М. 1988. С. 25).

Кроме того, само сообщение Страбона заставляет полагать, что у многих варварских народов была во многом отличная от Римской империи и структура царской власти, т. к. у тех

же гениохов было сразу четыре царя. Одновременно, как сообщают различные источники, могли править несколько царей и у сарматов, и у аланов. Например, два брата правило у аланов, совершивших закавказский поход 72 г. («Картлис Цховреба»). Согласно надписи из Керчи, в связи с походом боспорской армии против тавров и скифов отмечается отправка варварскими правителями посольства к царям аланов для заключения союза. Надпись датируется концом I-началом II вв., вероятнее, концом правления императора Домициана (81-96 гг.) (Vinogradov Yu. 1994. P. 73-74; Виноградов Ю. Г., Шестаков С. А. 2005. С. 43; Сапрыкин С. Ю. 1998. С. 199-200; 2005. С. 46). В конце II в. два царя Зантик и Банадасп правили у языгов (Dio Cass. LXXII. 7). Как мы видим, цари были и у аланов, и у сарматов. Хронологически более поздняя констатация такого факта, ничем не уступает сопоставлениям С. М. Перевалова сведений о походе 35 г. со сведениями, отделенными от них одним или несколькими столетиями.³

Следует, видимо, обратиться и к некоторым иным данным. В известном специалистам декрете в честь Протогена кроме царя (ΒΑΣΙΛΕΙ) Сайтафарна упоминаются многие скептухи (ΠΟΛΛΟΙ...ΣΚΗΠΤΟΥΧΟΙ). Вряд ли, кто из исследователей рискнет связать сайев и их скептухов с аланами. С другой стороны, исследователи полагают, что находки наверхий жезлов относятся к знакам власти скептухов, которые и упоминаются в декрете в честь Протогена. В данном случае речь идет о катакомбных погребениях Тираспольщины. Исследование в данном районе курганов у с. Глиное позволило надежно датировать их последней четвертью III-первой четвертью II вв. до н. э. Погребения принадлежали скифам, попавшим под власть передвинувшихся в данный регион с территории Северо-Западного Предкавказья (?) кочевников. Так образовался новый родо-племенной союз, который и мог быть зафиксирован ольвийским декретом в честь Протогена под именем сайев. Именно благодаря пришельцам с востока культура Тираспольских кур-

ганов приобрела «северокавказско-савроматскую» окраску. В состав культурного пласта пришельцев входит и «ритуальный жезл» (Островерхов А. С. 2005. С. 244-249; Симоненко А. В. 2005. С. 255-259). В то же время Псевдо-Плутарх, видимо, основывающийся на данных Ктесифона и Аристобула, сообщает, что у населения, жившего возле Дона, владели скипетрами цари (Ps.-Plut. De flav. XIV, 3), что также остается неизвестным С. М. Перевалову.

Нам известны жезлы, представлявшие собой вырезанные на дереве композиции, покрытые золотой фольгой прямоугольной вытянутой формы, в сарматских материалах II-I вв. до н. э.-сер. I в. н. э. (комплексы из Писаревки-II, Жутово-64, могильники Барановка-I, Октябрьский-V, курганы у с. Питерка, ОПХ «Рассвет», х. Короли и ст. Раздольная). Все пластины найдены в погребениях воинов высокого социального ранга на особо важных, сакральных местах – меч, колчан, левая кисть руки. Они являлись инсигниями власти, демонстрирующими высокий социальный статус владельца (Мордвинцева В. 2006. С. 138-139). Уникальный скипетр в форме железного прута с шаровидным бронзовым навершием, покрытым золотой фольгой, обнаружен в сарматском погр. № 56, кург. № 2 Заманкульского могильника (Северная Осетия) (Туаллагов А.А. 2007. С. 207). Возможно, скипетр в виде раскрашенной деревянной палицы обнаружен в позднескифском Усть-Альминском могильнике (Крым).

Учитывая использование Тацитом явно заимствованного из греческого источника определения, отметим, что наиболее раннее упоминание скептухов встречается в произведениях Гомера. В них наблюдается смешение понятий о скипетрах как символах царского достоинства и как личных инсигниях. «Скипетроносцами» кроме царей выступают жрецы, военачальники, владыки-судьи, правящие над отдельными областями, члены совета старейшин. В контексте событий Троянской войны в качестве владельцев скипетров указываются «глав-

нокомандующие» объединенных сил, обладающие царской властью, а под их началом выступают приближенные к нему другие цари и вожди, являющиеся членами военного совета. Но скипетрами также обладают вестники троянцев и ахейцев, а также Гектор, который, не будучи царем, являлся главнокомандующим троянской коалиции.

Кроме того, отмечаются эпизоды избрания военачальников для похода народом или молодежью, что подтверждается сведениями Эсхила о даровании двум братьям, один из которых не имеет царственного достоинства, отдельных скипетров для участия в военном походе. Наличие скипетра дает право его обладателю творить закон, суд, выполнять жреческие функции, но и требует от него особой личной ответственности за происходящее. Причем, такой обладатель не только лично руководит войсками, приносит клятвы, но и ведет переговоры с противной стороной. Обладание этим скипетром, указывающим на ранг его владельца, ограничено только периодом военной кампании. Вполне вероятно, что скипетры, олицетворявшие царскую власть, не брались в поход, что находит соответствия в персидской истории. Они оставались в государстве, чтобы продолжить в случае необходимости служить инсигнией царской власти для очередного правителя. А скипетры как символы власти на период похода могли погребаться вместе с погибшим, т. к. были на тот момент его личным символом. Скипетры могли сохраняться владельцем и по окончании похода как знак его заслуг, отправляясь в иной мир с хозяином после смерти. Скипетр сопровождал в загробный мир и своего владельца жреца (Дергачев В. А. 2001-2002. С. 335-369).

Вполне вероятно, что обнаруженные в сарматских сугубо воинских погребениях, явно не рядового ранга, скипетры, были знаками военного предводительства их обладателей в определенный период их жизни. После смерти они отправлялись в иной мир со своими владельцами. Они не являлись инсигниями верховной власти (судя по тем же материалам за-

хоронений, вряд ли, их хозяева обладали верховной властью в обществе в целом), поскольку таковыми у сарматов служили головные украшения (Senec. Epis. Mor. ad Luc. 80, 10, 1-2). Не исключено, что скептухи наделялись соответствующими полномочиями в результате выборов на общенародном или общевойсковом собрании, что имеет известные параллели в свидетельствах Гомера. По крайней мере, следует отметить, что, исходя из сведений самого Тацита, рядовые участники военных кампаний, в том числе 35 г., обладали достаточно заметной свободой в действиях и в выражении своих представлений о тактике введомого боя. Так, и роксоланские воины свободно рассыпаются по местности для грабежа, видимо, не сдерживаясь под началом своей знати, а сарматы следуют не только указаниям своего военного предводителя, но и решают между собой как лучше действовать в конкретной ситуации.

Таким образом, археологические данные препятствуют безоговорочному принятию третьего положения второго довода С. М. Перевалова. Конечно, приходится осознать, что его предьявитель останется глух к приведенным материалам, т. к. он вообще отвергает «с порога» любые археологические аргументы (Перевалов С. М. 2007. С. 140). Следовательно, в стороне остаются и те археологические материалы, которые непосредственно связываются исследователями с данным походом (Ждановский А. М. 1990. С. 43; Шукин М. Б. 1992. С. 113; Каминский В. Н. 2000. С. 89; Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А. 1993. С. 178; Засецкая И. П., Марченко И.И. 1995. С. 101; Виноградов Ю. Г. 1994. С. 161; Трейстер М.Ю. 1994. С. 199-200; Гаджиев М. С. 1997. С. 76). По-существу, С. М. Перевалов таким образом пытается занять выгодную и сильную, с его точки зрения, позицию, за счет игнорирования данных археологии, в которых его познания весьма ограничены. Такая позиция может быть сильной для отдельного автора, но непригодна для научного исследования в целом.

Замечательно, что С. М. Перевалов при формулировании

своего довода по политическому строю сарматских племен считает особым вопросом рассмотрение скептухов как руководителей аланов-автохтонов, высвободившихся из аорского союза, или среднеазиатских пришельцев. Исходя из данных Тацита, он отрицает предположение об их связи с аорсами или сираками, а за счет сведений греческих копий произведения Иосифа Флавия предпочтительней считает их аланскую атрибуцию (Перевалов С. М. 2000. С. 207). По-существу, автор нарушает свой же избранный принцип самостоятельных доводов. Кроме того, само допущение изначальной связи аланов с аорсами не только противоречит его противопоставлениям, но вообще снимает дискуссию об аланском или сарматском происхождении участников вторжения 35 г. Привлечение же данных копий труда Иосифа Флавия лишь добавляет звено предположений, тем самым, подтверждая крайне предположительный характер всей гипотезы.

Вторым положением второго довода С. М. Перевалова является утверждение, что из сравнения описаний Страбона и Тацита следует смещение центра сираков, а с ними аорсов к западу в сторону междуречья Кубани и Дона. В то же время сарматы 35 г. должны были, по его мнению, скорее всего, обитать возле Дарьяльского и Дербентского проходов, что позволило быстро связаться с ними. Они могли быть родственниками северных иберов, как упоминал Страбон (Strabo. XI, III, 3). Впоследствии С.М. Перевалов добавил к данному положению ставшие ему позднее известные сведения о том, что в рукописях Тацита в сведениях о конфликте 49 г. упоминаются не Aorsi, а Adorsi, посчитав это значимым для идентификации сарматов 35 г., в частности, с точки зрения невозможности связать их с гипотетическими аорсами, контролировавшими территорию от низовий Кубани до Дарьяла (Перевалов С.М. 2000. С. 206-207; 2007. С. 142-143).

В своем утверждении, что центр сираков и аорсов переместился «на запад», автор почему-то дает сноску на данные

А.Б. Босуорта. Но сам А. Б. Босуорт ссылался на данные Э. Тойблера (Boswort A. В. 1977. P. 221-222, n. 15; Täubler E. 1909. S. 16) о перемещении сираков «на север», в которых и были озвучены краткое сопоставление данных Страбона и Тацита, а также идея прежнего оттеснения аорсов через Тамань «в западном и северо-западном направлении». Видимо, отсюда проистекает утверждение С. М. Перевалова, что аорсы предположительно наступали со стороны Тамани, а центр сираков и аорсов переместился «на запад». Последнее направление А.Б. Босуорт также указывал через указание на решения других исследователей (Boswort A. В. 1977. P. 220, n. 10).

О том, что критик пользуется не собственными наблюдениями, а краткими выдержками из решений других авторов, видимо, принципиально избираемых из среды зарубежных, свидетельствует именно озвучивание сопоставлений данных Страбона и Тацита. Э. Тойблер также не учитывал, например, сведений Помпония Мелы, который писал непосредственно перед конфликтом 49 г. и отмечал сираков (Sirachi) в районе Кубани (Mela. I, 114). Собственно единственным указанием на локализацию сираков у Тацита служит их помещение возле дандариев, которые всегда находятся в низовьях Кубани, откуда и шло продвижение римско-боспорско-адорского войска, подтверждаемое археологически (Масленников А.А. 1977. С. 127-129; Алексеева Е. М. 1988. С. 80). Отмечаемое вслед за Э. Тойблером передвижение союзнического войска на три дня пути до Танаиса (Дона) ничего не дает для решения вопроса о локализации сираков. Здесь путаются вопросы о размещении центра сиракского объединения и о конечном пункте продвижения войска. Прикубанская локализация сираков подтверждается и Птолемеем, помещающим Сераку (Σεράκκ) на Вардане (Ptol. V, 8, 28). На карте Певтенгера сираки (Seracoe) оказываются к востоку от Меотиды (TP. VIII, 2), т. е. вновь где-то в районе Кубани, что соответствует и реконструкции ее издателя К. Миллера.

Таким образом. С. М. Перевалов самоустранился от непосредственного обращения к данным письменных источников, чтобы утверждать об имевшем месте передвижении сираков с мест своего прежнего обитания к середине I в. Однако, как справедливо заметил А. С. Скрипкин, делать такое заключение по поводу сираков у нас нет надежных оснований (Скрипкин А. С. 2001. С. 22). Обращение к данным письменных источников (Туаллагов А. А. 2006) не позволяет и нам согласиться с утверждением критика. Единственным исключением является сообщение Плиния, помещающего сираков вдоль Тендринской Косы, на левобережье Днепра (Plin. NH. IV, 83). Это сообщение, действительно, могло бы зафиксировать факт миграции сираков на запад, но уже после описанных Тацитом событий римско-боспорского конфликта. Однако существуют определенные трудности и в таком толковании сведений Плиния (Туаллагов А. А. 2006. С. 102).

Собственно, возможные перемещение аорсов на запад и их действия в 49 г. через Тамань вполне вероятны, что разбиралось и отечественными специалистами (Мачинский Д. А. 1974. С. 129-132) еще до выхода работы А. Б. Босуорта. А вот утверждение, что быстро пройти в Закавказье могли кочевники, обитавшие возле Дарьяла и Дербента, просто повисает в воздухе. Народы-всадники достаточно быстро передвигались и на более дальние расстояния. Ссылка на свидетельство Лукана (Luc. Civ. 8, 223-224, 10, 454) столь же основательна, как и свидетельства копий рукописи Иосифа Флавия. Упоминание аланов в районе Каспийских заповор у Лукана еще не говорит об обитании аланов у них. Само данное упоминание многими исследователями считается исторически некорректным. Столь же сомнительно упоминание их и во втором отрывке у Лукана, причем, вообще вне какой-либо локализации. В объяснениях же к этому сочинению (Adnot. super Luc. 223) аланы рассматриваются как народ, живущий у Понта (Черное море).

Видимо следует указать, что на том же Северном Кавказе

могли обитать различные сарматские группировки. С. М. Перевалов концентрирует внимание на сарматах, которых Страбон помещал непосредственно к северу от Дарьяльского ущелья. Впоследствии аналогичную локализацию дает и Плиний (Plin. NH. VI, 40). Но Плиний знает и савроматов, обитавших рядом с талами, владения которых доходили до перешейка (пролива) Каспия (Plin. NH. IV, 16). В данном случае следует помнить, что для Плиния не существовало различия между савроматами и сарматами (Граков Б. Н. 1964. С. 240; Скржинская М. В. 1977. С. 41). Плиний также указывает на бегство Митридата VIII к неким савроматам (Plin. NH. VII, 16), что повторяет и Юлий Солин (Solin. XV, 18). Известно, что Плиний мог получить свою информацию непосредственно от Митридата. Тогда показательно, что сам информатор не дает точного этнического определения принявшему его племени, тем более не называет его сираками или аорсами. Не исключено, что Митридат бежал во владения сарматов, которые затем отмечены у Птолемея (Ptol. V, 8, 23-24) как «страна Митридата» (Яйленко В.П. 1990. С. 181). На таком фоне определение Тацитом участников похода 35 г. как сарматов может иметь под собой исторически вполне объективное основание.

Неожиданным выглядит решение С. М. Перевалова, что в 35 г. в Закавказье прошли потомки «скифо-сарматских» племен, обитавших, по Страбону, возле Дарьяла. Оно неожиданно не с точки зрения самой такой возможности, а с точки зрения более конкретного их определения. Я также полагаю, что упоминавшиеся здесь сарматы могли не иметь никакого отношения ни к аорсам, ни к сиракам (Туаллагов А. А. 2006). Однако это не может выводить их просто так из круга собственно сарматов, как и аорсов, и сираков. Тем более, что тот же Страбон считал и тех, и других сарматами. Сегодня нам становятся хорошо известными и памятники этих центральнопредкавказских сарматов (Заманкульский могильник и др.), в том числе, и их скептухов. За счет чего «аланы» Иосифа должны рас-

смагиваться как потомки сарматов Страбона, вряд ли, будет кем-нибудь обосновано.

Искусственно же сконструированные С. М. Переваловым «скифо-сарматские» племена Страбона вновь ведут к отрицанию самого предмета дискуссии. Несколько забегаая вперед, отмечу, что такие же искусственные конструкции С. М. Перевалов использует для произведений Арриана, где вместо тактики аланов и савроматов (сарматов) пишет об «алано-савроматской» тактике (Перевалов С. М. 2000. С. 209). Не исключено, что «скифы» Страбона, обитавшие в этом же регионе, представляли собой не сарматов, а иных пришельцев из азиатского региона. Но С. М. Перевалов не задумывается над конкретным содержанием приводимых им определений, тем самым, освобождая и нас от их расшифровки. Только заметим, что до С. М. Перевалова к указанным сведениям Страбона в связи с походом 35 г. прибегал, например, Ф. Теггарт (Teggart F. J. 1939. P. 222), а определение С. М. Переваловым придарьяльской особой группы сарматских племен, как не сираков и аорсов, а смешанной сарматской конфедерации, в которой произошла смена племенной верхушки – аорсов на аланов (Перевалов С. М. 2010. С. 320) может поразить одновременно смутностью представлений и механическим введением в них давнего и очень спорного мнения о «вызревании» аланов в аорсской конфедерации.

С. М. Перевалов, ограничиваясь противодействием гипотезам о сиракском или аорсском отождествлении сарматов 35 г., отмечает упущенное им ранее, как отмечалось выше, определение боспорско-римских союзников 49 г. как Adorsi, а не Aorsi, т. к. ранее считал его второстепенным для сюжета о предкавказских сарматах, но теперь использует для отрицания аорсской идентификации (Перевалов С. М. 2007. С. 142-143). В данном случае можно согласиться не только с второстепенностью, но и с посторонностью данного наблюдения именно для определения конкретных участников похода 35 г. А вот

изначальная «забывчивость» по поводу конъектуры Aorsi в произведении Тацита со стороны историка-античника, демонстрировавшего свои обширные источниковедческие познания, в том числе, через некорректные упреки в сторону археологов, вполне объективно отражены в замечании А. С. Скрипкина: «Простительно, когда археологи попадают впросак со ссылками на письменные источники, но ведь зачастую и самые крупные специалисты в области изучения этих самых письменных источников ничем не отличаются от своих коллег археологов» (Скрипкин А. С. 2001. С. 21).

Конечно, А. С. Скрипкин не является тацитоведом (Перевалов С. М. 2007. С. 142), но и его «критик», как оказывается, весьма далек от тацитоведения, что, однако, не мешает ему делать однозначные выводы. Что касается указанной конъектуры, то она, как отмечал и автор этих строк, неоднократно отмечалась в исследовательских работах (Charpentier J. 1917. P. 356; Altheim F. 1959. S. 73; Черняк А. Б. 1992. С. 95-102; Туаллагов А. А. 2001. С. 105), в том числе, и в обширном компилятивном труде А. Алемани (Алемань А. 2003. С. 37, 60), официальным рецензентом которого был С. М. Перевалов.

Первым положением второго довода С. М. Перевалова является противопоставление: Тацит участников событий 35 г. называет сарматами, но не аорсами и сираками (и не аланами, хотя их имя вообще не встречается у Тацита), а участников событий 49 г. – сираками и аорсами, но не сарматами. У «критика» возникло впечатление, что Тацит нетвердо представлял себе этническую ситуацию на Кавказе и предпочитал в сомнительных случаях пользоваться термином широкого значения «сарматы», как он обозначал население Восточной Европы, отличавшееся от германцев кочевым образом жизни и особой военной тактикой (Перевалов С. М. 2000. С. 206, 208; 2007. С. 141).

Интересно, что затем «критик», уже пользуясь компиляцией источников А. Алемани, находит упоминание у Орозия

сведений по аланам у Тацита (Орос. VIII, 34, 5), которые могли содержаться в утраченных пассажах (Алемань А. 2003. С. 103, 105). Однако привязка сообщения Орозия ко временам Александра Македонского, по мнению С. М. Перевалова, заставляет его усомниться в достоверности сообщения (Перевалов С. М. 2007. С. 142). Как мы видим, перед нами вновь встает проблема ограниченности источниковедческих знаний у отдельно взятого исследователя, которая должна побуждать к более взвешенному и терпимому отношению внутри научного сообщества. Что касается самого сообщения Орозия, то в любом случае, вне его контекста, оно заставляет учитывать вероятность знакомства Тацита со сведениями об аланах, что в свою очередь укрепляет позиции сторонников неучастия аланов в тех событиях.

Противопоставлять свидетельство Тацита об аорсах и сираках в 49 г., не называемых сарматами, и его же свидетельство о сарматах в 35 г. представляется опрометчивым. В первом случае Тацит подробно описывает саму военную кампанию и не ставит себе целью выяснение более подробной этнической принадлежности ее участников. Кроме того, аорсы и сираки итак были хорошо известны, и простое указание на них вполне исчерпывало для читателя желание представить себе конкретных действующих лиц. Впрочем, никто из древних авторов и не обязывался при каждом упоминании какого-то варварского народа строго объяснять его этническую принадлежность. Интересно, что далее Тацит признается, что составил единый рассказ о летних событиях двух лет, чтобы отдохнуть душой от тяжелого для него описания внутренних смут при Тиберии (Тас. Ann. VI, 38), которого он откровенно недолюбливал.

Такой внутренний настрой автора вполне объясняет его ставку на подробный на факты рассказ, а не на исследование происхождения сарматов. Фигурирование «сарматов» у Тацита вполне сопоставимо с фигурированием «скифов» у Диона Кассия и в латинских копиях труда Иосифа Флавия. Возмож-

но, эти сарматы не были ни аорсами, ни сираками. Например, образ жизни сираков, по Страбону (Strabo. XI, II, 1) и самому Тациту (Тас. Ann. XII, 16-17), противоречит представлениям Тацита о «сарматах» (Тас. De orig. et situ Germ. 46). Кроме того, на Северном Кавказе могли существовать другие сарматские объединения, названия которых не были известны европейским авторам. Сарматские отряды могли представлять собой и временные сводные объединения.

Нельзя утверждать, что Тацит плохо знал этническую ситуацию на Кавказе и в сомнительных случаях использовал термин «сарматы». Судя по его описанию событий, он был достаточно хорошо информирован, в отличие от Иосифа Флавия, а его знания о Кавказе нельзя сопоставить со знаниями Иосифа Флавия, поскольку последний их вообще не проявляет. Несомненно, по информативности сообщения Тацита приоритет более логично отдать именно ему. Кроме того, Иосиф Флавий и датирует произошедшие события ошибочно не 35 г., а после 37 г. Он относит события ко времени после посещения легатом Сирии Луция Вителлия Сирии и Иудеи в 36-37 гг., тогда как Тацит (Тас. Ann. VI,31-32) временем консульства Гая Цестия и Марка Сервилия, с чем согласуются и данные Диона Кассия (Dio Cass. XVIII, 4, 96-100) (Перевалов С. М. 2000. С. 205).

Интересно, что сам С. М. Перевалов не отрицает возможности использования Тацитом при описании событий 35 г. официальных римских материалов, хотя и неудачно встраивает свое замечание в приводимое им мнение Я. Харматта о таком положении для событий 49 г. (Перевалов С. М. 2007. С. 142). Сам подробный рассказ Тацита о событиях и их участниках вообще не сопоставим с краткой заметкой у Иосифа Флавия. Почему-то не обращается внимания даже на тот факт, что Иосиф вообще отрицает участие иберов и албанов в тех событиях, тогда как у Тацита именно содействие их пеших воинов всадникам сарматов обеспечило превосходство и победу над парфянами. У нас остается слишком много сомнений в

фактическом знании реалий тех событий Иосифом Флавием, в том числе, и по отношению к их конкретным участникам.

Наконец, особое значение в вопросе уточнения этнической принадлежности участников закавказского вторжения 35 г. С. М. Перевалов придает сведениям об оружии, тактике и, возможно, вооружении (Перевалов С. М. 1999. С. 66-67; 2000. С. 209-210; 2007. С. 143). Видимо, именно особое «напряжение» автора в вопросах вооружения и военного дела кочевников привело его к окончательной путанице с излагаемыми в источниках фактами. Его «логическая цепочка» выстраивается только за счет превалирования у автора его изначальной идеи над этими фактами. Только изначальный отказ от определения с вопросом о сарматской идентификации народов, постоянное смешение им аланов и сарматов, определение тактики как сармато-аланской, да и прямое причисление аланов к сарматам, как и в случае с определением аланов потомками «скифо-сарматских» племен у Дарьяла Страбона, вновь ведут к отрицанию самого предмета дискуссии.

Попытаемся рассмотреть предлагаемые доводы по порядку и определить, насколько был найден «ключ к этнической идентификации», как решили некоторые исследователи (Гутнов Ф. Х. 2001. С. 124). С. М. Перевалов отсылает нас к «Тактике» Арриана (Агр. Тас. 4, 3, 7), где говорится об атаке тяжелым длинным копьем (ковтос) аланами и савроматами, т. е. сарматами. Почему данная тактика, как было справедливо отмечено, должна рассматриваться как сугубо аланская и опускаться ее применение сарматами, непонятно (Скрипкин А. С. 2001. С. 22). Впоследствии С. М. Перевалов, видимо, для усиления аланской атрибуции контоса привел невнятный отрывок из «Лексикона» Гесихия Александрийского, для которого была предложена редакторская конъектура. Возможно, эта конъектура и верна, но она и останется только таковой. Но почему мы должны забывать о точных указаниях на контосы сарматов (Sil. Ital. Punica. XV, 684; Val. Flacc. Argon. VI, 162; Claud.

Carm. 21, 111) и савроматов (Stac. Achill. II, 131-132), т. е. тех же сарматов?

Контосы имели на своем вооружении и роксоланы в 69 г. (Tac. Hist. I, 69), что сопоставимо с действиями сарматов в 35 г. у того же Тацита. Но Тацит все-таки описывает действия сарматов. Большинство же его сведений о сарматах связывается с Северо-Западным Причерноморьем и более западными районами, где среди сарматов выделяются языги и собственно роксоланы (Tac. Ann. II, 29-30, Hist. I, 2, 79, III, 5, 24, IV, 4, 54; De orig. et situ Germ. 1, 17, 43, 46). По сообщению Овидия, копьем (hasta) (Ovid. Ibis. 135) в начале н. э. сражались языги. Конечно, нельзя в данном случае точно определить тип копья, но нельзя просто отмахиваться от данной информации (Перевалов С. М. 2007. С. 143; 1999. С. 66), сбрасывая ее со счетов, т. к. мы имеем дело с его особым выделением в вооружении языгов. Интересно, что сам С. М. Перевалов, опять-таки со ссылкой на А. Б. Босуорта (Boswort A. B. 1977. P. 240), указывает, что в первые века нашей эры выражение *sarmaticus contus* было техническим термином (Перевалов С. М. 1999. С. 67-68). Такое положение только подтверждает общую сарматскую, а не сугубо аланскую, атрибуцию контосов.

Почему-то «критик» решил, что тактика лобовой атаки в 35 г. должна свидетельствовать о наличии у ее участников аналогичного с роксоланами защитного вооружения (Перевалов С. М. 1999. С. 66). Но коль скоро в самом источнике нет подобных сведений, то всякое предположение таковым и остается. Гораздо позднее (173/174 гг.) мы видим вооруженных контосами языгов (Dio Cass. LXXXI, 7, 1-5), формировавших легкую конницу, хотя С. М. Перевалов почему-то предполагает их катафрактарную принадлежность (Перевалов С. М. 1999. С. 75). Интересно, что автор вообще вспоминает об этих языгах в рамках своего исследования. Первопричиной же такого положения, видимо, служит прежде озвученное, а теперь скромно опускаемое утверждение, что тактика тяжелой кавалерии сарматов считалась традиционной для определенной

группы родственных племен: аланов, роксоланов и языгов (ясов?) (Перевалов С. М. 1994. С. 32). Итак, все эти племена являются сарматами. Как же теперь выделить среди них конкретно аланов?

Несомненно, к сарматскому миру принадлежали и языги. Но С. М. Перевалов своим вопросом («ясы?») дает повод предполагать их генетическую связь со средневековыми ясами, которых многие исследователи считают аланами. Видимо, для большего фонетического созвучия он использует русскую форму названия народа «ясы» (а как же принцип первоисточника?). Получается, что мы имеем дело с готовностью признать спорную гипотезу о связи древних языгов со средневековыми асами. За счет упоминания Валерием Флакком языгов в эпизоде, связываемым исследователями с походом 35 г., через представленные у Геродиана формы «иазис», «иазигес», давно находил выход на сведения об «асах-ясах», например, и Ю. С. Гаглойти (Гаглойти Ю. С. 1969. С. 30). Однако для прямой идентификации асов и языгов нет достаточных оснований (Габуев Т. А. 1999. С. 122-123).

Кроме того, С. М. Перевалов видит революционные изменения в защитном вооружении роксоланов: кожаные панцири, по Страбону (Strabo. VII, III, 17), кожаные и из железных пластин, по Тациту (Tac. Hist. I, 69). Но почему мы не видим здесь, например, эволюцию, причем, за достаточно долгое время? Кожаные панцири применялись армиями различных народов и были достаточно прочными, особенно в случае изготовления их из нескольких слоев кожи. Появление металлических образцов вполне может рассматриваться в русле эволюции, совершенствования защитного вооружения.

Парадоксально, но С. М. Перевалов затем приводит нам раннесредневековые сведения о железном, тяжелом вооружении аланов, не смущаясь ни временным разрывом, ни задаваясь вопросом о возможной эволюции и т. д. До критической точки этой парадоксальности доводит утверждение, что Ам-

миан Марцеллин зафиксировал представления о том, что аланы были среди сарматов носителями нового вида оружия, свидетельствуя об объединении под их именем многих племен, в том числе, из-за одинаковости вооружения (Amm. Marc. XXXI, 2, 17). Описание же самого этого вооружения он дал в отрывке о придунайских сарматах вне связи с аланами, т. к. не смог согласовать разные традиции (Перевалов С. М. 1999. С. 67; 2000. С. 210).

Во-первых, вновь наблюдается отождествление аланов и сарматов, приводящее к бессмысленности утверждения. Во-вторых, конкретный перечень племен у Аммиана Марцелина, объединенных под именем аланов, не имеет никакой связи с сарматами и вообще с реальными на тот момент народами (Amm. Marc. XXXI, 2, 14-15), что отмечал еще В. Ф. Миллер. В-третьих, по Аммиану Марцеллину, аланов отличала именно легкость вооружения (... armorum levitate ...) (Amm. Marc. XXXI, 2, 21). Описание же сарматского вооружения (... hastae sunt longiores et loricae ex cornibus rasis et laevigatis, plumarum specie linteis indumentis innexae) (Amm. Marc. XVII, 2, 12) касается именно придунайских сарматов, о которых в источнике сохранилось достаточно много подробных сведений (Туаллагов А. А. 2009. С. 72-98), не позволяющих подозревать путаницу у автора.

Как и в случае с сообщением Овидия мы не можем точно определить тип сарматского копья (*hasta*), но вновь и не можем сбрасывать со счетов и его особое выделение в вооружении сарматов. Кроме того, заметим, что Аммиан Марцеллин указывает, что такие копья были «более длинными». Сарматские панцири, составленные из скрепленных роговых пластин, прямо напоминают описание панцирей именно сарматов, которые, по Валерию Флакку, и участвовали во вторжении 35 г. (Val. Flac. Argon. VI, 232-238). Подобные сарматские панцири описывал Павсаний (Paus. I, 21, 5), Марциал (Mart. VII, 2) и, видимо, Арриан (Arr. Tac. 44, 1).

С. М. Перевалов еще одним аргументом в пользу аланского происхождения участников вторжения 35 г. считает именно новую тактику действия всадников, имевших особую посадку и использовавших двуручный хват контосов, которая заключалась в действиях сплоченных эскадронов. Видимо, сегодня уже нет необходимости особо останавливаться на проблеме реальности «сарматской посадки» и двуручного хвата контосов (Симоненко А. В. 2001; 2002; 2008). Не помогут в данном случае ни указания на перепечатки переводов одних и тех же материалов (Перевалов С. М. 2007. С. 199), ни повторы «аргументов» (Перевалов С. М. 2010. С. 208-211, сн. 55). Что касается действия сплоченными, имеющими строгое построение эскадронами, то интересно приводимое самим автором наблюдение за сведениями Арриана, что так действовали савроматские и кельтские контофоры, а сам способ атаки назывался по-кельтски «толутоген» (Перевалов С. М. 1999. С. 74-75). Но в таком случае мы имеем дело именно с общим сарматским, а не с сугубо аланским способом боевых действий.

Следует учитывать, что именно компактное построение всадников, вооруженных длинными копьями, давало наибольший эффект для удара по противнику. Причем, необходимо помнить, что особое защитное вооружение обычно применялось знатью, тогда как основная масса воинов, воевавшая под их началом, не имела такового. По-существу, такие отряды должны были иметь не только строгую систему построения, но и разделение внутри себя по особенностям вооружения. Отмеченное Тацитом наличие длинных копий и мечей у сарматов еще не говорит о том, что они все сплошь должны были иметь тяжелое защитное вооружение. Действие сарматской конницы до генерального сражения, когда она бросалась на лагерь парфян, препятствовала заготовке корма для коней, вполне может рассматриваться как указание на ее легкость и мобильность.

Точно так Арриан (Arr. Ekt. 17, 31), первоначально отмечая защитное вооружение аланов и их коней, затем упоминает, что

противники и их кони могли не иметь доспехов. Исследователи полагают, что Арриан либо в действительности плохо знал противника, либо в задних рядах за катафрактариями шла легкая конница (Ростовцев М. И. 1914. С. 342). Поскольку после сообщения об отсутствии брони у всадников текст обрывается, то предполагают, что далее уточнялось ее отсутствие на бедрах и брюхах коней (Bosworth A. B. 1977. P. 235-236), т. е. на наиболее уязвимых местах. Такое объяснение удовлетворяет С. М. Перевалова (Перевалов С. М. 2007. С. 131), но не может являться доказательством того, что во втором случае речь не шла о всадниках, которые следовали за максимально бронированным рядом катафрактариев, имея более легкую защиту.

Учитывая 9-тысячный состав роксоланов в 69 г. с указанием на наличие брони только у знати, следует полагать, что основная масса роксоланов не имела такого вооружения. Интересно, что Тацит также указывал, что в рукопашной схватке римляне легко пронзали короткими мечами ничем не защищенных сарматов («*levi gladio inermem Sarmatam*») (Тас. *His. I*, 79). Вполне вероятно, что сарматские и аланские конные подразделения одновременно включали в себя всадников с различным вооружением, взаимодействие которых и обеспечивало эффективность боевых действий, т. е. не существовало отдельных армий тяжеловооруженных всадников.

Ранее упоминалось об использовании легкой кавалерией языгов контосов. Что касается непосредственно событий 35 г., то Тацит обоснованно определял явное военное превосходство антипарфянской коалиции именно за счет сочетания в ней конницы северных кочевников и пехоты из иберов и албанов, которые, как мы заметили выше, по Иосифу, вообще отказались воевать. Именно отсутствие пехоты очень ослабляло парфян. Если бы воевали только конные подразделения со стороны парфян и северных кочевников, то никакого приоритета, а тем более безусловной победы над парфянами последние могли бы и не добиться.

Показательно, что Тацит, описывая столкновения всадников и отмечая несхожесть тактики противостоящих сторон, в то же время указывает на обычную для конных схваток картину. Парфяне идут и в рукопашный бой, что не удивляет, т. к. использование конницы по типу противостоящей им было известно парфянам уже давно. Получается даже, что северные кочевники были слабее парфян именно в компоненте дальнего лучного боя. Сама плотная схватка пехоты и конницы антипарфянской коалиции с противником свидетельствует о том, что парфяне также применяли прямое контактное и продолжительное боестолкновение. Видимо, стоит вспомнить и свидетельство Помпония Мелы (Mela. III, 33), что кочевники Сарматии одеждой и оружием более всего походили на парфян.

Необходимо напомнить и утверждение С. М. Перевалова, что в 49 г. ни аорсы, ни сираки не применяли тактику тяжелой кавалерии, а описание такой тактики в 35 г. позволяет в согласии со свидетельством Иосифа Флавия подразумевать под сарматами аланов (Перевалов С. М. 1994. С. 32). Во-первых, нет окончательного определения со сведениями Иосифа Флавия, чтобы искать какого-то согласия. Нет в сведениях Тацита и указания на тяжелый характер кавалерии сарматов 35 г. Пример действий аорсов в 49 г. вообще остается вне обсуждения. Мы знаем только, что аорсы обязались действовать против врага конницей, без определения ее конкретных характеристик и тактики. В походе эта конница составляла авангард и арьергард колонны, что являлось обычным построением при передвижении римской армии и не имело никакого отношения ни к вооружению, ни к тактике кочевников. Сиракская же конница вообще не фигурирует в рассказе.

Столь же шатко утверждение автора (уже давно озвученное в отечественных исследованиях), что описание Страбоном столкновения роксоланов с армией Диофанта свидетельствует о тактической слабости кочевников, и совсем новая тактика представлена у роксоланов в 69 г. (Перевалов С. М. 1999.

С. 65). Однако нам не известна тактика роксоланов против Диофанта, поскольку Страбон ее не описывает (Щукин М. Б. 1994. С. 142), а его противопоставление беспорядочных и легко вооруженных варваров и организованных и хорошо вооруженных греков может являться не более, чем данью традиционной для эллинистических авторов теме (Нефедкин А. К. 2004. С. 282-283).

Строго говоря, непосредственно не описывается в источнике (Тас. Hist. I, 79) и тактика ведения боя роксоланами в 69 г. Мы можем только предполагать, что такую тактику применили роксоланы в предыдущем, 68 г. Кстати, интересно, что и в отношении этих событий мы вновь имеем прямые разночтения между Тацитом и Иосифом Флавием. Если Тацит сообщает о двух кампаниях роксоланов, то Иосиф Флавий сводит их в одну. Причем, теперь он пользуется обобщающим, по выражению С. М. Перевалова, обозначением «сарматы» (Ios. Bell. Jud. VII, 4, 3). Эти сарматы, по Тациту, были вооружены контосами.

Если же речь идет об особом компактном построении конницы и о соответствующих действиях такими эскадронами-турмами (*turma*), то и в таком случае дело обстоит не так просто. Непосредственно в описании столкновений между сарматами и парфянами Тацит упоминает турмы, но не у сарматов, а у парфян (Тас. Ann. VI, 35, 5). Судя по другим сообщениям, Тацит считал такие эскадроны характерными именно для парфян (Тас. Ann. XV, 29). Указание же на несхожесть тактики сарматов и парфян у Тацита тогда может подразумевать и действие сарматов общим фронтом, т. е. «лавой». Что касается непосредственно сарматов, то у них турмы упоминаются в произведении Валерия Флакка, в том эпизоде (Val. Flac. Argon. VI, 120-122), который некоторые современные исследователи связывают именно с событиями данного похода. Но, вряд ли, здесь стоит ожидать точного соответствия значению римского термина. В других относимых к данным событиям эпизодах поэт использует более нейтральные термины *manus* и *agmen* (Val. Flac. Argon. VI, 232, 751).

О турмах Тацит упоминает в описании военных традиций роксоланов (Tac. Hist. I, 79, 11-12). Но здесь действуют именно роксоланы, спустя 34 г. после событий в Парфии. Кроме того, как и Валерий Флакк, Тацит пишет о сарматах. О них же, как мы знаем, писал и Иосиф Флавий. О турмах опять-таки сарматов гораздо позднее упоминает Аммиан Марцеллин (Amm. Marc. XVII, 13, 9). Как замечал А. К. Нефедкин, в данном случае *turma* является не специальным военным термином, а обозначает просто конный отряд (Нефедкин А. К. 2001. С. 205; 2004а. С. 76). Исследователь отмечает и использование Валерием Марциалом (Marc. IX, 35, 4) для обозначения сарматского отряда абстрактного *manus*, которое, как мы знаем, использовал и Валерий Флакк. Позднее сведения об отряде, обозначенном термином *manus*, отмечается у сарматов-лимигантиков (Hieron. Chron. a 2350). Таким образом, у нас нет доказательств в пользу не только тяжелого характера сарматской конницы в событиях 35 г., но и прямых доказательств действий такой конницы специализированными отрядами. Подобные отряды упоминаются в источниках в приложении к сарматам, а не к аланам, но не всегда следует столь однозначно трактовать и такие сведения.

Необходимо помнить, что существовали и объективные технические ограничения в применении тяжеловооруженной конницы, выступающей сплоченной группой. При компактном построении конницы кони задних рядов не могут давить на передних, поскольку тогда они сгрудятся массой, начиная беситься, перестают слушаться седоков и расстраивают боевой порядок. Поэтому вполне закономерно, что древние катафрактари, как позднее у византийцев, строились всего в четыре ряда. В первом ряду кони и всадники были в полном защитном вооружении, во втором отсутствовал доспех на конях, два последних ряда представляли всадники в более легком вооружении, способные действовать враспынную, а после первого

удара копьями по противнику прикрывать по бокам и с тылу воинов двух первых рядов, наиболее уязвимых с таких позиций (Сланов А. А. 2007. С. 184-185).

В принципе, создание таких подразделений со своеобразной тактикой боевых столкновений, а также выработка соответствующих видов вооружения могло иметь давнюю историю. Несомненно, ударная мощь наступающих тяжеловооруженных всадников-копьемосцев значительно возрастала в случае натиска ими организованным кулаком, например, клином (Симоненко С. А. 2002. С. 108). Именно такой строй использовали скифы, у которых данный прием переняли фракийцы. От последних клинообразное построение всадников перенял для своего войска Филипп II Македонский (Asclep. Tact. 7, 3; Ael. Tact. 18, 4; Arr. Tact. 16, 6). В то же время нельзя считать окончательно установленным, что греки узнали клинообразное построение всаднических контингентов именно от скифов, поскольку в битве при Мантене в 363 г. до н. э. Эпаминонд так расположил конников на правом фланге своего войска (Денисон. 1897. С. 30).

Прием сосредоточения одетых в оборонительные доспехи всадников в центре войска для нанесения непосредственного удара по противнику демонстрирует построение «по скифскому обычаю» войск Сатира и Эвмела в битве при Фате (Diod. Sic. XX, 22), произошедшей после смерти их отца Перисада в 309 г. до н. э. Речь идет о компактном глубоком построении скифской тяжеловооруженной конницы, аналогичном персидскому построению в битве при Кунаксе. Исследователи полагают, что скифская и персидская традиции представляли собой пережиток первобытных поединков вождей, решающих исход битвы (Блаватский Б. В. 1946. С. 103, 105; 1950. С. 25; Черненко Е. В. 1984. С. 64, 67-68; Толстов С. П. 1948. С. 213, прим.; Мелюкова А. И. 1950. С. 40).

Предположение о давности скифского искусства такого конного боя, его применения еще во времена походов в Переднюю Азию, что имело определенное воздействие на местное воинское искусство (Блаватский Б. В. 1950. С. 25), нуждается в подтверждении на основании письменных и археологических источников. При всех сложностях идентификации (Yamauchi E. 1982. P. 87-91; Грантовский Э. А. 1994. № 3), в «Книге пророка Иеремии» (VI, 22-23) могло бы описываться вторжение 628/626 г. до н. э. скифов, которые предстают всадниками, вооруженными луками и копьями, и выстроенными, «как один человек».

Полагают, что тяжеловооруженные всадники уже в VI в. до н. э. составляли костяк войска скифов (Черненко Е. В. 1971. С. 37). Но известные нам данные свидетельствуют об усилении значимости тактики ближнего боя именно с IV в. до н. э., что было связано с возросшей ролью дружинников, составивших ядро войска, среди которых распространяется улучшенное металлическое или кожаное защитное вооружение и более совершенные формы наконечников копий и мечей (Мелюкова А. И. 1950. С. 34, 39; Черненко Е. В. 1971. С. 37). Выход на первый план таких подразделений дружинников в свою очередь развивал далее тактическую схему ближнего боя. Обращалось внимание (Черненко Е. В. 1971. С. 38) на последовательность действий скифов в битве при Фате. Они сначала разбили противостоящего противника, а затем, прекратив преследование, изменили направление удара и разбили пехоту. Такой сложный маневр требовал высокой выучки и дисциплины, чем не отличалась иррегулярная конница.

Панцирями владела, прежде всего, скифская знать (Мелюкова А. И. 1964. С. 64, 73, 69-74), что, кстати, сопоставимо с указаниями письменных источников и для характеристики вооружения более поздних воинов (Tac. Hist. I, 79; Just. II, 2, 3, XXII, 5, 83), подтверждая ограниченность количества подобно-

го рода подразделений. Хотя и изредка, но находки чешуйчатых панцирей отмечаются и в савроматских памятниках (Смирнов К. Ф. 1961. С. 75). Скифы использовали и длинные обоюдоострые мечи. У савроматов они были более распространены, появляясь с кон. VI в. до н. э. Из-за плохого качества металла римские легионеры применяли только колющие удары мечом, тогда как у тех же скифов уже с раннего времени ими наносились рубящие с коня. Не уступало по своему качеству скифскому оружию сарматов. Позднее мы наблюдаем усовершенствование длинных мечей. Так, в материалах «Золотого кладбища» впервые появляются длинные мечи без перекрестия, клинки которых имеют ребро жесткости для увеличения массы и прочности (Скорий С. А. 1981. С. 19-25; Кардини Ф. 1987. С. 35, 92, 135; Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Степанская Р. Б., Фомин Л. Д. 1974. С. 190; Каминский В. Н. 1990. Л. 43-44).

Если признать правильной предложенную К. Мюллером конъектуру «сираки», а не «фатеи» в произведении Диодора Сицилийского, что, видимо, допускает С. М. Перевалов, преследуя иные цели в доказательствах (Перевалов С. М. 2000. С. 207), то скифскому войску и тактике были противопоставлены полностью аналогичные войско и тактика сарматов. Тогда придется считаться и с мнением (Виноградов В. Б., Петренко В. А. 1973. С. 279), что тяжеловооруженная конница сформировалась у сираков. Было выдвинуто и положение (Клепиков В. М. 1998. С. 27), что в результате обострения демографической, экологической и социально-политической ситуаций у сарматов с IV в. до н. э. происходит перестройка военной организации за счет появления тяжеловооруженных конных подразделений, вооруженных длинными копьем и мечом. Вместе с тем, подобные воины появляются у сарматов еще на переходном этапе от савроматской к сарматской эпохе, и, как замечают исследователи, облик тяжеловооруженного сарматского воина напоминает картинку из романа о средневековых европейских рыцарях. Но сарматские «прототипы» на 2 000 лет старше

(Яблонский Л. Т., Мещеряков Д. В. 2007. С. 61).

Последние века до н. э. признаются многими исследователями за время появления катафрактариев в самом сарматском мире. Начало данного процесса у сарматов Поволжья относят к концу II в. до н. э., а окончательное формирование таких подразделений у сарматов в целом – к I-II вв. н. э. Другие исследователи сдвигают время соответствующих событий к рубежу н. э. или к I в. н. э. Предполагается появление катафрактариев у сарматов в I в. до н. э.-I в. н. э., а к концу I в. н. э. они имелись уже, по крайней мере, у большинства сарматских племен (Смирнов К. Ф. 1950. С. 110; 1954. С. 203; Блаватский Б. 1954. С. 114-115; Шилов В. П. 1959. С. 462; Хазанов А. М. 1971. С. 80-81).

С рубежа н. э. тяжеловооруженная конница начинает формироваться и в армии Боспора, где она выдвигается на первое место и полностью походит на сарматскую. С I в. до н. э. у сарматов появляются удила с боковыми щечками (мундштучное оголовье) для усиленного воздействия на рот лошади, столь необходимые тяжеловооруженному всаднику для облегчения управления. Вместе с ними они проникают в города Северного Причерноморья (Сокольский Н. И. 1954. Л. 286; Зубарь В. М., Симоненко А. В. 1984. С. 148-151). Такие удила изображены у катафрактариев на колонне Траяна.

Кстати, С. М. Перевалов отказывается принимать археологические аргументы, но часто использует в своих доказательствах изображения всадников на предметах, введенных в научный оборот на основе археологических разысканий. Он, например, использует и изображение на серебряном сосуде всадника из погребения в Косике, которое объявляет не только одним из самых значительных открытий последнего десятилетия, но практически прямой иллюстрацией к сведениям Тацита о походе 35 г. (Перевалов С. М. 1999. С. 71-72), что повторяют за ним и некоторые другие исследователи (Lebedynsky Ia. 2002. P. 163).

В последнее время в соответствующем контексте С. М. Перевалов занялся интерпретацией косикской надписи. Поскольку данное направление основывается на конкретном археологическом источнике, то прежде следует обратиться непосредственно к нему. С момента публикации материалов погребения № 1 «скептуха» у с. Косика («бугор Бэра», Нижняя Волга) (Дворниченко В., Плахов В. Федоров-Давыдов Г. 1985. С. 33-36) исследователями неоднократно предпринимались попытки их интерпретации в связи с известными по данным нарративных источников историческими событиями. Сами авторы раскопок первоначально датировали погребение № 1 и находившееся поблизости погребение № 2 рубежом н. э., считая второе погребение несколько более ранним по времени. В другой публикации погребение № 1 вместе с погребением из Кривой Луки были датированы концом I в. до н. э.-I в. н. э. (Дворниченко В. В., Плахов В. В., Федоров-Давыдов Г. А. 1985а. С. 126-128; Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А. 1989. С. 5, 12).

Впоследствии, ориентируясь на находку в погребении серебряной ложки с тамгообразным знаком типа знака боспорского царя Аспурга (7/14-37 гг.), авторы датировали погребение приблизительно серединой I в. н. э. Наличие в нем двух древних цилиндрических печатей они связали с походом сарматов на юг и с ограблением какого-то среднеазиатского или иранского храма. Затем без дополнительных объяснений они связали их с участием погребенного сарматского «скептуха» в борьбе за армянский престол (Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А. 1989. С. 10; Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А. 1993. С. 178).

Ю. Г. Виноградов, предложивший свою пространную реконструкцию несохранившегося фрагмента надписи на тазе, полагал, что аорсы, участвовавшие в иберо-парфянском противостоянии в 35 г., некоторое время (35-42 гг.) оставались слу-

жить неизвестному по другим источникам армянскому царю Артевасду. При его дворе работал выходец из северопричерноморского региона Ампсалак, производивший продукцию, соответствующую вкусам сарматской элиты. Затем аорсы, помогавшие какое-то время Артевасду в борьбе с вернувшимся из римского плена Митридатом, возвратились домой, а их предводитель привез с собой из Армении среди прочих даров армянского царя и изготовленный Ампсалаком таз.

Соплеменники царя впоследствии отправились к границам Боспорского царства, где были втянуты в междоусобную борьбу за боспорский престол (Виноградов Ю. Г. 1994. С. 158). Следует учитывать, что исследователь исходил в своей исторической интерпретации из датировки погребения, предложенной авторами раскопок. Поэтому, не находя в известном перечне царей Армении и Мидии Антропатены имени Артавасд, близкого в хронологическом плане, предположил, что в косикской надписи зафиксирован неизвестный письменным источникам армянский царь с таким именем.

М. Ю. Трейстер на основе стилистического анализа форм сосудов и сюжетов изображений на косикских сосудах из погр. № 1 первоначально принял датировку погребения, предложенную Ю. Г. Виноградовым и В. В. Дворниченко. Исследователь пришел к выводу, что в то время существовала особая «сарматская школа торевтики» (условно «школа Ампсалака»). Сарматский мастер мог происходить из среды аорсов, которые, по некоторым данным, обитали вплоть до Окса и Яксарта и составляли часть населения, переселившегося на Нижнюю Волгу из Средней Азии и ведшего торговлю через посредничество армян и мидийцев. К тому времени в Армении мог сложиться местный центр металлообработки, впитавший традиции художественных школ Среднего Востока и Восточного Средиземноморья.

Сарматский мастер мог находиться в составе стоявшей при дворе армянского царя Артавазда сарматской орды. Знакомый с сюжетами, мотивами и этнографическими деталями, характерными для Средней Азии, он мог освоить технику работ мастеров Парфии и Сирии, хотя не исключалось и достижение сарматами Дура-Европоса. Пройдя выучку в одной из мастерских, работавших в традициях позднеэллинистического искусства Восточного Средиземноморья и Парфии, заимствовав технические приемы и стилевые решения, он мог получить заказ от армянского царя произвести парадный, подарочный сервиз сарматскому вождю, воплотив его в формы, характерные для сарматской посуды. Изображения на ней могли воспроизводить мифы или эпические сказания, бытовавшие в сарматской среде. Но нельзя, по мнению исследователя, и отрицать возможности влияния на них конкретных исторических событий, а именно сражений сармато-иберийско-албанского войска с парфянами в 35 г. (Трейстер М. Ю. 1994. С. 172-202; Treister M. Yu. 1997. P. 58-62).

Как справедливо было отмечено, предложенный Ю. Г. Виноградовым вариант развития событий не является единственным с точки зрения возможности отражения взаимодействия ираноязычных кочевников с окружающим миром, а реконструкция содержания надписи вызывает сомнение (Клочков И. С. 1994. С. 216-217; Скрипкин А. С. 1996. С. 167 и др.). Видимо, следует уточниться, что реконструкция содержания (смысла) надписи всегда останется лишь реконструкцией.

Предложенная датировка косикского погребения серединой I в. н. э. (Дворниченко В. В., Демиденко С. В., Демиденко Ю. В. 2008. С. 240) в совокупности с предпринятой исторической интерпретацией М. Ю. Трейстера и Ю. Г. Виноградова (Дворниченко В. В., Егоров В. Л., Яблонский Л. Т. 2000. С. 255) и послужили основой для некоторых авторов воспринимать мужское косикское погребение в связи с событиями только похода 35 г. (Перевалов С. М. 1999. С. 71, 72; Гутнов

Ф. Х. 2001. С. 124-125). Исследователи связывали с данными историческими событиями и появление еще одной волны кочевников, отождествляемой с аланами, прошедшими вдоль каспийского побережья на Нижнюю Волгу, предположительно через Дарьял (Раев Б. А. 2006. С. 92-93; 2008. С. 128). Предлагалось связать его и с событиями более позднего похода аланов 72 г., с даром одного из подчиненных парфянам правителей соседней Армении Мидии Антропатены и др. (Яценко С. А. 2000. С. 88; Treister M., Yatsenko S. 1997/1998. P. 76). В то же время определялись и его связи (военные или торговые) с Боспорским царством или с торговой деятельностью аорсов с армянами и мидийцами (Сапрыкин С. Ю. 2002. С. 136, 215; Ольбрихт М.-Я. 2010. С. 80-81).

Вместе с тем, М. Б. Щукиным было справедливо отмечено, что остается вопрос с самой хронологией комплекса из Косики, который нуждается в специальном рассмотрении. Кроме того, среди носителей имени Артавазд были известны различные цари на армянском престоле: царь Артавазд, который предал в походе 36 г. до н. э. Марка Аврелия (Артавазд II, правил в 55-34 гг. до н. э. – А. Т.), Артавазд, сын Артавазда, правивший в 1 г. н. э.; его внук Артавазд, умерший в 10 г. н. э. (Артавазд IV, правил в 3/4-10 гг. – А. Т.). Известен и царь Мидии Антропатены Артавазд, умерший в 20 г. Следует учитывать, что в дошедших до нас письменных источниках не отражалась вся история сарматских наемников (Щукин М. Б. 1994. С. 202; 1995. С. 178-179).

Сам исследователь указал, что шансы предложенного Ю. Г. Виноградовым решения возрастут, если будет неприемлем для косикского комплекса хронологический интервал второй половины I в. до н. э.-самого начала I в. н. э. Вместе с тем, он справедливо, на наш взгляд, отмечал, что, хотя датировка предметов из погребения достаточно широка (I в. до н. э.-середина I в. н. э.), но по облику и набору они более тяготеют к горизонту «зубовско-воздвиженской группы», чем Хохлач-По-

рогов и «Золотого кладбища» (Щукин М. Б. 1995. С. 179).

Для датировки комплекса М. Б. Щукин считал показательным находку в нем ручки ковша типа Песчате, который в европейских комплексах, исключая Италию, сочетается с посудой позднелатенского периода, но никогда не раннеримского времени, преимущественно первой половины I в. до н. э.-середины I в. до н. э. Самой последней по времени находкой является серебряная ложка со знаком Аспурга, правившего в 8-38 гг., что совпадает по времени и с правлением армянского царя Артавазда, умершего в 10 г. (Щукин М. Б. 1995. С. 179; 1992. С. 105-108).

Аналогией ковшу из косикского погребения некоторые исследователи посчитали находку из сарматского погребения №1, кургана № 13 могильника Шаумяна (правобережье Нижнего Дона), датировав его последней третью I в. до н. э. (Безуглов С. И. 2001. С. 57-58; Глебов В. П. 2002. С. 37; но: Раев Б. А. 2006. С. 93-99). Сам могильник был оставлен гетерогенным коллективом, включавшим и носителей раннесарматской культуры.

Отдельные находки из косикского погребения, несмотря на возражения (Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А. 1993. С. 173-174), сопоставляются с материалами из погребений раннесарматской культуры левобережья Нижнего Дона, которая здесь доживает до рубежа н. э. и не исчезает в начале I в. н. э. (Ильюков Л. С., Власкин М. В. 1992. С. 209, 230). Отмечаются и сопоставления с материалами из «зубовско-воздвиженской группы» (Раев Б. А., Яценко С. А. 1993. С. 120, 121).

В развитие наблюдений М. Ю. Трейстера и Ю. Г. Виноградова, Д. Браунд предположил (Браунд Д. 1994. С. 173) иную возможность того, что упоминающийся в надписи на косикском тазе Артаваз был одним из правителей самих сарматов, как, возможно, и Флавий Дад, которого обычно считали ибером (Апакидзе А. М., Гобеджишвили Г. Ф., Каландадзе А. Н., Ломтатидзе Г. А. 1958. С. 61). Имя последнего было обнаружено в надписи на блюде из богатого погребения в Мцхета

(Braund D. 1993. P. 46-50). Сам косикский таз мог быть даром от одного сарматского правителя другому, и нет необходимости «воображать ремесленника при его дворе, сведущего в сарматском ремесле».

Обратившись подробнее к анализу фрагментированной надписи, исследователь (Braund D. 1994. P. 310-312) солидаризировался с Ю. Г. Виноградовым в том, что имя Ампсалак было обычным в среде народов степей Северного Причерноморья (Zgusta L. 1955. S. 198, 199), а иранское имя Артаваз хорошо известно в ономастиконе различных представителей ираноязычной знати. Д. Браунд посчитал возможным признать мастера Ампсалака, искусного, как полагали М. Ю. Трейстер и Ю. Г. Виноградов, в сарматском ремесле, работавшим непосредственно среди сарматов. Форма родительного падежа «царя Артеваза», по мнению исследователя, может указывать на владение этим царем тазом, а не на дар от имени этого царя. Данному царю, носившему иранское имя, и могло принадлежать косикское погребение. Оно могло принадлежать и другому погребенному здесь сармату, к которому таз, прежде принадлежавший царю Артевазу, правившему где-то на сопредельных территориях, попал в качестве добычи. Таким образом, Д. Браунд, выступив в русле гипотезы М. Ю. Трейстера о работе мастера Ампсалака непосредственно среди сарматов, выдвинул далее собственную гипотезу о том, что таз не был даром армянского царя, а изначально принадлежал сарматскому царю.

Более подробный анализ непосредственно материалов косикского погребения был представлен в другой статье М. Ю. Трейстера. Исследователь отметил, что найденные в косикском погребении изделия, украшенные в технике клуазоне, по стилистическим и технологическим признакам обнаруживают близость предметам из Артюховского кургана. Бронзовые ковши типа Песчате, как и найденный в погребении таз с атташем лировидной формы, были выполнены в позднелатен-

ском стиле в италийских мастерских начала-первой четверти I в. до н. э. Подобная бронзовая позднелатенская посуда получила достаточно широкое распространение в сарматских комплексах Прикубанья второй половины I в. до н. э.

Этим же временем датируются как изображения на косикском серебряном кубке браслетов-наручей, так и сам найденный в погребении золотой браслет-наруч. Последний мог быть изготовлен как сарматским мастером в Прикубанье, так и в боспорских мастерских, изделия которых получили широкое распространение в Прикубанье в это же время. Форма черпака и особенности декора серебряной ложки находят ближайшую параллель в сарматском погребении № 10 у хут. Песчаный (Закубанье) второй половины I в. до н. э. Нанесенный на нее тамгообразный знак может рассматриваться не как личный знак Аспурга, а как родовой, чем, по мнению исследователя, исключалось повышение даты погребения.

В результате, исследователь пришел к заключению, что само погребение «скептуха», в котором не содержатся материалы позднее середины I в. до н. э., с наибольшей вероятностью можно датировать в рамках второй половины I в. до н. э. Уточнение хронологии погребения, определяющиеся связи его материалов с Прикубаньем позволили ему внести и корректировки по вопросу исторической интерпретации. Он полагает, что упомянутый в надписи сосуда Артаваз был армянским царем Артавазом II, сыном Тиграна Великого, правившим в 55-34 гг. до н. э. Сосуд был найден в погребении сарматского участника малоазийских походов боспорского царя Фарнака II. Таким же участником мог быть и погребенный в кургане № 13 могильника Шаумян. Погребенный у с. Косика мог происходить из среды сираков Прикубанья, откочевавших в район Нижней Волги. Исходя из данных нарративных источников, исследователь более узко датирует время погребения 47-46 г. до н. э. (Трейстер М. Ю. 2005. С. 322-328; Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И.

2007. С. 320; Ольбрихт М.-Я. 2010. С. 80-81; Никоноров В. П. 2011. С. 125).

Данные корректировки по вопросам датировки косикского погребения и его исторической интерпретации послужили основанием для М.-Я. Ольбрихта пойти еще дальше и не исключать, что «царем Артевазом» косикской надписи мог быть и армянский царь Артаваз II, правивший около 150-111 гг. до н. э. Косикский кубок, ближайшей аналогией которому является кубок из кургана № 4 могильника Вербовский-II, мог быть сделан сарматским мастером в Армении, а попасть в погребение через торговые отношения аорсов с армянами и мидийцами. Всаднические изображения на кубке рассматриваются как изображения армянской или мидийской конницы (Ольбрихт М.-Я. 2010. С. 80-81). Недавно Н. Е. Берлизов датировал погребение, по сочетанию в нем ручки ковша типа Песчате, серебряной ложки с тамгой Аспурга, таза Эггерс-92 с посвятителной надписью, концом первого-началом второго десятилетий I в. н. э., связывая Артеваза косикской надписи с армянским царем Артавазом III (4-6 гг.) (Берлизов Н. Е. 2011. С. 213, 214). А. В. Симоненко и Б. А. Раев кратко указывают на начало I в. н. э. (Симоненко А. В. 2010. С. 214; Раев Б. А. 2012. С. 189).

М. Ю. Трейстер отмечал, что косвенным подтверждением датировки косикского погребения № 1 являются полностью не опубликованные (Дворниченко В. В., Плахов В. В., Федоров-Давыдов Г. А. 1985а. С. 127-128; Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А. 1989. С. 11-12) материалы женского погребения № 2, располагавшегося непосредственно на площадке «бугра Бэра» в нескольких метрах от мужского погребения. В данном погребении была обнаружена керамика прикубанского типа и бронзовая сковорода типа Айлесфорд. Таким образом, в женском погребении было представлено то же сочетание италийской бронзовой посуды позднелатенского типа и материалов (керамика), связанных с Прикубаньем (Трейстер М. Ю. 2005. С. 324).

Обращение исследователей к анализу материалов женского погребения позволило отнести его к раннесарматским памятникам и датировать, в целом, в пределах I в. до н. э. (Ильюков Л. С., Власкин М. В. 1992. С. 184; Сергацков И. В. 1994. С. 22; 1996. С. 113; 2000. С. 153, 154-155; Скрипкин А. С. 1997. С. 118; 2000. С. 138; Скрипкин А. С., Клепиков В. М. 2004. С. 98-100, 106, рис. 5; Берлизов Н. Е. 2011. С. 204). В историческом контексте его связывали с периодом войн Митридата VI Эвпатора с Римом (88-85 гг. до н. э., 74-69 гг. до н. э., 66-63 гг. до н. э.), в том числе в Малой Азии, а также с борьбой с Римом его сына, боспорского царя Фарнака II (Сергацков И. В. 1994. С. 22; Мордвинцева В. И. 1998. С. 35), который предпринял и окончившийся неудачей в 47 г. до н. э. поход в Малую Азию.

Таким образом, погребения № 1 и № 2 из Косики были изначально разно датированы (Сергацков И. В. 1994. С. 22-23, 26-27) и атрибутированы как относящиеся к различным сарматским культурам, что было зафиксировано в обобщающих статистических сводах по раннесарматской и среднесарматской культурам (Железчиков Б. Ф. 1997. С. 129; Скрипкин А. С. 1997а. С. 133; Сергацков И. В. 2002. С. 18; 2002а. С. 54). В то же время в отношении находки серебряного сосуда в погребении № 1 не исключалось его появление, как в связи с поддержкой сарматами Фарнака II, так и с сарматским походом в Закавказье в 35 г. (Скрипкин А. С. 1999. С. 130).

В конечном итоге, предпринятые уточнения по хронологии погребения «скептуха», позволили исследователям полагать, что погребения №№ 1 и 2 составляют единый комплекс, который, в целом, может быть датирован I в. до н. э., точнее второй половиной I в. до н. э. (Трейстер М. Ю. 2005. С. 322-328; 2010. С. 529; Treister M. 2005. P. 230; Mordvinceva V., Treister M. 2007. S. 40-42; Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. 2007. С. 320). Возможно, косвенно на такое положение указывает и находка серебряной пиксиды в погребении № 1. Находка в погребении такой «немужской вещи», как пиксида, сопоставима с находкой корзины, в которой лежали зеркало, бальзамарий, шило и

серебряная пиксида, в погребении второй половины I в. н. э. знатного воина-сармата у с. Весняное. Причина появления такого «женского набора», по мнению А. В. Симоненко, может быть двоякой: он символизировал «сопровождающую» покойника женщину, либо мы имеем дело с обрядом «передачи» на тот свет вещей, что прослежено этнографически (Симоненко А. В. 2012. С. 218).

Исследователи неоднократно обращали внимание на косикский кубок и на нанесенные на него изображения, находя им аналогии среди материалов других сарматских и иных памятников (Трейстер М. Ю. 1994. С. 184-191; фон Галль Х. 1997. С. 174-198; Treister M., Yatsenko S. 1997/1998. P. 65, 85; Бернард П., Абдуллаев К. 1997. С. 69-70; Яценко С. А. 2000. С. 86-103; 2000а. С. 179, сн. 23; Маслов В. Е. 1999. С. 226-227; Мамонтов В. И. 2000. С. 169; Симоненко А. В. 2001. С. 160; 2008а. С. 277-279; 2010. С. 86, 214, 228, 230; Сергацков И. В. 2000а. С. 132, 196; 2003; 2004. С. 110; 2006. С. 42-45; Редина Е. Ф., Симоненко А. В. 2002. С. 84; Брусницына А. Г. 2002. С. 122; Пуясов J. 2003. P. 293-294; Никоноров В. П. 2011. С. 125, Раев Б. А. 2012. С. 188-192 и др.). Важным представляются наблюдения о том, что на косикском кубке запечатлено междоусобное столкновение, тогда как изображение, использующее фронтальный канон, изредка появляется в Пальмире и Дура-Европос в раннем I в. до н. э., а всеобщее распространение получает в Сирии, Месопотамии и, вероятно, даже в Иране не ранее последней четверти I в. н. э. (фон Галль Х. 1997. С. 177, сн. 16).

Предпринимались попытки отнесения стиля изображений на кубке (сцена охоты) к собственно аланскому при сопоставлении с материалами осетинского Нартовского эпоса (Яценко С. А. 1992. С. 196, сн. 7; 1992а. С. 79-80; Литвинский Б. А. 2002. С. 190). Следует отметить, что выводы М. Ю. Трейстера о существовании «сарматской школы торевтики» оспариваются другими специалистами. Они связывают характерные черты косикского кубка с его производством в эллинистических мастерских Востока, прежде всего, Парфии или иных закавказ-

ских и малоазийских ремесленных центров (Сергацков И. В. 1994. С. 27; Скрипкин А. С. 1999. С. 130; Яценко С. А. 1993. С. 81; 2000. С. 87; Раев Б. А. 2009. С. 264, 2012. С. 168; Симоненко А. В. 2010. С. 228).

Предложенные М. Ю. Трейстером решения заслуживают особого внимания. Предполагаемое наличие на «бугре Бэра» двух синхронных погребений различных сарматских культур вполне отвечает наблюдениям исследователей о понижении нижнего хронологического горизонта для памятников среднесарматской культуры и о наличии гетерогенных по происхождению коллективов кочевников (на различных территориях наблюдается как сосуществование, взаимодействие, так и смешение носителей ранне- и среднесарматской культуры). Но вызывает сомнение попытка атрибутировать погребение как сиракское. Его хозяина с бóльшим основанием следует связывать с волной азиатских пришельцев, которую, не исключено, можно было бы рассматривать в свете вопроса появления в Восточной Европе аланов.

Нельзя пройти мимо и отмеченной связи материалов косикских погребений с Прикубаньем, наличия среди них родового знака типа знака боспорского царя Аспурга. История воцарения на Боспоре данного правителя происходила в условиях тесных и постоянных контактов еще свергнувшего Фарнака II в 47/46 г. до н. э. Асандра, затем Динамии и, наконец, самого Аспурга с племенами Прикубанья, в том числе и сарматами, активно втянувшимися ранее в военно-политические события «митридатовых войн». Среди них было и одноименное Аспургу племя аспургин, сыгравшее в конце I в. до н. э. значительную роль в укреплении новой династии на боспорском престоле и занимавшее особое место в устройстве самого Боспорского государства.

Данный исторический контекст не исключает возможности того, что появление тамги типа тамги Аспурга на серебряной ложке из погребения № 1 Косики не обязательно было связано непосредственно с контактами ее последнего владельца с

уже воцарившимся на престоле Аспургом и ограничением времени ее нанесения временем правления последнего. Возможно, следует обратить внимание и на такую деталь. Подобная тамга была выбита на серебряной фиале из набора серебряной посуды из кургана № 11 могильника Ново-Александровка-I (Нижнее Подонье). Вторая тамга, предположительно представляла собой неудачную попытку ее нанесения (Воронятов С. В. 2009. С. 93). Подобная тамга выбита и на двух серебряных сосудах из сарматского погребения № 14, кургана № 2 у ст. Михайловская (Закубанье) (Каминская И. В., Каминский В. Н., Пьянков А. В. 1985. С. 233, рис. 4, 2), которое датируют первой половиной I в. н. э. (Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. 2006. С. 53). Отметим, что погребение № 10 у хут. Песчаный, из которой происходит ложка, сопоставляемая Ю. М. Трейстером с косикской, было датировано второй половиной I в. до н. э. «с тяготением к рубежу эр» (Ждановский А. М. 1990а. С. 111, 112, рис. 34, 6; Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. 2003. С. 111; но: Симоненко А. В. 2006. С. 145-146).

Б. А. Раев заметил по поводу находки из могильника Ново-Александровка-I, что антропоморфное изображение на фиале могло персонифицироваться варварами с конкретным царем, а выбитый знак царя Аспурга позволяет предположить, что сервиз, вероятно, был подарен именно этим царем представителю кочевнической знати – скептуху (Раев Б. А. 2008а. С. 55). Подтверждением такой возможности считают находку серебряного таза с надписью из погребения у с. Косика (Воронятов С. В. 2009. С. 82). На наш взгляд, аналогию надо усматривать в тех образцах, на которые был нанесен знак, т. е. на серебряной ложке.

Знаки на упомянутых серебряных сосудах были набиты канфарником точками, т. е. их нанесение было произведено ремесленником. Сам способ нанесения, требующий известного мастерства (учтем вероятную неудачную попытку на фиале из могильника Ново-Александровка-I), вполне подходит для вы-

полнения официального распоряжения высокопоставленного дарителя и получения официального подарка одариваемым. Тамга же на серебряной ложке просто прочерчена. Причем, на золотой обойме изготовленной из яшмы рукояти ножа (Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А. 1993. С. 160, рис. 12, 3) зернью исполнено изображение тамги, видимо, самого хозяина погребения. Поэтому, если примеры с серебряной посудой могут быть с большим основанием признаны как официальные дары от лица непосредственно уже царствующего Аспурга, то сам способ нанесения тамги на косикскую ложку ставит под сомнение такую возможность.

Не исключено, что родовая тамга Аспурга отражает некие отношения между хозяином косикского погребения и Аспургом (или отношения между их родственными кланами?) еще периода до воцарения последнего на боспорском престоле и/или официального признания его статуса Римом (7 и/или 14 гг. н. э.). Они, например, могли происходить с периода, когда отстраненной от престола в 12 г. до н. э. царственной матери Аспурга Динамии в борьбе за возвращение власти пришлось бежать в Прикубанье, где ее враг Полемон I в 8 г. до н. э. был уничтожен аспургианами, ранее поддерживавшими умершего в 17/16 г. до н. э. ее супруга Асанр(о)х).

Отмеченная синхронизация погребений №№ 1 и 2 из Косики должна учитывать вероятную датировку погребения № 2 близко к рубежу н. э. по наличию в нем сероглиняного трехручного канфара, что сопоставимо с подобной находкой из раннесарматских погребения № 4, кургана № 12 могильника у с. Перегрузное и погребения № 13, кургана № 8 могильника Аксай-I, в которых, как и в случае с погребением № 1, кургана № 13 могильника Шаумяна, представлены погребения гетерогенных сарматских коллективов (Клепиков В. М., Шинкарь О. А. 2004. С. 147, рис. 7, 8; Дьяченко А. Н., Мэйб Э., Скрипкин А. С., Клепиков В. М. 1999. С. 101, 121, рис. 10, 2; Берлизов Н. Е. 2011. С. 204).

В последнее время к интерпретации в историческом контексте отдельно взятой надписи на косикском сосуде и обратился С. М. Перевалов, что было воспринято некоторыми исследователями как предложение им альтернативного прочтения косикской надписи (Воронятов С. В. 2009. С. 82, сн. 2). Собственно, как справедливо заметили другие исследователи, он присоединился к раннему решению М. Ю. Трейстера (Раев Б. А. 2009. С. 264), но через посредничество Д. Браунда. При чем. С. М. Перевалов заявил о предложении «дополнительных аргументов в пользу» точки зрения Д. Браунда. Но, при ближайшем рассмотрении, остается впечатление, что предложено было только переложение аргументов Д. Браунда на русский язык. Собственные же «дополнительные аргументы» состоят из абсолютно излишних в данном случае двух примеров надписей как обозначения права владения и сноски на работу В. И. Абаева, что имя Артаваз – типично иранское имя. Пользуясь формулировками самого С. М. Перевалова, «ссылку можно оставить без внимания». В конечном итоге, С. М. Перевалов заявил, что Артаваз был сарматским или аланским царем, обитавшим в регионе Нижней Волги (Перевалов С. М. 2008. С. 286-287).

Но в настоящее время данный автор пошел еще далее в своих утверждениях. Он заявил, что в иберо-парфянском конфликте 35 г., с которым Ю. Г. Виноградов связывал появление косикского сосуда, участвовали не сарматы, а аланы, Д. Браунд привел аргументы в пользу того, что сарматский царь, носивший иранское имя Артаваз, кочевал в северокавказских степях. Затем уже со сноской на свою прежнюю публикацию утверждает, что северокавказская территория в I-II вв. контролировалась аланами, владевшими и Дарьяльским проходом, «в связи с чем более правомерно рассматривать косикскую надпись в контексте раннеаланской истории» (Перевалов С. М. 2011. С. 4).

Данный «вывод» основывается не только на слабо аргументированной версии о сугубо аланском характере похода 35 г. и о расселении аланов к тому времени непосредственно к северу от Дарьяла, но и полностью игнорирует основополагающий собственно археологический контекст косикского комплекса. Таким образом, не только игнорируются справедливо отмеченная М. Б. Щукиным необходимость уточнения хронологии косикского комплекса, вопросы историографии, но и сам факт наличия такого уточнения.

Есть определенные основания отрицать отнесение косикского сосуда к продукции некой «сарматской школы торевтики» (Раев Б. А. 2009. С. 264) и, соответственно, отвергнуть попытки усматривать в его надписи упоминания некоего царя кочевников. Дискуссионным остается и вопрос о времени и условиях непосредственного попадания в среду кочевников соответствующего импорта (Трейстер М. Ю. 2005. С. 326-327; Раев Б. А. 2006. С. 92-93; 2006а. С. 304-307; 2008. С. 128; Сергацков И. В. 2006а. С. 274). Погребение № 1 из Косики, даже если его связывать с событиями 35 г., что, на наш взгляд, не имеет достаточного обоснования, может являть и пример запаздывающего появления в сарматских погребениях импортной посуды II-I вв. до н. э. (Раев Б. А. 2006. С. 92-93, Сергацков И. В. 2006а. С. 246-247). Справедливо и замечание, что не представляется всегда обоснованным стремление «озвучить» отдельные находки в сарматских комплексах через сведения письменных источников о тех или иных конкретных исторических событиях (Раев Б. А. 2006б. С. 88-89). В данном случае остается в силе замечание М. Б. Щукина, что письменные источники не донесли до нас фиксацию всех прошлых событий.

Но мы можем вполне уверенно констатировать, что косикское погребение «скептуха» ни по обряду погребению, ни по погребальной конструкции, ни по содержащимся в нем материалам, ни хронологически, ни территориально никак не связано с еще более поздней историей аланов Центрального

Предкавказья-Придарьяля, Объявление косикской находки не только одним из самых значительных открытий последнего десятилетия, но и практически прямой иллюстрацией к сведениям Тацита о походе 35 г. (Перевалов С. М. 1999. С. 71, 72) также просто умозрительное заключение, поспешно воспринятое отдельными зарубежными исследователями (Lebedynsky Ia. 2002. P. 163). Причем, оно представляется не более, чем переложением заявления Ю. Г. Виноградова о том, что «батальные сцены на косикском кубке невольно вызывают в памяти красочное описание решающей битвы сарматов с парфянами у Тацита (Ann. VI. 35)» (Виноградов Ю. Г. 1994. С. 163). Подобное заявление, как отмечалось, делал и М. Ю. Трейстер.

Следует признать, что у нас так и нет окончательных доказательств в пользу сугубо аланской принадлежности участников похода 35 г. Попытки С. М. Перевалова доказать обратное с упором на известные зарубежные издания не представляются убедительными (Балахванцев А. С. 2009. С. 10-11; Туаллагов А. А. 2009. С. 18-37), так же, как и попытки интерпретаций по некоторым вопросам технической составляющей военного дела кочевников (Симоненко А. В. 2001; 2002; 2008; 2010; Ивенских А. В. 2006. С. 20). Во втором случае даже не приходится говорить просто о «диаметрально противоположных взглядах» (Гутнов Ф. Х. 2011. С. 28-29). По-существу, мы имеем то, что всегда и имели. Данный вывод служит и ответом на некоторые наблюдения (Лысенко Н. Н. 2009. С. 159) в отношении позиции автора этих строк.

Поэтому сегодня не следует спешить, как делали некоторые исследователи (Дзукаева Н. В. 2000. С. 72-79; Цуциев А. А. 2001. С. 70-71; Гутнов Ф. Х. 2001. С. 124-125; 2002. С. 45-46; Глебов В. П., Парусимов И. Н. 2000. С. 78; Глебов В. П. 2001. С. 196; 2002. С. 38; 2002а. С. 137; Лысенко Н. Н. 2002. С. 328; Lebedynsky Ia. 2002. P. 43, 151; Камболов Т. Т. 2006. С. 143; Кузнецов В. А., Романова Г. Б. 2006. С. 47), присоединяться к мнению об аланской атрибуции участников этого похода через

субъективные трактовки С. М. Первалова. Отрицает ли это полностью такую возможность? Также нет. Видимо, сегодня вполне достаточно учитывать мнение о возможности участия аланов в походе 35 г. (Дзиццойты Ю. А. 2003. С. 182). Но, как справедливо было замечено, скудость и фрагментарность письменных источников, вряд ли, позволят нам это сделать, если только не найдется совершенно новый нарративный источник, на что, впрочем, чрезвычайно мало надежд (Сергацков И. В. 2008. С. 65).

ГЛАВА II

ПОХОД 72 Г. Н. Э.

Следующее свидетельство, основными фигурантами которого все исследователи, за редким исключением (Абрамова М. П. 1993. С. 173-175), признают аланов, является сообщение о походе аланов, живших возле Меотиды и Танаиса, через Гирканию в Мидию Антропатену (Ios. Bell. Jud. VII, 244-251; Cassiod. Ios. Bell. Jud. VII, 42; Heges. 50). Источники сообщают, что аланы, жившие возле Танаиса и Меотиды (Дон и Азовское море), вошли в соглашение с гирканским царем и, воспользовавшись открытым им проходом, неожиданно ворвались огромной массой в Мидию. Царь мидян Патор укрылся от захватчиков в неприступном месте, сумев только выкупить за 100 талантов захваченных аланами жену и наложниц. Когда аланы дошли до Армении, то ее царь Тиридат вышел им навстречу. Во время боя он едва не был схвачен, но успел пере рубить наброшенный на него аркан мечом и бежал. Рассвирепевшие аланы опустошили страну и с богатой добычей из двух царств вернулись домой.

Ориентиром для датировки тех событий служит их помещение Иосифом Флавием в период между захватом Римом Коммаген в 72 г. и началом действий Флавия Сильвы против крепости Масад в 72/73 г. С последствиями аланского вторжения или новым вторжением аланов связывают обращение в 75 г. парфянского царя Вологеза за помощью в Рим. На него хотел откликнуться, но не получил такой возможности, Домициан, сын римского императора Веспасиана (Suet. Dom. 2, 2).

До недавнего времени практически все исследователи

полагали, что эти же события нашли отражение в закавказских источниках. Речь, в первую очередь, шла о сообщении Мовсеса Хоренаци о том, как аланы, объединившись со всеми горцами и половиной Иверской страны, огромной массой вступили в Армению. Армянский царь Арташес дал им сражение, и аланы, немного уступив, отошли на северный берег Куры. Поскольку аланский царевич был захвачен в плен, то царь аланов стал просить о мире, предлагая дать Арташесу все, чего тот пожелает, а также вечную клятву и заключить договор, чтобы аланы более не совершали разбойничьих набегов на Армянскую страну. Арташес упорствовал, и тогда к нему обратилась сестра плененного царевича. В конечном итоге, все завершилось заключением брака между Арташесом и дочерью аланского царя Сатеник. Оба народа заключили мир (Мовсес Хоренаци. «История Армении». II, 50).

Данный рассказ впоследствии был кратко передан Мовсесом Каганкатваци (Дасхуранци), повествующим о том, как агваны, соединившись со всеми горцами и частью иверов, большими полчищами рассеялись по Армении. Армянский царь Арташес со своим войском расположился возле Куры. Агванский царевич попал к нему в плен. В результате был заключен брачный союз Арташеса и царевны Сатеник (Мовсес Каганкатваци. «История агван». I, VIII).

Сведения об этих событиях зафиксированы в грузинской «Картлис Цховреба». Согласно источнику, картлийские цари Азорк и Армазел Аршакиды обратились за помощью к овсам и лекам. Они привели с собой овских царей-братьев Базука (Базок) и А(н)базука, с которыми пришли пачаники и джики. Царь леков привел с собой дурдзуков и дидоев. Многочисленное объединенное войско вторглось в Армению, предав ее опустошению и захватив огромную добычу. Когда Сумбат Бавритиан собрал армян и стал преследовать врага, то северяне перешли Куру и остановились в Камбеговани над Иори. Сумбат Бавритиан перешел Куру, сразил копьем в поединке Базука и А(н)

базука («Плечо» и «Равноплечий» или «Имеющий мощные руки»), после чего армяне разбили противника, сокрушив множество овсов и леков. В основном удалось спастись иберам, которые хорошо знали горные проходы, и их цари укрылись в Мцхета. Из овсов и леков спаслись лишь немногие.

Однако данные грузинского источника оставляют открытым один вопрос. В повествовании о походе источник (Мровели Леонти. 1979. С. 33-35, 69-72) упоминает двух аланских царей. Они погибли, и впоследствии аланы совместно с иберами стали мстить армянам. После захвата армянского царевича Зареха аланы хотели убить его, желая отомстить за смерть царя. Логично полагать, что после гибели Базука и А(н)базука у аланов был новый правитель. Но источник ничего не сообщает о его гибели. Получается, что речь должна идти именно о последствиях вторжения аланов в Армению. Тогда в источнике отражена противоречивая информация о двух или об одном царе во время аланского вторжения.

Мовсес Хоренаци также отмечал, что вместе с Сатеник прибыли Аравелеаны. Они, в качестве сородичей великой царицы, были возведены в род и в нахарарство Армянской страны. При Хосрове, сыне Трдата, они вступили в свойство с неким храбрым воителем, пришедшим из страны базилов (Мовсес Хоренаци. «История Армении». II, 58). Аравелиане долго фигурируют в списках нахарарских родов, а в «Зоранамаке» отмечается их войско в 500 всадников. Сведения о прибывших в Армению вместе с Сатеник ее сородичах отражены также в армянских «Мученичестве Сукиасянов» и «Мученичестве Воскянов». Был сделан и грузинский перевод – «Мученичество св. Сукавейцев». Позднее в своих «Историях Армении» Лазарь Парпеци, Иованнес Драсханакерци и епископ Уахтанес повторили приведенные сведения.

В указанных источниках рассказывается о прибытии в Армению вместе с Сатеник 17 или 18 знатных алан, представителей высшей военной аристократии, царских придворных.

Во главе их стоял человек по имени Баракат (Барахата, Баракатрай, Баракеатрай, Бароукат, Бахадрас), бывший вторым в своем государстве сановником. Они восприняли новое учение и крестились у учеников апостола Фаддея (Иуда) Воскянов. Впоследствии сами Воскяны были изгнаны или казнены сыновьями Сатеник. Поскольку христианская проповедь вызвала при дворе армянского царя резко негативную реакцию, Баракат, получивший имя Исихий (Сукиас), и его сподвижники ушли на гору, которая стала называться по имени руководителя. Здесь они проводили время в молитвах, ведя суровую аскетическую жизнь.

Через 44 г. умер отец Сатеник, аланский царь Шапух (по другому варианту, через 43 г. после смерти апостола Фаддея), и на престоле воцарился Дидианос (Гигианос). Некто Скуер сообщил о Сукиасянцах, принявших другую веру. Царь аланов послал отряд воинов во главе с человеком по имени Барлака (Барсахлай) с приказом (грамотой) образумить отступников от веры предков, обещая им большое вознаграждение и возвращение прежнего положения в аланском обществе, или убить.

Стойкость в христианской вере Сукиасянцев стала причиной их мучительной гибели. Лишь двое самых молодых отшельников смогли спастись. На месте гибели Сукиасянцев креститель Армении св. Григорий Просветитель (Лусаворич) (252-325 гг.), узнав о столь славном подвиге за веру, воздвиг часовню. По грузинским источникам, император Византии Константин здесь построил в начале IV в. роскошную церковь. На месте последующего погребения двух избежавших гибели Сукиасянцев армянский царь Вагарш построил г. Вагаршакерт. В грузинских источниках отмечают эпизод о крещении Багдраса Аланели и принятии им имени Сукияса. В 1107 г. грузинская церковь объявила Багдраса-Сукияса святым и его днем установила 15 апреля. Интересно, что в армянском эпосе «Давид Сасунский», возникшем в VIII-IX вв., появляется сообщение о «кресте Патраза» («Хач Патразин»), который герой

обычно носил на правой руке (Техов Ф. Д. 1990. С. 99). Возможно, мы имеем дело с отголоском истории крещения алан в Армении. В памятных записях армянских рукописей упоминается о существовании в начале XV в., видимо, возле Хизана монастыря «святого знака (креста) Аланского».

Было обращено внимание на фразу из Гегесиппа по поводу искусного владения издалека аланами арканом, которое объяснялось источником привычкой алан сражаться издали и убежать или «надменностью от собственной отваги и к другим высокомерным презрением». За данным сообщением усмотрели выражение... «националистической спеси» аланов (Нефедкин А. К. 2001. С. 204). Если оставить в стороне экспрессивный и весьма осовремененный характер такой трактовки, то вполне ясно, что замечание Гегесиппа никак не связано с мастерством арканщика, а является ярким психологическим портретом аланских воинов в целом.

Характеристика аланских воинов как искусных арканщиков не находит себе параллели в сообщении Мовсеса Хоренаци, для которого армянские и аланские воины являются копыеносцами. Но у данного автора эпизод из рассказа Иосифа Флавия о наброшенном на армянского царя аркане и о счастливом бегстве царя получает иную трактовку и связан с образом другого царя. Согласно Мовсесу Хоренаци, армянский царь Трдат III Великий встретился в бою на равнине Гаргараци с царем базилов. Тот набросил на Трдата аркан, но последний, подтянув к себе за веревку противника, разрубил его пополам (Мовсес Хоренаци. «История Армении». II, 85).

Аналогичный эпизод излагает позднее Иоанн Мамиконян в «Истории Тарона». Но у него набрасывается аркан на армянского царя «царь севера» Гедреон, который потом сам спасается бегством, но оказывается разрубленным пополам уже вместе со своим конем. Затем пополам разрубается еще и военачальник, также носящий имя Гедреон. У Мовсеса Каганкатвацци против Трдата на равнине Гаргараци (в низовьях

Аракса и Куры) выступил царь баслов, правитель «северных жителей», который не пользуется арканом, но хватает армянского правителя рукой за его панцирь, после чего и разрубается сам пополам противником (Мовсес Каганкатваци. «История агван». XII). Басилы также упоминаются Мовсесом Хоренаци, повествующем о том, как при Валарше через ворота Чора в Армению вторглись басилы и хазары во главе с Внасепом Сурхапом. Валаршу удалось прогнать их за Чор, где он сам и погиб (Мовсес Хоренаци. «История Армении». II, 65). Позднее данное сообщение повторил Степанос Таронеци (Степанос Таронеци. «Всеобщая история». I, V).

Сближение представленных свидетельств наталкивается на целый ряд противоположных решений исследователей о географическом, хронологическом и этническом фоне вторжения в Закавказье. А. Гутшмид, как и Т. Моммзен (Моммзен Т. 1999. С. 291, прим. 2), обратив внимание на невозможность непосредственного вторжения аланов в Мидию через Гирканию, проводил маршрут аланского вторжения через Дербент, принадлежавший, якобы, гирканцам (Gutschmid A. 1888. S. 133; 1892. S. 42-44). Ю. А. Кулаковский, не соглашаясь с решением А. Гутшмида, полагал, что аланы, занимавшие пространства от Кавказского хребта до Меотиды и Танаиса, прошли через Дарьял (Кулаковский Ю. А. 2000. С. 60-63).

Е. Тойблер считал, что в событиях 72 г. принимали участие закаспийские аланы. Они договорились с гирканским царем и воспользовались контролируемым им горным проходом с юго-восточной стороны Каспийского моря. Аланы, по его мнению, не могли пройти через Дербентский проход, т. к. он никогда не принадлежал Гиркании, а его использование вело в Албанию, о чем Иосиф Флавий не сообщает. Исследователь подтверждал свое решение о закаспийском плацдарме вторжения ссылкой на сведения Птолемея об азиатских аланах и на сообщения китайских источников о переименовании Яньцай в Аланья. В попытке царя Парфии Вологеза в 75 г. организовать

совместную с Римом экспедицию против алан Е. Тойблер усматривал реализацию сугубо парфянских интересов, не касавшихся Рима, а направление похода, лежавшим не через Кавказ, где римляне уже обезопасили себя строительством в горном проходе крепости, а в удаленные от римских границ транскаспийские степи (Täubler E. 1909. S. 19-21).

Й. Маркварт изначально предположил, что у Иосифа Флавия сведения о гирканах появились в результате ошибочного перевода на греческий язык армянского этнонима *Wirk'*, который использовался для обозначения иберов. Затем исследователь решил, что греческие авторы могли в некоторых случаях называть Гирканией Иберию, а маршрут аланского вторжения шел через Дарьяльский проход, сведения о котором содержались, например, в работе Иоанна Лиды. В конечном итоге, Й. Маркварт, высказав критические замечания против гипотезы о закаспийском происхождении аланов, выдвинул гипотезу о том, что поход был организован причерноморскими аланами, ссылаясь на свидетельства китайских источников и разработки Ф. Хирта и указывая на изначально бессмысленность попытки Вологеза достигнуть Приаралья. Исследователь отмечал, что аорсы, ближайшие родственники аланов, владели практически всем западным побережьем Каспия. Поэтому аланы воспользовались контролируемым Гирканией Дербентским проходом, который и позволил им попасть сразу в Мидию. Умолчание о проходе в таком случае через Албанию объяснялось не затронутостью этого государства военными действиями. Й. Маркварт приводил в поддержку своей точки зрения предание о строительстве Александром Македонским «железных ворот» в Дербенте и о борьбе Исфандияра, сына Гистаспа, с аланами, против которых он поставил на Кавказе крепость. Исследователь соответственно отождествлял Гистаспа с Вологезом, а Тиридата – с Исфандияром (Marquart J. 1895. S. 632; 1901. S. 101-102; 1931. S. 78-113).

М. М. Дьяконов помещал аланов между Азовским и Ка-

спийскими морями, полагая, что они вторглись в Закавказье из прикаспийских степей. В то же время автор отмечал заключение ими союза с Гирканией (Дьяконов М. М. 1961. С. 220,231). В. Н. Гамрекели указывал, что аланы пришли с востока по договоренности с гирканским царем через Дербент или южный берег Каспия (Гамрекели В. Н. 1961. С. 60, 67). В целом, многие исследователи присоединились к решению о движении аланов через Кавказ, вплоть до осторожного предположения об использовании ими Меото-Колхидской дороги (Манандян Я. О. 1948. С. 66), в том числе и те, кто располагал места их обитания непосредственно в Центральном Предкавказье (Anderson A. R. 1928. P. 147-148; Debevoise N. 1938. P. 200; Teggard F. J. 1939. P. 162; Carrata Thomes F. 1958. P. 13; Тревер К. В. 1959. С. 126-127; Меликишвили Г. А. 1959. С. 345; Гаглойти Ю. С. 1966. С. 74-82; Виноградов В. Б. 1967. С. 165-170; Алиев И. 2009. С. 114-129; Акоюн А. А. 1987. С. 67-68; Halfman H. 1986. S. 43-44; Ковалевская В. Б. 1984. С. 85-87; 1992. С. 24-25; Braund D. 1994a. P. 226, n. 119; Гутнов Ф. Х. 1997. С. 3-7; 2001. С. 129-139 и др.).

В то же время в комментариях к переводу Гегесиппа в «Вестнике древней истории» (ошибочно приписан Амвросию Медиоланскому) «железные двери» Тавра, которые долгое время сдерживали аланов, идентифицированы с горным проходом возле Мидийских Раг. Наконец, Н. В. Пигулевская отмечала, что аланы шли от Азовского моря через Кавказ и Гирканию в Мидию (Пигулевская Н. В. 1956. С. 78-79). А. Босуортом было предложено решение, что в походе 72 г. участвовали аланы Приазовья, которые обогнули с севера Каспийское море, пройдя возле своей бывшей родины, и через Гирканские ворота вторглись в Мидию (Boswort A. V. 1977. P. 223). А. Р. К. Малькольм полагает, что аланы ворвались в Парфию с северо-востока через Гирканию, правитель которой заключил с ними договор, возможно, и специально поощряя их вторжение (Малькольм А. Р. К. 2004. С. 46).

Заложенные указанными исследователями направления решений нашли своих сторонников, которые в ходе собственных разработок активно привлекали данные западноевропейских и закавказских источников, а также археологические материалы. С аланскими набегами в Закавказье связывал катакомбные могильники в Северном Иране, в частности Дайламана, Ю. А. Заднепровский (Заднепровский Ю. А. 1968. С. 79-80; 1969. С. 304-307). Е. П. Алексеева отмечала сходство мингечаурских катакомб со среднеазиатскими, в частности, с ашхабадскими катакомбами (Алексеева Е. П. 1966. С. 216, сн. 1). С появлением в 72 г. аланов связали материалы катакомб Мингечаурского могильника И. Г. Алиев и Г. М. Асланов. Исследователи отмечали наличие западноевропейских свидетельств о походах аланов в Закавказье, сопоставимые с ними материалы могильников, в том числе Дайламана, совпадение сведений армянских и грузинских источников об отступлении аланов за Куру с расположением могильника, наличие округа и племени «алан» в Мукринском Курдистане (Алиев И. 2009. С. 114-129; Алиев И. Г., Асланов Г. М. 1975. С. 72-88).

В. А. Кузнецов, признавая за использованный аланами Дарьяльский проход, а за места их обитания – равнинно-предгорную зону Центрального и Северо-Восточного Предкавказья, присоединился к указанному решению о происхождении катакомб Мингечаура. Автор в то же время предлагает учитывать материалы Дайламана и отмечает название реки Аланиачай в Ленкорани, название округа и племени «алан» в Мукринском Курдистане. Отход аланов за Куру в Камбеговани согласуется, как он полагает, с мнением о превращении этого района с эпохи скифских походов в метрополию ираноязычных племен. В. А. Кузнецов считает, что в следующем походе 135 г. принимали участие и закаспийские аланы, приводя аналогичное мнение Я. Харматта, высказанное по поводу находки в низовьях р. Малый Узень на полуострове Мангышлак (Заволжье? – А. Т.) пряслица с парфянской надписью, которая может свидетельствовать и о походе 72 г. (Кузнецов В. А. 1992. С. 45-57).

М. Дж. Халилов отстаивал решение, что в 72 г. в Закавказье вторгались закаспийские аланы, использовавшие Гирканский проход. Автор заметил, что нельзя под гирканами Иосифа Флавия подразумевать иберов, поскольку у того этноним «ибер» употребляется в связи с закавказскими событиями, а проход, которым они владели, назван «каспийским». Кроме того, попасть сразу в Мидию аланы могли только через Гирканский проход. М. Дж. Халилов указывает на неоднократное использование даями-апарнами и саками закаспийских горных перевалов для своих набегов, на фиксацию большого числа катакомбных могильников (Дайламан, Нарузмахал, Хорамруд, Шахпир в Иране, Кизыл-Чашме, Хас-Кяриз, Мешрепи-Тахта, Пархай в Южном Туркестане), размещенных в зоне древнего Гирканского прохода и оставленных проникавшими сюда племенами, на данные погребений из Мингечаура в Азербайджане, указывающие на связь с Парфией и Средней Азией (Халилов М. Дж. 1992. С. 71-74).

Н. Е. Берлизов указал на четкое разделение Иосифом Флавием и другими географами и историками римского времени Гиркании и Иберии. Исследователь считает, что Иосиф Флавий описал поход 72 г. (на четвертый год после смерти Нерона) алан-саков и даев, живших возле Каспия и р. Узбой, названных в источнике Меотидой и Танаисом. Поход был инспирирован царем Гиркании, пропустившим аланов через Железные ворота у г. Раги в Эльбурсских горах. В результате оказалась сорвана карательная экспедиция Вологеза Парфянского на Адиабену. Находки итальянского и малоазийского импорта на Нижнем Дону и Кубани, по его мнению, не свидетельствуют о нахождении исходной точки похода в данном регионе, поскольку подобные изделия не известны в Мидии и Великой Армении. Результатом похода предлагалось считать появление на территории Гиркании в Дайламане катакомбных могильников I в. н. э. (Норузмахал, Кхорамруд, Шахпир), аналогичных по обряду среднеазиатским и средневековым аланским, а так-

же ранних катакомб Мингечаура. С другой стороны, закладка подбойно-катакомбных могильников Гхалекути, Хассани-Махал, Кхаромруд, Норузмахал в Северном Иране связана с участием аланов Лукана в Митридатových войнах.

По мнению исследователя, Мовсес Хоренаци и Леонтий Мровели сообщили о неудачном походе аланов-овсов в 114 или 115 г. (начало правления Арташеса), инспирированном царем Иберии. С ним связывается прекращение функционирования Чегемского курганного могильника в начале II в. н. э., определяющего исходную точку похода в Закавказье. В следующем походе 135 г., описанном Дионом Кассием и Флавием Аррианом, участвовали аланы-массагеты. Поход был предпринят по просьбе иберийского царя Фарасмана II, а его результатом явилось появление в Притеречье и Дагестане катакомбных могильников, чей погребальный обряд близок обряду катакомбных могильников Ферганы и Саяно-Алтая I в. до н. э.-II в. н. э., а золотые полихромные изделия из могильников Алхан-Кала и Братское близки закавказским образцам. Поход даваньских и кангюйских аланов-массагетов был результатом миграции, вызванной поражением аланов в сюннуско-китайских войнах за «Западный край» в конце I-начале II вв., которые прошли южным путем, уничтожив, в том числе, и носителей древностей круга «Хохлача» (Берлизов Н. Е. 1991. С. 24-25; 1997. С. 41-42; 2008. С. 491).

М. Б. Щукин посчитал достаточно убедительной реконструкцию Н. Е. Берлизовым событий похода алан 72 г., хотя перед этим предложил в качестве используемого аланами прохода Дарьяльский, находившийся в руках аорсов, с которыми родственные им аланы составляли одну конфедерацию (Щукин М.Б. 1994. С. 206, 208). Соответствующую хронологическую последовательность аланских походов принял Б. А. Раев. Он полагает, что в 72 г. аланы из Средней Азии и Западного Казахстана вторглись в Закавказье через Гирканский проход Южного Прикаспия, после чего часть аланов, составлявшая

«вторую волну», через Кавказ откочевала в Северное Причерноморье. Последующие набеги осуществлялись через кавказские перевалы из мест постоянного обитания аланов. В целом, результатами набегов могут служить находки импортных предметов в погребениях Нижнего Дона и Прикубанья (Раев В. А. 1986. Р. 62; Раев Б. А. 1978. С. 89-93; 1992. С. 79; 1994. С. 24-25; 2000. С. 198-199; 2006. С. 93).

К решению Б. А. Раева об источнике импортных изделий, например, из кургана «Хохлач», как результата аланского набега 72 г., примыкают решения В. Н. Каминского об импорте из погребений «Золотого кладбища», как трофеях войн 72 и 135 гг. (Каминская И. В., Каминский В. Н. 1993. С. 41), и И. В. Сергацкова об аналогичных предметах из «Хохлача», кургана № 28 могильника Высочино VII, кургана № 28 Жутовского могильника, кургана № 3 могильника Бердия, Косики, попавших в конце I-начале II вв. в регион в результате контактов аланов с Ближним Востоком. И. В. Сергацков предполагал совмещение в сообщении Иосифа Флавия событий продвижения аланов из Средней Азии в Европу через Гирканию и Кавказ между 50 и 65 гг. и их набега в Закавказье из Приазовья и Нижнего Дона (Сергацков И. В. 1994. С. 26-27; 1998. С. 46-48).

С походом 72 г. связывал материалы «Золотого кладбища» А. М. Ждановский (Ждановский А. М. 1992. С. 50). М. С. Гаджиев соответственно рассматривал серебряную чашу с надписью от царя Пакора из ст. Даховской на Кубани (Гаджиев М. С. 1997. С. 101). И. И. Марченко считает несомненным участие сиракской дружины в аланском походе, с чем связаны вхождение сираков в аланский племенной союз и закавказский импорт «Золотого кладбища» (Марченко И. И. 1996. С. 138). Я. Б. Березин и В. Л. Ростунов предположительно связали с этим и последующими походами прекращение функционирования во второй половине I в. н. э. сарматских могильников в Заманкуле (Северная Осетия) (Березин Я. Б., Ростунов В. Л. 1994. С. 50).

С. А. Яценко считает, что в 72 г. придонские аланы под руководством братьев Базука и Амбазука вторглись в Армению,

где потерпели поражение. До этого их сестра вышла замуж за боспорского царя, что предопределило совместные действия Боспора и аланов против скифов. Таким образом, автор объединяет сведения Иосифа Флавия и «Картлис Цховреба», а сообщение Мовсеса Хоренаци относит к 114 г. Прелюдией к последнему событию автор называет набег аланов в Мезию зимой 101/102 г., аланское посредничество посольству в Парфию от Децебала Дакийского, боровшегося с Римом, римский поход в Закавказье в 109 г., закончившийся резким урезанием прав боспорского царя, превращением Армении в римскую провинцию и признанием отцом Сатеник римской власти, секретное посольство боспорского царя Савромата I в Рим, вызванное «волнениями аланов».

Столкновение аланов с Арменией и Боспором было реакцией аланов на действия Рима. На Боспоре оно фиксируется по разрушениям крепостей Азиатского Боспора и укреплением Савроматом I за счет царской казны Танаиса и Горгииппии. Отношения аланов с Боспором, по мнению С. А. Яценко, отражены в одном из рассказов Лукиана Самосатского. Исследователь помещает аланов в низовьях Дона, а с походом рубежа I-II вв. предлагает сопоставить аланскую топонимику Иранского Курдистана. С историей принятия христианства родственниками Сатеник он предлагает сопоставить сведения о высылке Траяном (98-117 гг.) в Армению 11 000 христиан. Автор предполагает связать с событиями 72 или 75 гг. парфянский парадный боевой нож с возможным изображением парфянского царя Вологеза I из Красногоровки III, древневавилонскую и персидскую цилиндрические печати из Косики, кварцевую вавилонскую печать из кургана № 3 у ст. Тифлисской (Яценко С. А. 1992б. С. 48-49, 1993. С. 84-87; Treister M., Yatsenko A. 1997/1998. P. 88, n. 276; Гудименко И. В. 1990. С. 8, рис. 1, 4; Ждановский А. М. 1984. С. 73, рис. 1, 28; 1984а. С. 52).

Т. А. Габуев усматривал в сообщениях древних источников отражение похода 72 г. донских аланов в союзе с овсами,

располагавшимися вблизи Дарьяла и оставившими грунтовые могильники Нижний Джулат, Чегем II, Подкумок. Грузия использовала помощь соседей для продолжения давней войны с Арменией. По окончании похода овсы и, возможно, какая-то часть аланов, приняли участие в последовавшей войне Грузии и Армении (Габуев Т. А. 1996. С. 45-46; 1997. С. 123-128).

Вопрос о хронологии аланского вторжения (Gutschmid A. 1888. S. 133; Täubler E. 1909. S. 18-27; Marquart J. 1931. S. 78; Debevoise N. S. 1938. P. 200; Bivar A. D. H. 1986. P. 86, 87; Алемань А. 2003. С. 55, 139-141) также получил различные решения. Например, Л. С. Ильюков и М. В. Власкин полагают, что поход, с учетом воцарения в Парфии Патора II, не мог состояться раньше второй половины 70-х гг. I в. (Ильюков Л.С., Власкин М. В. 1992. С. 16-18). Э. Бикерман датирует его 75 г. (Бикерман Э. 1975. С. 289). В примечаниях к переводу В. В. Латышева указывается 68 г., что, видимо, послужило основанием датировки для некоторых исследователей (Тогошвили Г. Д. 2012. С. 59). М. М. Дьяконов писал о вторжениях в Закавказье и Мидию Антропатену между 72 и 74 гг. и в Парфию – в 75 г. (Дьяконов М. М. 1961. С. 22).

Дополнительные хронологические ориентиры появлялись и в результате привлечения данных закавказских источников. Г. А. Меликишвили относил царствование иберов Азорка и Армазела к 70-м гг. (Меликишвили Г. А. 1959. С. 58). В. Ф. Миллер помещал время их правление между 87-103 гг. (Миллер В. Ф. 1992. С. 523). Ф. И. Тер-Мартirosов обратил внимание на специфику труда Мовсеса Хоренаци. Древнеармянский автор рассматривал историю Армении как историю единого государства и как список родословных правителей. На месте Трдата I у него действует основатель аршакидской династии Вагаршак (159-131 гг. до н. э.), брат парфянского царя Аршака Великого, который воцарился в южных землях Армении, отторгнутых Парфией, что отразилось в сообщениях Страбона о захвате у Армении северной области Сакашены. В то же время Мовсес

Хоренаци включает в список Аршакидов последнего царя династии Оронтидов Ерванда и основателя династии Арташесидов Арташеса I. Исследователь считает, что аланы обрушились на северные области Великой Армении, где по-прежнему правили Арташесиды. Сведения о вмешательстве армян в междуусобную войну аланов за престол, повлекшим за собой восстановление на него прав брата Сатеник, сопоставляются с упоминанием Мовсесом Хоренаци о смутах на Северо-Западном Кавказе при Аршаке на рубеже II-I вв. до н. э. (Тер-Мартirosов Ф. И. 1991. С. 106-108).

Наметились и различия при решении вопроса о времени деятельности крестившихся сродников Сатеник. Например, если С. А. Яценко ограничивает ее верхнюю дату 60-70 гг. II в. (Яценко С. А. 1993б. С. 88), то М. К. Джюев и В. А. Кузнецов относят к IV в., когда Армения официально приняла христианство, а Трдат III Великий женился на аланке Ашхен (Джюев М. К. 1992. С. 51-53; Кузнецов В. А. 1992. С. 47).

Обратимся к гипотезе об азиатском плацдарме аланского похода. Сложно согласиться с мнением, что под Меотидой и Танаисом, откуда пришли аланы, подразумеваются Арал и Узбой. Такая идентификация должна быть подкреплена конкретными материалами из трудов самого Иосифа Флавия, а не из других источников. Но соответствующие материалы не известны. Ссылка на сведения Страбона, Плиния Старшего и Арриана также сама по себе не является доказательной. Страбон подразумевает под Танаисом Дон и оспаривает другие решения. Аналогичного мнения придерживался Плиний Старший, указывая на отличные «выводы древних». Арриан знает два Танаиса (Куклина И. В. 1985. С. 153-158). В объяснениях Цеца к «Кассандре» Ликофрона раскрывается идентификация Меотиды и Танаиса Иосифом Флавия с Аральским морем и среднеазиатской рекой. Однако мы имеем дело с интерпретацией именно Цеца, которая, в принципе, не может восприниматься столь однозначно. Кроме того, сам Иосиф Флавий (Ios.

Bell. Jud. II, 16, 4) еще раз упоминает Меотиду в контексте, явно указывающим на Азовское море (Цуциев А. А. 1999. С. 100).

Касаясь решения о закаспийском происхождении аланов, остается только присоединиться к критическим замечаниям, высказанным по данному поводу (Marquart J. 1931. S. 78). Н. Е. Берлизов привел любопытное наблюдение о совпадении сведений самого Иосифа Флавия о вторжении в 72 г. аланов и о набеге саков и даев в Парфию (Ios. Ant. Jud. XX, 4, 2) незадолго до смерти царя Адиабены Изата в 71/72 г. (Берлизов Н. Е. 1997. С. 42). Однакостораживает молчание самого источника о тождественности этих походов, а их отдельное описание более свидетельствует о различии событий. Стоит также отметить, что даи и саки грабили Парфию, а не Мидию и Армению, как аланы.

На тех же основаниях следует отклонить и другое аналогичное решение (Халилов М. Дж. 1992. С. 71-72). Однако приведенные в нем аргументы в пользу использования аланами Гирканского прохода, представляются достаточно убедительными. Было справедливо замечено, что Железные ворота Александра у Иосифа Флавия напоминают о проходе македонян в 331 г. до н. э. «Железными воротами» у г. Раги (Берлизов Н. Е. 1997. С. 41-42). Остается в силе и замечание о невозможности вторжения аланов сразу непосредственно в Мидию при использовании Дарьяльского прохода (Marquart J. 1931. S. 78). Обычно в подтверждение такого развития событий ссылаются на сведения Гегесиппа, Мовсеса Хоренаци и Леонтия Мровели, что в походе приняли участие северокавказские народы и иберы.

Сведениям Гегесиппа, несомненно, основаны на сведениях Иосифа Флавия. Здесь повторяются данные о проходе аланов именно через Гирканию, но утверждается об участии во вторжении других варварских племен. У Иосифа Флавия подобной информации нет, но она попросту невозможна в силу

самого хода событий. Привлечение приазовскими аланами северокавказских племен при направлении вторжения через Гирканию означало бы не только потерю времени, но и грозило привлечь внимание к активным передвижениям на границах со странами Закавказья, которое бы стало достаточно очевидным и свело к нулю эффект неожиданности. Кроме того, подобный марш-бросок вполне доступен конному войску, которое служило основой военной силы аланов, чего не скажешь о северокавказских племенах. Поэтому, только исходя из технических характеристик предполагаемого смешанного отряда вторгавшихся, поход не мог развиваться столь стремительно и неожиданно.

У нас нет и никаких доказательств в пользу подтверждения установления к тому времени каких-либо тесных контактов между аланами и населением Центрального и Северо-Восточного Предкавказья. Приводимые Гегесиппом оригинальные факты о походе аланов, которые отсутствуют у Иосифа Флавия, не позволяют видеть, как иногда полагают, в его работе простой перевод первоисточника, а предполагают наличие в его распоряжении и иных сведений. Кроме того, эти же сведения указывают на то, что инициаторами вторжения были сами аланы, а не гирканский правитель.

Почему же Иосиф Флавий не знает никаких союзников у аланов, а спустя 400 лет, они обнаруживаются? В первую очередь в этом мог сказаться фактор времени, когда аланы становятся доминирующей силой на Северном Кавказе, в том числе его центральной части, превращающейся в их новую родину. Теперь аланы сами воспринимаются как северокавказский народ. Причем, многие другие северокавказские племена различными путями включаются в аланские объединения. Поэтому участие в походе аланов других племен для авторов древних сочинений становится исторически оправдано и логично. Однако отметим, что источник не указывает на сугубо северокавказское происхождение сподвижников аланов.

Принимая за основу гипотезу о движении приазовских аланов через северное побережье Каспия, по его восточному побережью, через Гирканию (Boswort A. В. 1977. Р. 223), следует учитывать историю самих аланов. Они появляются в приазовском регионе около середины I в. н. э. и совершают свой поход спустя лишь 25 лет. За этот срок, не превышающий срок жизни одного поколения людей, аланы неизбежно сохранили связи со своими восточными сородичами и память об условиях жизни в недавно покинутых и соседних землях. Следовательно, для аланов предполагалось движение по известным им местам, в известной обстановке и среди родственных им племен. Аланы должны были хорошо знать и Гирканский проход и эффективность его использования для военных набегов, о чем свидетельствуют письменные и археологические источники. Все эти благоприятные факторы полностью отсутствовали в то время при движении через Кавказ.

Не менее активны и хорошо осведомлены в вопросах произведения грабежей в южном направлении были их восточные сородичи, которые вполне могли способствовать походу и личным участием, имея для этого все условия. В X в. Ат-Табари сообщает о строительстве Перозом в V в. крепости в области Сул и аланов, которая позднее была укреплена камнями, привезенными из области Гуркан (Гиркания). Это дает право согласиться с мнением, что этот район располагался на восточном побережье Каспия (Пигулевской Н. В. 1941. С. 44). В походе приазовских аланов могли участвовать и их местные закаспийские сородичи, чьи земли доходили до горных районов Восточного Прикаспия. Такая ситуация напоминает реконструируемую ситуацию на Северном Кавказе и связанную с этим трактовку похода Гегесиппом. Примечательно, что автор называет пройденные захватчиками горы Тавром, который по древним представлениям объединял Кавказ с другими восточными горными хребтами.

У нас нет никаких оснований определять открытый ала-

нам гирканским царем горный проход как Дербентский. Нет оснований и считать гирканского правителя правителем иберов. Попытка (Marquart J. 1931. S. 78) опереться на фольклорный материал встретила справедливые возражения (Бартольда В.Б. 1971. С. 390), как и попытка привлечения данных Иоанна Лида (Балахванцев А. С. 2009. С. 11-12). Сомнительно решение (Тревер К. В. 1959. С. 127; Гаджиев М. С. 1997. С. 100), что тогда Дербентский проход был недоступен аланам, поскольку нет сведений об объективных препятствиях. Более значимо замечание о союзнических отношениях Албании с Парфией, Мидией и Арменией. При таком положении Албания, даже не сумев воспрепятствовать стремительному проходу аланов, могла предупредить союзников об их приближении. «Недоступность» прохода могла диктоваться и предполагаемой нецелесообразностью его использования. Приазовские аланы могли знать и о событиях 35 г., когда Дербентский проход оказался недоступен, что могло дополнительно стимулировать принятие решения двигаться в обход Каспия. Остается только добавить, что решение о вторжении среднеазиатских аланов и сожаление об ином решении «некоторых современных авторов» (Балахванцев А. С. 2000. С. 29-30; 2009. С. 11-12) не совсем корректны (Раев Б. А. 2006. С. 93, сн. 3). Во-первых, некоторые современные авторы и ранее считали участниками вторжения среднеазиатских аланов. Во-вторых, такое решение не представляется достаточно убедительным.

Как было отмечено выше, с последствиями аланского вторжения или новым вторжением аланов, события которого не были отражены в письменных источниках, связывают обращение в 75 г. парфянского царя Вологеза за помощью в Рим (Suet. Dom. 2, 2). Данные решения затрагивают и вопрос о взаимоотношениях Рима и Парфии того времени. Эти взаимоотношения в период царствования Нерона и Вологеза были достаточно напряженными, выливаясь в прямое вооруженное противостояние. В конечном итоге, правителям удалось при-

ти к компромиссу, который позволил Вологезу вернуть армянский престол своему брату Тиридату, коронованному Нероном. В результате парфяне с большим уважением относились к Нерону и после его смерти (Тас. Ann. XIII, 7, 9, 34-41, XIV, 23-26, XV, 1-18, 24-31, XVI, 23, Suet. Ner. 13, 57). В период гражданской войны в Риме будущий император Веспасиан, стремясь найти дополнительные силы в борьбе с Вителлием, отправил легатов в Армению и к парфянам (Тас. Hist. II, 82). Вологез в ответ прислал послов с предложением предоставить Веспасиану 40 000 парфянских всадников-стрелков. Но Веспасиан, поскольку к тому времени война была выиграна, отказался от помощи, выразив свою благодарность за нее (Тас. Hist. IV, 51, Suet. Deus Vesp. 6, 4).

Как мы знаем, незадолго до 71/72 г. даи и саки совершают набег на Парфию, а в 72 г. аланы совершают набег на Мидию Антропатену и Армению. Обращает на себя внимание факт вторжения кочевников через Среднюю Азию, когда страдают владения трех братьев Аршакидов, только недавно совместными действиями добившимися в противостоянии с Римом укрепления своих позиций. Причем, не исключено, что второй набег объединил аланов со среднеазиатскими сородичами, которые и могли составить «вторую волну», по определению Б. А. Раева. Можно осторожно предположить, что набег были скоординированы не только их непосредственными участниками, но и в какой-то мере инспирированы третьей силой в лице Рима, как было при совершении похода в 35 г.

Обращение Вологеза, возглавлявшего Аршакидскую династию, именно к Веспасиану могло отражать понимание парфянским правителем, что набег были инспирированы Римом, противоречия с которым оставались в силе. Тем самым Вологез мог стремиться прервать тайную дипломатию империи. Кроме того, хотя сама Парфия пострадала от даев и саков, Вологез просил помощь против аланов, понимая, что главным агентом Рима выступали именно меотийские аланы, с которыми рим-

ляне могли непосредственно сносятся и чьи территории были недосягаемы для самой Парфии. Предположение, что данные события последовали за аланским вторжением в Парфию в 75 г. не имеют фактического подтверждения. Укрепление римлянами крепости Мцхета в 75 г. (Сборник... 1881. С. 66-68. № 129) вполне реально могло способствовать усилению защиты Дарьяльского прохода, ведущего непосредственно в Иберию, которой также приходилось сталкиваться с Парфией. Поэтому действия Рима никак нельзя связать с тревогой из-за действий аланов против владений Аршакидов. При правлении Домициана (81-96 гг.) станет известно о римской крепости в Дербентском проходе в Албании.

Было высказано предположение, исходя из неясности фразы Светония, что «из этого ничего не вышло», о возможном оказании какой-то помощи Парфии со стороны Рима. По крайней мере, отмечается укрепление Мцхеты и усиление Каппадокии добавочными легионами и заменой на посту наместника римского всадника консуляром из-за набегов варваров. Не исключается и иной ход событий. Секст Аврелий Виктор указывал, что «царь парфянский Вологез войной был принужден к заключению мира». Речь могла идти об аланском разгроме северных областей Парфии, повлекшим обращение Вологеза к Веспасиану, который ограничился посылкой войск в Иберию и Сирию (Гутнов Ф. Х. 2001. С. 139, 151, сн. 14).

Как отмечалось, усиление Мцхеты нельзя напрямую связывать с римско-парфянскими отношениями. Аланы при своих вторжениях могли использовать и иные кавказские проходы или двигаться через Среднюю Азию. Трудно связать аланов и с варварами, беспокоившими Каппадокию. Сама фраза Светония «et quia discussa res est» («а так как дело не состоялось») указывает именно на отказ Рима от поддержки Парфии. Даже если предположить вслед за автором возможность проведения похода без Домициана, то тогда действия последнего по подкупу восточных царей за просьбу о его назначении полководцем

представляется бессмысленным. Если римские войска ушли на Восток с другим полководцем, то было бесполезно даже с точки зрения траты времени на переговоры с царями продолжать склонять их на свою сторону.

Следует уточниться и с сообщением Секста Аврелия Виктора о принуждении Вологеза к миру войной: «Ac bello rex Parthorum Vologesus in pacem coactus...» (Aur. Vict. Lib. de Caes. IX, 10). В извлечениях из его произведения анонимного автора (Epit. VIII, 12), использовавшего и иные источники, указывалось, что царь парфян Вологез был принужден к заключению мира «одним лишь страхом» («Rex Parthorum Vologeses metu solo in pacem coactus est»), т. е. речь не шла о прямом военном усмирении Парфии. Данное сообщение, видимо, соотносится со сведениями того же источника о появлении на небе кометы, которую Веспасиан отнес к предзнаменованию о судьбе «персидского» (парфянского) царя, носившего длинные волосы («Quippe primo cum crinitum sidus apparuisset: «Istud», inquit, «ad regem Persarum pertinent», cui capillus effusior») (Epit. VIII, 17).

Аналогичное сообщение оставил Светоний, отметивший, что даже страх перед смертью не остановил шуток Веспасиана. Когда на небе появилась хвостатая звезда, он сказал, что это предзнаменование относится к парфянскому царю, который носит длинные волосы (Suet. Deus Vesp. 22, 4). Речь, видимо, идет о комете. Наиболее значимым могло быть появление в небе кометы Галлеи, которое в приближении ко времени жизни Веспасиана и Вологеза состоялось в 66 г. (Климишин И. А. 1990. С. 417). Веспасиан правил в 69-79 гг., а Вологез – ~50-76 гг. Поэтому события могли состояться между 69 г. (воцарение Веспасиана) и 76 г. (смерть Вологеза). Предзнаменование и ставка на «страх», а не на войну могли бы косвенно свидетельствовать о достижении Римом положительного для себя результата в отношениях с Парфией иным путем. Не исключено, что Рим способствовал вторжениям примеотийских аланов и их среднеазиатских сородичей, наглядно продемонстри-

ровав правителям из династии Аршакидов непосредственную опасность разорения их владений даже без прямого римского наступления. Но стоит помнить, что данные сообщения могут быть связаны с кампанией Тита против Вологеза.

В любом случае, у нас нет никаких оснований полагать, как делают некоторые исследователи, что аланы при пособничестве Иберии напали на Мидию, Армению и Парфию, Веспасиан отказал в помощи Вологезу, который сам отбил их нападение, а затем напал на Сирию, но был отбит римлянами (Габуев Т. А. 1999. С. 32). Иберия никак не была задействована в тех событиях, а аланы не подвергали нападению Парфию, парфянский правитель Вологез не отбивал их вторжения.

Теперь следует обратиться к гипотезе, вообще отрицающей участие в походе аланов. М. П. Абрамова отмечала, ссылаясь на работу Ф. Дж. Мамедовой (Мамедова Ф. Дж. 1986. С. 20), что у Мовсеса Каганкатваци в одной из двух групп списка вместо аланов действуют агваны, а противостояние войск на Куре, по Мовсесу Хоренаци и Мовсесу Каганкатваци, происходило на границе Армении и Албании, т. е. войска находились на территориях своих государств. Поэтому исследовательница усматривала за событиями столкновение Армении и Албании в конце I или начале II вв. С событиями 72 г., описанными Иосифом Флавием, сопоставлялся эпизод из труда Мовсеса Хоренаци о поединке Трдата с царем базилов и ставилась под сомнение связь описанных событий в грузинском источнике с аланским вторжением 72 г., которые сближались со сведениями Мовсеса Хоренаци (Абрамова М. П. 1993. С. 173-175).

К сожалению, М. П. Абрамова не только не остановилась на подробном разборе упомянутых ею сведений, но и не учитывала данные других закавказских источников. Имеется в виду, в том числе, и история сродников Сатеник, принявших христианство в Армении, которая напрямую связывалась ими с историей аланского похода. Прежде всего, следует отметить,

что именно труд Мовсеса Хоренаци (~410/415 гг.-480-е гг.) являлся важнейшим источником для всех последующих армянских авторов. Многие века он являлся единственным источником по истории армянского народа с древнейших времен по 440 г. (труд был начат в 470-е гг. и окончен ~483-485 гг.). Кроме того, его важность определялась самим становлением письменной традиции в Армении. В ряду последующих авторов не являлся исключением и Мовсес Каганкатвази, в том числе и в вопросе освещения истории Сатеник. Определение Мовсесом Хоренаци вторгавшихся как аланов, будет повторена в XI в. епископом Ухтанесом (Ухтанес. «История Армении». 42) и в кратком стихотворном отрывке Нерсеса Шнорхали (Fritz S., Gippert J. 2005. P. 162-167).

Действительно, у Мовсеса Каганкатвази, жившего в XI в. и явно проалбански настроенного, вместо аланов фигурируют агваны (Мовсес Каганкатвази. «История агван». VIII). Но путаница аланов и албанов ко времени жизни автора насчитывала уже не одно столетие. Такая путаница неоднократно отмечалась исследователями, указывавшими, в том числе, на провоцировавшие такую путаницу особенности написания их названий. В «Ашхарацуйц» Анания Ширакаци, например, агванами названы даже аланы Северо-Западного Кавказа, где при самом большом желании трудно искать албанов. Видимо, необходимо также учитывать, что в 338 г. г. Пайтаракан (находился возле совр. г. Орен-кала на Мильской равнине) стал центром Албании, где воцарились представители маскутских Аршакидов. В 385 г. в результате реализации договора между Византией и Персией северо-западная часть области Пайтаракан (Баласаган) вместе с левобережьем составила новое марзпанство Алванк/Алуанк (арм. Агванк). Впоследствии это название распространилось на весь край, который в армянских источниках именовался «Восточным краем Армении».

В 458 г. царь Албании переселил на север своей страны маскутов, дав повод называть себя царем и этого народа. При

этом гораздо ранее в западноевропейской литературной традиции отмечалась тенденция отождествлять аланов с массагетами. Такая путаница имела и обратное направление, когда, например, албанский правитель Урнаир назывался правителем аланов. Кроме того, хотя Мовсес Каганкатваци, несомненно, основывается на труде Мовсеса Хоренаци, но эпизод с историей Сатеник он интегрирует именно в контекст албанской истории (Fritz S., Gippert J. 2005. P. 162).

История крестившихся сродников Сатеник была изложена в V в. в армянских агиографических произведениях «Мученичество Сукиасянов» и «Мученичество Воскянов». Причем, в данных рукописях представлены как форма «аланы», так и форма «агваны». Товма Арцруни в «Истории дома Арцруни», написанной в конце IX-начале X вв., также описывает историю сродников Сатеник, не определяя их происхождения (Товма Арцруни. «История дома Арцруни». VIII). Позднее об их судьбе в своих «Историях Армении» писали католикос Иованнес Драсханакерци (IX-X вв.) и епископ Ухтанес, которые называли крестившихся аланами (Иованнес Драсханакерци. «История Армении». VII; Ухтанес. «История Армении». 42).

На основе армянских агиографических источников в IX-X вв. были созданы соответствующие грузинские «Мученичества». В них Сатеник и ее сродники названы прибывшими из Албании (Hereti). Как полагают исследователи, Товма Арцруни мог не упомянуть об этнической принадлежности Сатеник и ее окружения, поскольку в его источниках проявлялась армянская традиция, позволявшая легко спутать аланов и албанов, что демонстрирует труд Мовсеса Каганкатваци. Эти же источники могли привести к соответствующей информации в грузинских агиографических памятниках (Fritz S., Gippert J. 2005. P. 170-180).

Исследователи также отмечали, что другой интересной параллелью между трудом Товма Арцруни и грузинскими агиографическими памятниками является отождествление ал-

банского Пайтаракана с Тбилиси, которое находит свое продолжение в грузинской версии легенды о святом Аристакаесе. Следует отметить, что отождествление Пайтаракана с Тпхис (Тбилиси) встречается, например, в армянских «Истории области Сисакан» (XII в.), в «Истории Ленг-Тимура и его преемников» Товма Мецопеци (XV в.), в так называемой «Хронике Ованеса Царечи» (XVI в.). К сожалению, в последнее время предпринимаются попытки уже не просто переработок сведений древних источников, а их прямой фальсификации. Например, создаются труды, в которых Сукиасянцы объявляются грузинскими вельможами, служившими при дворе албанского царя (ЖГС. 1997. С. 101-103).

Таким образом, у нас нет никаких оснований поддержать вывод М. П. Абрамовой. Кроме того, указание на переход нападавших Куры не может служить другим подтверждением участия в войне Албании, поскольку он мог вести и в Иберию. Фигурирование в «Картлис Цховреба» области Камбеговани, в которой сходились границы Албании, Иберии и Армении, действительно, напоминает о старинном плацдарме ираноязычных племен. В любом случае, даже вступление войска в Албанию автоматически не означает участие последней в войне. Страна могла оставаться в стороне от самого конфликта, не имея ни ущерба, ни прибыли от него, послужив лишь территорией для сравнительно быстрого перемещения войск.

Что касается иных предложенных исследователями решений, то приведем некоторые наблюдения и замечания. Действительно, несложно заметить, что армянский и грузинский рассказы, как в целом, так и в своих деталях, не только расходятся с сообщением Иосифа Флавия, но прямо противоречат ему. Поэтому вполне понятным представляется заключение тех исследователей, которые считают, что в них переданы сведения о каком-то другом вторжении аланов. В этих рассказах ощущается не только влияние фольклорных традиций, но и явная тенденция переработки сведений о прошлом в соб-

ственную пользу. Неоднократно отмечалось, что закавказские источники, особенно повествующие о далеких от времени их составления событиях, оказываются зачастую очень ненадежными, противоречивыми, контаминирующими различные события.

Описание похода аланов, данное Иосифом Флавием, напоминает сведения о походе базилов Мовсеса Хоренаци. Анализ сведений о базилах/барсилах по различным источникам, проведенный исследователями, не исключает вероятность их отнесения к миру ираноязычных кочевников. Например, Вахушти писал об области Базиан, которая принадлежала овским царям, и о знаменитой овской фамилии Базиани, фигурирующей в преданиях осетин-дигорцев и балкарцев. Возможное иранское происхождение базилов и могло объяснить и произошедшую замену ими аланов у Мовсеса Хоренаци. У Иоанна Мамиконяна вместо царя базилов действует некий царь севера Гедреон, что сопоставимо со сведениями Мовсеса Хоренаци о четырех ветвях династии Аршакидов, одна из которых (северокавказские маскуты) названа «правителями севера».

У Мовсеса Хоренаци единоборство Трдата III с царем базилов происходит на равнине Гаргараци, а второй раз базилы вместе с хазарами врываются в Армению через ворота Чора. Здесь, бесспорно, речь идет о дербентском направлении. Но оно вполне логично укладывается в маршрут отхода аланов, по данным Иосифа Флавия и Мовсеса Хоренаци. Кроме того, фигурирующие во втором случае хазары делают предпочтительней использование союзниками прохода по западному побережью Каспийского моря, т. к. сама Хазария помещалась на Нижней Волге и Северо-Восточном Кавказе, а земли базилов, видимо, располагались между Волгой и Кумой. Примечательно, что северокавказский фольклор делает предпочтительней более западную локализацию базилов.

Эпизод о схватке Тиридата I Иосифа Флавия был перенесен Мовсесом Хоренаци в биографию Тиридата III в перерабо-

танном виде. Это может свидетельствовать не только в пользу сближения автором образов обеих царей, но и, например, образов их супругов. В таком случае, в первую очередь, могли бы сказаться общие представления об этническом происхождении женщин. Мовсес Хоренаци называет женой Арташеса, стоящего на месте Тиридата I, аланку Сатеник, а женой Тиридата III – Ашхен, дочь, как полагают, аланского царя Ашхадара. Вопрос о супружестве Тиридата I и аланки Сатеник нуждается в дополнительном изучении, т. к. в греческой надписи из Гарни 77 г. Тиридат I назван мужем и братом царицы, т. е. мы имеем дело с зороастрийским браком-хваэтвадата, практиковавшимся у иранских Ахеменидов, армянских Арташесидов и Аршакидов (Бойс М. 1994. С. 116). По Геродоту (Herod. VII, 73), армянский царь Артохм был женат на дочери Дария. По мнению исследователей (Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. 1982. С. 395, прим. 761), имя Артохм является искаженной формой имени Арташеса, что позволяет видеть в упомянутом царе представителя династии Арташесидов/Ервандидов. В данном случае следует особо отметить, что древние источники называли персов и скифов ближайшими родственниками. Например, об этом писал современник Мовсеса Хоренаци Аммиан Марцеллин (Amm. Marc. Res Ges. XXXI, 2, 20).

В труде Мовсеса Хоренаци история Армении представлена единой линией. Это приводило к включению в династию Аршакидов и представителей других династий. Аршакиды продолжали править и при жизни автора, при них в стране официальной религией стало христианство, что вполне объясняет лояльное отношение Мовсеса Хоренаци к армянским Аршакидам и отсутствие у него такого несовместимого для его времени с моралью обычая инцестуального брака у правителей. Но его отголосок звучит в сообщении источника о греховной любви Сатеник к своим сродникам из мидийской династии, что, кстати, лишней раз определяет этническую принадлежность героини.

Возможно, в этом сказывается прием реабилитации благочестивых правителей Армении. В первом случае «позорная» связь полностью относится на долю Сатеник. Не исключено, что род Сатеник представлялся одной из ветвей рода Аршакидов, правившего и в Армении. Видимо, этим и вызвано особое оговаривание Мовсесом Хоренаци принятия Сатеник в род мужа, т. е. вновь производится обыгрывание неудобного факта. Во втором случае страницы из биографии Тиридата I переносятся в биографию Тиридата III, которого никак нельзя было даже заподозрить в каких-либо «низких деяниях». Появление у Мовсеса Хоренаци вместо Тиридата I Арташеса могло диктоваться не только «сбоем» в хронологической цепочке истории государства или влиянием образа Арташеса II, вступившего на престол в 85 г. н. э., но и влиянием образа Артохма/Арташеса, чья жена, подобно жене Тиридата III, происходила из «скифского мира». Заметим, что восприятие Мовсесом Хоренаци Вагаршака и его сына Аршака первыми представителями Аршакидов в Армении напоминает о сведениях «Картлис Цховреба» о женитьбе Аршака на дочери парфянского царя.

Неубедительно соотнесение истории крещения сродников Сатеник с периодом после принятия Арменией в 301 г. при Тиридате III христианства официальной государственной религией. Предположение о связи монахов Сукиасянцев с заточенными в Суренском монастыре при настоятеле Лазаре Парпеци в V в. аланами (Степанос Таронеци (Асохик) в XI в.) (Кузнецов В. А. 1978. С. 31-32; 2002. С: 28) не находит своего подтверждения. Как уже отмечалось, в известных нам источниках речь не идет о подобном положении дел (Гутнов Ф. Х. 1992. С. 139-141).

Все свидетельствует о господстве в стране и при правящем дворе языческих традиций. Арташес хотя и интересуется новым учением, но нет никаких данных о принятии им и Сатеник христианства. Более того, Сатеник опасалась, что ее заподозрят в симпатиях к действиям сродников, поэтому отношения

между ними были испорчены. Ее взрослые дети проявляли открытую враждебность к Сукиасянцам именно за принятие теми чуждого вероучения. Как отмечает источник (Мовсес Хоренаци. «История Армении». II, 61), в народной памяти Арташес остался известен как язычник. И в плане христианской традиции мы не можем говорить о столь позднем развитии событий, т. к. они привязываются к деятельности учеников апостола Фаддея, который, согласно самому Мовсесу Хоренаци (Мовсес Хоренаци. «История Армении». II, 10), был убит армянским царем Санатруком в I в. н. э.

Полагают, что сообщения Иосифа Флавия, Мовсеса Хоренаци и Леонтия Мровели относятся к различным событиям, предлагая их различные комбинации. Объединение сведений Иосифа Флавия и Леонтия Мровели и отделение от них сообщения Мовсеса Хоренаци, как и отделение двух последних источников от сообщения иудейского историка, не представляются бесспорными. Грузинский и армянский источники в данном вопросе проявляют достаточно тесную связь между собой, а первый прямо основан на втором (Миллер В. Ф. 1992. С. 523-524; Меликишвили Г. А. 1959. С. 45, 246-247). Что касается различий событийного и общего характера в трудах Леонтия Мровели и Мовсеса Хоренаци, то точно такое же положение представлено в сближаемых сообщениях Иосифа Флавия и Леонтия Мровели. Не следует забывать, что, в отличие от Иосифа Флавия, оба кавказских автора писали спустя столетия после похода. Поэтому не стоит ожидать от них более точных сведений, тем более к тому времени накопились и иные примеры подобных вторжений.

В приводимых ими сведениях ощущается и явная авторская обработка. Как мы видели, она выступает в труде Мовсеса Хоренаци. Нам не известно, откуда мог черпать дополнительную информацию о событиях прошлого Леонтий Мровели, повлиявшую на некоторое изменение трактовки хода описываемого вторжения в Армению. Надпись из древней столи-

цы Грузии Мцхета о многих победах над врагами грузинского царя Митридата, сына Фарасмана (Церетели Г. В. 1948. С. 52) свидетельствует против трактовки похода в «Картлис Цховреба» (Цулая Г. В. 1993. С. 85). Удивляться этому нет причин, поскольку мы имеем и другой пример радикальной переработки исторического факта в эпизоде с набрасыванием аркана. Нет достаточных оснований резко отделять сведения кавказских авторов от сведений Иосифа Флавия (Гутнов Ф. Х. 1992. С. 134-138).

Хотя династия Аршакидов в лице Тиридата I воцаряется в Армении в I в. н. э., в истории Мовсеса Хоренаци под этим событием подразумевается воцарение в середине II в. до н. э. Вагаршака в южной Армении. В Иберии Аршакиды воцаряются на рубеже I в. до н. э.-I в. н. э., но в истории Леонтия Мровели к указанному периоду привязывается воцарение Аршакидов в самой Парфии, произошедшее в середине III в. до н. э., и подчинение армян и картлийцев Парфии. Как мы видим, в обоих источниках налицо аналогичная друг другу тенденция рассматривать историю своих стран в I в. н. э. (сообщение о парфянских Аршакидах в «Картлис Цховреба» непосредственно предшествует истории вторжения аланов в Армению) в связи с приходом к власти Аршакидов в Армении и Парфии, т. е. берутся за основу именно начальные точки отсчета в правлении представителей династии.

Видимо, построение Леонтия Мровели восходит к построению Мовсеса Хоренаци, а под его сообщением о подчинении армян и иберов могло подразумеваться воцарение в Малой Армении Вагаршака и отторжение ею земель Иберии, отмеченное Страбоном. Но у Леонтия Мровели данная контаминация произведена более грубо, зато именно благодаря этому сохраняется точное указание на I в. н. э. О том, что в армянской традиции события аланского похода, описанные Мовсесом Хоренаци, относятся к указанному периоду, свидетельствуют следующие изложения истории Сукиасянцев.

Сведения Мовсеса Хоренаци о междуусобной войне аланов, действительно, могут быть сопоставлены со сведениями о смутах, произошедших на Северо-Западном Кавказе на рубеже II-I вв. до н. э. Следовательно, сам источник определяет место обитания аланов в западной части Северного Кавказа. Мовсес Хоренаци передает свидетельство сирийского автора IV в. Мар Абаса Котина («Начальная история Армении») о событиях 149-127 гг. до н. э., что позволяло, например, предполагать отнесение протоболгар к сармато-аланским племенам (Федоров Я. А., Федоров Г. С. 1978. С. 52, Бубенок О. Б. 1997. С. 17-19). Следует отметить и проблему базилов. В осетинском эпосе среди сыновей Бурафарнуга называется Болгар. Указанный период напоминает о первом появлении аланов в Восточной Европе, с которым исследователи связывают распространение памятников «зубовско-воздвиженской группы», разрушение поселений на Азиатском Боспоре и появление там инноваций, характерных для среднеазиатского региона. Данное сближение примечательно и в том плане, что спустя два века археология фиксирует новое массовое разрушение на Азиатском Боспоре, в котором видят результат аланского вторжения.

Вторжение алан, закончившееся браком Арташеса и Сатеник, предполагает у Мовсеса Хоренаци использование Дарьяла, а не Рагского перевала или Дербента, т. к. речь идет об участии в походе северокавказских племен и половины Иберии при отсутствии сведений о Мидии. Как уже отмечалось, следует постоянно учитывать при работе с трудом армянского автора его склонность к контаминации разновременных событий, которые ко времени его жизни позволяли прибегать к ней. Необходимо помнить и о факторе времени.

Однако отметим некоторые наблюдения, как представляется, противоречащие данному маршруту. Судя по сведениям все того же источника, территория, примыкающая к Дарьялу со стороны Северного Кавказа, принадлежала другой группировке аланов, чье отношение с аланами Сатеник и ее брата

не кажутся достаточно лояльными. Непонятно и стремление союзнического войска после удачного грабежа отходить не в сторону Дарьяла. Станным выглядит положение Иберии в этом походе, поскольку она практически ставится в один ряд с северокавказскими племенами. Такой статус Иберии в походе легче объяснить неучастием царства в конфликте в реальности, как это явствует из свидетельства Иосифа Флавия, чем наоборот.

Казалось бы, все встает на свои места в сообщении Леонтия Мровели. В нем инициаторами вторжения выступают иберийские братья-цари. Но трудно себе представить, что в «Картлис Цховреба» по-иному могло выразиться участие Иберии в войне. Даже сокрушительный разгром в трактовке автора меньше всего затрагивает именно Иберию. Инициатива грузинских царей, кроме патриотического настроения автора, могла найти себе оправдание в действительных инициативах Фарасмана I и Фарасмана II. Однако и Леонтию Мровели не удается до конца преодолеть некоторые спорные моменты. Даже у него аланы отодвигают на второй план участие в походе иберов (Миллер В. Ф. 1992. С. 526). Движение войска через Камбеговани вполне логично для аланов, но не для иберов.

В «Картлис Цховреба» сообщается, что спастись удалось в основном только иберам, т. к. они хорошо знали дорогу к отступлению. Заметим, что эта дорога прямо лежала в том направлении (грузинские цари бежали в Мцхета), откуда только недавно пришли вместе с иберами и аланы. Но почему она осталась им неизвестной, и как надо потерять ориентировку, чтобы не заметить направление отхода стоящих рядом иберов? Леонтий Мровели указывает на привод аланами джиков (черкессов) и печенегов, а царем легов – дурдзуков и дидойцев. Учитывая явный анахронизм в лице печенегов, заметим, что союзники аланов, прежде всего, выдают изначальную связь последних с северо-западными районами Предкавказья. Присутствие же дурдзуков, обычно помещаемых на Центральном

Кавказе, в качестве союзников легов прямо противопоставляет аланов этому региону. Хотя в армянской версии «Картлис Цховреба» разделение союзников между аланами и легами отсутствует (Гаглойти Ю. С. 1992. С. 197), что вполне в духе сообщения Мовсеса Хоренаци. В армянской версии «Картлис Цховреба» образ царя легов вообще не представлен, а всех упомянутых северокавказцев приводят аланы.

Следует вспомнить одно из решений ученых. Было предложено считать участниками похода 72 г. алан из Приазовья, а 114 или 115 гг. овсов как представителей смешанного населения Центрального Предкавказья. Но такое заключение, основывающееся на различных, собственных традициях обозначения аланов в целом в армянских источниках аланами, а в грузинских – овсами, не может быть принято. Утверждение источника о почти поголовном истреблении аланов и легов из-за незнания теми пути к отступлению не только не вяжется с их приходом через Дарьял, но, в конечном итоге, отбрасывает даже возможность использования путей отступления через Восточный Кавказ, которые хорошо должны были знать леги и дидойцы.

Представляется наиболее оправданным считать инициаторами похода приазовских аланов, которые обогнули Каспий, присоединив к себе родственные племена восточного региона, и через Рагский перевал вторглись в Мидию. Что касается археологических доказательств данного набега, то, во-первых, они все еще дискуссионны, а, во-вторых, трудно строго отделить их от свидетельств других подобных событий. Следует учитывать и возможную связь археологических памятников, например, Северного Ирана с иными передвижениями кочевых азиатских племен. Но общий круг известных археологических доказательств не противоречит предлагаемому решению.

ГЛАВА III

ПОХОД 135 Г. Н. Э.

В 135 г. аланы, обитавшие у Меотийского озера (Азовское море), совершают грандиозный поход. В его ходе они опустошают Албанию и Мидию, каким-то образом затрагивают Каппадокию и Армению. Аланы прекратили войну, будучи ублажены дарами царя Вологеза и уstraшены архонтом Каппадокии Флавием Аррианом. Сам поход был инспирирован иберийским царем Фарасманом II Квеле (Доблестный/Отважный). Первые сведения о походе содержались в труде Луция Клавдия Кассия Диона Коккеяна (Dio Cass. LXIX, 15, 1-3), жившего около 150-235 гг. н. э. Ориентиром для датировки начала событий служит указание на окончание Иудейской войны (восстание Симона (Бар-Кохба/Баркоба – «сын звезды») и первосвященника Елеазара).⁴

Непосредственно сообщение Диона Кассия до нас не дошло. Но оно сохранилось в трех более поздних источниках: византийские «Извлечения о посольствах», составленные при Константине Багрянородном (908-959 гг.); «Эпитома римской истории Диона Никейского» Ксифилина (1071-1078 гг.); «Краткая история» Иоанна Зонары (начало XII в.). Исследователи отмечали, что все три документа, с большой долей вероятности, восходят к самому сообщению Диона Кассия, поскольку близки по своей лексике, грамматике и, в целом, сходно освещают основные события похода.

Вместе с тем, наличие некоторых разночтений в этих источниках (отсутствие упоминания Албании и Флавия Арриана, отождествление аланов с массагетами, упоминание вместо аланов албанов) привело к некоторым «источниковедческим проблемам» (Моммзен Т. 1949. С. 365; Тревер К. В. 1959. С. 130-131; Boswort A. В. 1977. Р. 218), в том числе и за счет использования перевода В. В. Латышева, опубликованного в «Вестнике древней истории» (1948, № 2). Это позволило впоследствии некоторым исследователям предложить собственные гипотезы. В частности, это сказалось и на таких ошибочных утверждениях, что данные о массагетском происхождении албанов появились за счет смешения массагетского Аракса (Сыр-Дарьи/Яксарта) с кавказским Араксом (КДАА. С. 351, сн. 45) (следует заметить, что на востоке Аракс отождествляется с Аму-Дарьей), а аланы-массагеты были дагестанскими и азербайджанскими маскутами, где находилось их царство, что и привело к исчезновению сведений об Албании (Давудов О. М. 1996. С. 244). Однако привлечение дополнительных источников не оставляет сомнений, что вторгавшиеся были аланами и с их вторжением был связан один из эпизодов в карьере Флавия Арриана.

Подтверждением участия в походе именно аланов являются сообщения Фемистия (Them. XXXIV, VIII, 33), Иоанна Лида (Lyd. De mag. III, 53), а также «Диспозиции против алан» самого Флавия Арриана. Замешанность Албании в конфликте подтверждается последующим урегулированием границ между Иберией и Албанией, что нашло отражение в сообщении Диона Кассия (Dio Cass. LXIX, 15, 3) и Юлия Капитолина (Capit. Ant. Pius. 9, 39, 20) о посещении Фарасманом II (111-146 гг.) Рима при Адриане (117-138 гг.) или следующем императоре Антоние Пие (138-161 гг.). По Диону Кассию, Адриан увеличил область иберийского царя, что согласуется с поражением Албании и установлением новых границ между Иберией и Албанией.

По мнению некоторых ученых (Rostovzeff M. 1935. P. 120; Пигулевская Н. С. 1956. С. 85; Carrata Thomes F. 1958. P. 22; Altheim F. 1959. S. 12; Яценко С. А. 1998. С. 86; Алемань А. 2003. С. 501-502 и др.), данные события описаны и в несторианской «Хронике Арбелы» Мшихазка (Мешихазека, Мешиха-Зеха) VI в. Они же согласуются со сведениями Мовсеса Хоренаци о разорении области Артаз, располагавшейся в Центральном Предкавказье, правда, за счет вторжения армянского войска. Оно было вызвано изгнанием брата Сатеник неким узурпатором (Мовсес Хоренаци. «История Армении». II, 52), т. е. и здесь речь идет о столкновении между аланами.

Некоторые исследователи рассматривают находки в могильниках у сс. Братское и Алхан-Кала (Северный Кавказ) золотых полихромных украшений, близких закавказским (гробницы питиахшей Иберии), как указание на участие хозяев этих погребений в походе 135 г. (Берлизов Н. Е., Каминский В. Н. 1993. С. 95, 106, 108). С данными событиями связывают и другие находки из Иберии (Treister M., Yatsenko S. 1997/1998. P. 58-59). Интересно и наблюдение о том, что могильник II в. в Клдееети (уг. Зестафони) может поставить вопрос о присутствии здесь аланского этнического элемента (Меликишвили Г. А. 1959. С. 355-356; Кузнецов В. А. 1992. С. 175-176).

Другие исследователи полагают выработку ювелирного стиля «клуазоне» за счет тесных контактов аланов, принесших данный полихромный стиль, и Картли. Указывается на наличие картлийских ювелирных изделий, выполненных в степных традициях, в могильнике Армазисхеви, а также вещей и родовых тамг непосредственно аланского происхождения (Яценко С. А. 1993а. С. 101-102). Здесь, например, в гробнице № 1 был, судя по надписи на портретной гемме, не позднее середины II в. погребен питиахш Аспагур (Трейстер М. Ю. 2010. С. 528-529). Его имя, как и некоторые другие имена армазских надписей, рассматриваются отдельными исследователями с позиций фиксации проникновения аланов в высшие слои иберийской знати.

Появление иранских имен у представителей иберийской знати, зафиксированных Армазской билинговой, как показателя усиления влияния аланов в государстве, некоторые исследователи связывают именно с последствиями аланского похода. Другие ученые трактуют упоминание в надписи великого подвига и многих побед двороуправителя Иодмангана как указание на сражения против аланов. Упоминание питиахша Публия Агриппы трактуется как утверждение Флавием Аррианом при иберийском дворе римского офицера из-за ответственности Фарасмана II за вторжение аланов (смотри историографию вопроса: Алемань А. 2003. С. 412, 423, 440-443, 477-478; Гаглойти Ю. 2007. С. 29-30, 32, 141-143; Гутнов Ф. Х. 1995. С. 28-30; 2011. С. 41, 49, 50, 53-56, 180-181).

Несомненно, каждый из участников тех далеких событий преследовал свои собственные интересы. Для непосредственных исполнителей плана иберийского царя аланов данный поход носил лишь откровенно грабительский характер и не имел целью решение каких-либо политических задач в далеких от них землях. Ответственность полностью ложилась на Иберию, а основные жертвы нападения Албания и Мидия представляли собой вполне подходящие для успешного ограбления объекты, о чем свидетельствуют те же походы 35 и 72 гг.

Мидия Антропотена являлась вассалом Парфии, которая была одной из основных сил, боровшейся за свои приоритеты в регионе с Римом и его вассалами. Поэтому любой урон, нанесенный Парфии, играл на руку противоположной стороне и не предполагал последующих ответных мер парфян в недостижимых для них местах постоянного обитания аланов. Мовсес Хоренаци называет Парсию среди стран, которые воспользовавшись Иудейской войной, противопоставили себя Риму (Мовсес Хоренаци. «История Армении». II, 59). Хотя после нападения парфянский царь Вологес II прислал в Рим послов с жалобой на Фарасмана и получил от сената ответ Адриана (Dio Cass. LXIX, 15, 2), ни о каком наказании или порицании виновных нам не известно.

Вполне вероятно, что Мидия Антропатена являлась основной целью ограбления для аланов, в отличие от иберов, которые были значительно больше заинтересованы в действиях против Албании. Возможно, в основе конфликта лежал территориальный вопрос. Иберия могла стремиться более надежно контролировать с юга очень важный с военно-экономической точки зрения Дарьяльский проход. Владения же Албании в определенный период могли непосредственно подходить к району Дарьяля (Халилов М. Дж. 1992. С. 68-69), что несло потенциальную угрозу Иберии. В пользу такого положения могут свидетельствовать последующие сообщения Фемистия и Иоанна Лида.

Сообщение Фемистия непосредственно включено в перечисление действий Флавия Арриана, когда он изгонял аланов из Армении и устанавливал границы иберам и албанам. Появление последнего у Дарьяля могло произойти в результате последующей посреднической деятельности Рима при урегулировании пограничного спора между его своенравными вассалами. Примечательно, что в тексте сначала говорится о достижении Каспийских ворот, а потом об изгнании аланов из Армении, что противоречит реальной географии и ходу событий, но позволило некоторым исследователям разделить события и хронологически эти деяния. Контекст сообщения Иоанна Лида, как отмечали исследователи, достаточно туманный, тем более, что автор относил наместничество Флавия Арриана к правлению римского императора Траяна (98-117 гг.), видимо, из-за того, что Арриан описал Парфянскую войну Траяна (Marquart J. 1931. S. 102). Иоанн Лид указывал, что Арриан упоминал о воротах в его недошедшем до нас произведении «Аланская история». Предполагалось, что архонт Каппадокии мог оказаться возле Дарьяля раньше, во время дипломатической миссии по налаживанию отношений Рима с Иберией (Меликишвили Г. А. 1959. С. 358-359; Яценко С. А. 1998. С. 93, прим. 4). Однако с таким решением трудно согласиться.

Несмотря на достойный прием, судя по переданным Фарасманом подаркам Риму, напряженность между Иберией и Римом сохранялась, а насмешка над дарами со стороны Адриана свидетельствует о несговорчивости Иберии на переговорах. Поэтому в тот период путешествие римского офицера в стратегически важную точку было неуместно и политически опрометчиво. Фарасман ранее демонстративно отказался прибыть в Каппадокию вместе с другими царями к самому приехавшему туда Адриану. Также поступил и царь албанов, которых, вопреки одному из предположений (Меликишвили Г. А. 1959. С. 358), в данном случае не следует смешивать с аланами. С другой стороны, помещение Аррианом сообщения в «Аланскую историю» более говорит в пользу отнесения события к истории после ухода аланов на родину.

С бóльшим основанием следует рассматривать замечания Иоанна Лиды в контексте сведений Фемистия. Такое выделение факта появления Флавия Арриана к югу от Дарьяла подчеркивает его большую важность и может указывать именно на район территориального конфликта между Иберией и Албанией, который был разрешен вооруженным путем и закреплен за Иберией при посредничестве Рима в лице Арриана. Видимо, в результате Иберия отодвинула владения Албании дальше на восток, чем обезопасила себя от потенциальных (или реальных?) притязаний соседа. О том же, что Албания давно могла представлять потенциальную угрозу для Иберии свидетельствует исторический пример конфликта между государствами в 51 г. н. э. (Тас. Ann. XII, 45, 2). На момент аланского нашествия Албания, подобно Иберии, считаясь вассалом Рима, вела откровенно независимую политику по отношению к сюзерену, что делало ее опасным для Рима и Иберии, но и развязывало руки иберам, которые действовали против своих вольных для них и Рима соседей.

Армения оказалась лишь «затронута» аланским войском, что в реальности должно было обозначать использование ее

территории для достаточно быстрого передвижения. Аланы могли пройти Армению на обратном пути, но не тронули ее. Такое развитие событий могло иметь несколько причин. У Иберии отсутствовали на тот момент противоречия с Арменией. Траян в 114 г. превратил Армению в провинцию. Хотя Адриан отменил правление легата и позволил иметь собственного царя (Eutr. VIII, 2, 2, Fest. XX, 3, Spart. Hadr. XXI, 11-12), страна оставалась в полной зависимости от Рима (Мовсес Хоренаци. «История Армении». II, 55). Поэтому Фарасман, несмотря на демонстрацию своей самостоятельности, не мог идти из-за Армении на прямой конфликт с империей. Не заинтересованы были в столкновении с Римом и аланы. Для них вряд ли служила объектом агрессии и Армения, которая, по армянским источникам, заключила династический брак с аланами после похода тех в 72 г.

Собственно Рим, чья провинция Каппадокия оказалась затронута аланским вторжением, проводил достаточно миролюбивую политику на Кавказе, где переплетались многие политические интересы. Ему приходилось противостоять стремлениям установить здесь собственный контроль Парфии, которая могла использовать военную силу и роль кровного родства своих правителей с царями закавказских государств. Реально должна была оцениваться и угроза прорывов с Северного Кавказа аланов, сталкивавшимися с римлянами и в задунайских провинциях. Поэтому римляне в 75 г. укрепили крепость Гармозуку Дарьяльского прохода в Иберии, а при правлении Домициана (81-96 гг.) известно о римской крепости в Дербентском проходе в Албании. В то же время в отличие от решительных действий Траяна Адриан вел более умиротворяющую политику.

Границы империи вновь отодвинулись за Евфрат, а Иберия и Албания, владевшие стратегически важными проходами, в такой ситуации стали демонстрировать свою независимость. Но Адриан, несмотря на это, пытался в мирном русле наладить

отношения именно с иберами и албанами (Spart. Hadr. XIII, 9, XXI, 13). Риму удалось привести в подчинение многие народы к северо-западу от Иберии по черноморскому побережью, что делало более надежным контроль над проходами на Северный Кавказ. В устье реки Апсар, т. е. вблизи подвластных Фарасману зидритов, появляется крепость с пятью когортами (Agr. Petip. 7, 15), что может отражать и стремление Рима создать военное противодействие Иберии. Складывающееся положение вполне позволяло Иберии решить противоречия с Албанией при помощи вторжения аланов. Судя по маршруту движения, аланы могли быть пропущены Фарасманом II через Дарьял, как было сделано Фарасманом I в 35 г. Но в отличие от описания прошлого похода теперь не уточняется, какой дорогой воспользовались аланы. Поэтому не исключен вариант, что они ворвались через Дербентский проход или через другие перевальные пути. Разорив Албанию, чем было выполнено условие сделки с Иберией (оплата и гарантии невмешательства как участника римской коалиции?), аланы быстро устремились через Армению в Мидию, где по опыту прошлого рассчитывали на победу и богатую добычу.

Мидия Антропатена подверглась столь же жестокому разорению, что вынудило Парфию в лице Вологеза II откупиться за своего вассала. Иногда полагают, что аланы получили дары от армянского Вагарша I (117-140/3 гг.) (Gutshmid A. 1888. S. 146-147; Boissevain U. Ph. 1890. S. 336-337; Тревер К. В. 1959. С. 130; Яценко С. А. 1998. С. 87 и др.). Однако известные нам сообщения не дают повода для такой трактовки. Именно парфяне должны были нести потери, а не оставшиеся в неприкосновенности армяне. Показательно, что расплачивается с аланами Парфия, а не Мидия Антропатена, свидетельствуя, вероятно, о непосредственном участии в конфликте парфян. Данные наблюдения и делают соблазнительным сопоставление исследователей событий вторжения аланов с данными «Хроники Арбелы».

Согласно источнику, во время епископа Арбелы мар Исхака (135-148 гг.) на горную область Карду (Курдистан) напали некие варвары. Стоявшего во главе Адиабены Ракбата, вассала царя партавов (парфян) Валгаша (Вологез II), вызвали в Ктесифон. Он должен был во главе войска придти на помощь парфянскому верховному главнокомандующему Аршаку. До этого парфяне поначалу одержали победу. Но Аршак был 3 дня заперт в теснине предводителем «мятежного народа» по имени Кизо, и парфянское войско, продолжавшее сражаться, сильно ослабло от голода. В результате атаки Ракбата, в которой он и погиб, войско вырвалось из окружения. Враги разорили города этой области, но к ним самим пришло известие, что на их родину напали соседние, сильные варвары, прибывшие морем и желавшие разграбить и уничтожить их города. Враги вынуждены были срочно вернуться к себе на родину, где в тяжелых 2-месячных боях разгромили напавших.

Полагают, что имя военачальника парфян Аршак является армянским именем Вологеза и может указывать на армянский источник данного пассажа (Алемань А. 2003. С. 501). Если это так, то вполне понятными могли бы стать отдельные моменты из приведенных выше свидетельств других источников. Разорение области Карду объясняет данные о «сильном опустошении» Мидии и последующую жалобу парфянского царя Вологеза II в Рим на Фарасмана. Выступление с обвинением Вологеза II вполне понятно, если учесть вероятный армянский источник, что парфянский царь мог быть лично поставлен в критическую ситуацию аланами. Тогда отсюда логично проистекает и сообщение о выплате им даров аланам, которые могли попасть к ним в руки и во время ограбления городов области.

Действительно, именно Парфия оказалась в критической ситуации, что и могло заставить ее правителя Вологеза II прибегнуть к выплате даров. Парфянский царь мог воспользоваться и необходимостью аланов быстро свернуть кампанию. Показательно, что мы знаем только о дарах, удовлетворивших

аланов, в отличие от сведений о походе 72 г., когда аланы захватили огромную добычу и получили выкуп. Собственно добыча в таком случае могла и отсутствовать, либо не имела существенного значения. Это могло отражать прерывание похода на стадии вооруженного противостояния, после которого обычно и происходило ограбление местного населения. Необходимость как можно более быстрого возвращения должно было диктовать отказ от значительного захвата стад и другой добычи, тормозивших процесс возвращения. Ослабление армии парфян от голода позволяет считать удовлетворительным положение с продовольствием и фуражем у аланов, которое, кроме взятых запасов с родины, могло быть обеспечено грабежом в Албании или только последним, что могло в первую очередь планироваться аланами. Какая-то часть добычи была взята и в области Карду.

Именно срочность возвращения, кроме указанных выше причин, предохраняло Армению, через которую устремились в обратный путь аланы, от разорения. «Затронутость» страны аланским походом практически свелась к использованию ее территории для марш-бросков. Хотя Каппадокия в данной характеристике упоминается рядом с Арменией, но для нее все, видимо, свелось к мобилизации и выступлению армии. Аланы вряд ли в тех условиях имели цель вторжения на земли Каппадокии, чей легат мог идти за ними по территории подвластной Риму Армении, что и отметил Фемистий. Аланский набег «затронул» Каппадокию лишь теоретической возможностью прорыва аланов и продвижением воинской колонны Арриана из провинции по земле Армении. Ни в одном из источников нет ни слова о прямых столкновениях армии Каппадокии с номадами, чья конница насчитывала не менее 20 000 (Перевалов С.М. 1997. С. 130). Видимо, вопреки уверенности некоторых исследователей (Яценко С. А. 1998. С. 87; Габуев Т. А. 1999. С. 37), никаких столкновений и не было.

Срочное возвращение аланов на родину делает сомнитель-

ной возможность вступления ими в противостояние с архонтом Каппадокии. Указание на наличие на родине воинов Кизо городов вполне соответствует условиям в районах обитания аланов на Кубани и на Нижнем Дону, куда, по мнению некоторых археологов, и ведут следы набега 135 г. Аланскими исследователи считают перечисленные Птолемеем городища в Приазовье, на Кубани и на Нижнем Дону (Ptol. V, 8, 16, VIII, 10, 3). Они не упоминаются Плинием, позволяя датировать их появление после третьей четверти I в. н. э. Город Наварис (Наварон) отождествляется с городищами Кобяково или Темерницким. Археологически намечаются и другие аланские центры. Исследователи также отмечают насильственное переселение на Дон с Кубани меотов, что могло быть осуществлено аланами, заинтересованными в развитии у себя сельскохозяйственного и ремесленного производства за счет попавшего в данническую зависимость населения. К тому времени исследователи относят переселение сарматами на восток носителей зарубинецкой культуры (бастарны), в разгром которых внесли свой вклад и аланы.

По мнению исследователей, боспорский правитель Риметалк (132-154 гг.) был врагом аланов и координировал свои действия с новыми восточными мигрантами, носителями позднесарматской культуры, для уничтожения соседней ему Алании. Чем были вызваны такие отношения между Боспором и Аланией, установить сложно, но предшествующая история вполне могла убеждать Риметалка в опасности, потенциально исходящей от соседей. В конечном итоге, не позднее 155 г. носители позднесарматской культуры завоюют нижнедонский регион. Тогда события 135 г. отражают период, когда Алания еще могла отстоять свое существование. Именно соучастие в тех событиях Риметалка и могло бы объяснить утверждение о прибытии напавших на аланов варваров морем. Он мог действовать по сговору с кочевниками, располагавшимися и к востоку от Волги.

Не исключена и координация действий с центральнопредкавказскими аланами. Следует полагать, что, в лучшем случае, Арриан только шел по следам продвигавшихся аланов. Но такое сближение, со своей стороны, указывает на то, что аланы предпочли возвращаться не через Албанию и Дербентский проход, а именно через Дарьял. Первый маршрут кроме возможных осложнений со стороны ранее пострадавшего и ограбленного албанского населения мог быть не выгоден теперь с военной точки зрения и по времени. Второй обеспечивался прохождением по безопасным землям Армении и Иберии и мог быть более выгодным с военно-стратегических позиций.

В данной связи интересным представляется сопоставление (Яценко С. А. 1998. С. 87) сведений «Хроники Арбелы» о возвращении аланов из-за нападения на их страну другой варварской группировки, которую они затем разбили, с данными Мовсеса Хоренаци о том, что после смерти аланского царя правитель из области Артаз захватил власть в Алании и стал преследовать законного наследника, являвшегося родным братом Сатеник, вышедшей замуж за армянского царя Арташеса. Поэтому армяне выслали войско под предводительством полководца Смбата, который опустошил аланов Артаза и вывел оттуда множество пленных (Мовсес Хоренаци. «История Армении». II, 52).

Как уже отмечалось, работа с армянскими источниками во многом осложняется содержащимися в них неоднократными хронологическими, событийными и другими сбоями и путаницей. При обращении к нашей теме, в первую очередь, следует обратить внимание на них. Исторически поход аланов совпадает с последним годом правления Арташеса, умершего после подавления Иудейского восстания (Мовсес Хоренаци. «История Армении». II, 60), т. е. в 134/135 г. Начало же его воцарения определяется на 28-й год правления парсийского царя Дареха (Мовсес Хоренаци. «История Армении». II, 47). Исходя из представленной в источнике (Мовсес Хоренаци. «История

Армении». II, 68, 69) династийной хроники от Аршака Храброго (247 г. до н. э.) до воцарения Арташира I Сасанида (224 г. н. э.), год восшествия на престол Арташеса падает на 38 г. или на 67 г., что никак не соответствует исторической реальности.

В то же время данная хронология подтверждается у Мовсес Хоренаци участием в событиях, определивших приход к власти Арташеса, иберийского правителя Парасмана (Мовсес Хоренаци. «История Армении». II, 46), т. е. Фарасмана I (30-60-е гг. I в.). За указанный период в Армении сменилось 8 царей, а в 135 г. правил Вагарш I. Мовсес Хоренаци приписывает Арташесу (Мовсес Хоренаци. «История Армении». II, 50) достойное противостояние аланскому вторжению 72 г., что противоречит ходу реальных событий, которые отразились в европейских источниках. Он вообще не знает первого воцарившегося в Великой Армении Аршакида Тиридата I (66-75 гг.), который непосредственно участвовал в тех событиях, но переносит (Мовсес Хоренаци. «История Армении». II, 85) эпизод из его противостояния с аланами в биографию Тиридата III Великого (~287-~330 гг.).

Учитывая приведенные и иные (Габуев Т. А. 1999. С. 42-43) примеры исторических несообразностей, содержащихся в труде Мовсеса Хоренаци, все же следует признать, что труд автора, при всех имеющихся искажениях, отражал реальные исторические факты, которые следует корректировать с данными других, независимых от него источников. Судя по помещению в труде (Мовсес Хоренаци. «История Армении». II, 54) сведений о вторжении Смбага в аланскую страну Артаз до истории взаимоотношений Армении с римским императором Домицианом (81-96 гг.), само событие хронологически не совпадает с аланским походом 135 г. Но данное разногласие может отойти на второй план при сопоставлении с иными историческими фактами.

Область Артаз (Ардоз), в которой проживал соперник брата Сатеник, отождествляется с Владикавказской равниной или

со всей изменностью, орошаемой Терекком до поворота на северо-восток ниже впадения р. Сунжа (Миллер В. Ф. 1992. С. 106-108; Гадло А. В. 1979. С. 165). «Вмешавшиеся» в конфликт армяне полностью разорили землю, а ее население вывели в Армению. Подобные методы вряд ли были бы применимы к владениям отца Сатеник, т. к. они лишали самого объекта правления. Видимо, возможность жесткой карательной акции определялась именно тем, что область Артаз не входила в подвластные роду Аравегьянов земли, и там находилась другая группировка алан. Соответствующее положение уже отмечалось (Гутнов Ф. Х. 1993. С. 37, 43), но полагалось, что события все же происходили в границах Восточной Алании. Следует также помнить, что армянские источники, вопреки исторической действительности, знают только аланов к северу от Дарьяла. Трактовка сообщения как восстания покоренного аланами местного населения в лице сираков (Виноградов В. Б. 1967. С. 183-184), исходит лишь из спорной локализации последних.

Таким образом, в «Хронике Арбелы» и в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци отмечается сближение ряда событийных фактов. Одна группировка аланов нападает на другую и стремится установить в ней свою власть. Собственные владения агрессоров могли бы находиться возле Дарьяла, тогда как пострадавшая сторона должна быть представлена аланами, населявшими районы Дона и Азовского моря, т. к. именно там обычно располагали аланов, как и массагетов, с которыми связывают аланов, участвовавших в походе, греко-римские источники. В это время значительные воинские силы примотийских аланов находились в походе в Адиабене. Получив известие о нападении на их родину, они срочно устремились через Армению и Иберии к Дарьяльскому проходу, чтобы позволяло им непосредственно обрушиться на владения неприятеля. В течение двух месяцев они сражались с врагами и у себя на родине, пока не победили.

Такая затяжная война, захватившая и земли Ардоза, неми-

нуемо привела бы к их опустошению. Армянский же автор, исходя из собственной концепции алано-армянских отношений, приписывает лавры победителя армянскому полководцу, чему могло способствовать и движение возвращавшихся аланов через Армению. Успешное же вторжение армянского войска через Иберию на Северный Кавказ было на деле практически невозможно, исходя из положения в этих регионах. Свою роль могли сыграть и вероятные события противостояния союзных иберов и овсов (аланов) Центрального Предкавказья с армянами после похода 72 г. (Габуев Т. А. 1999. С. 33-37).

Следует полагать, что Фарасман II договорился с примеотийскими аланами о вторжении в Албанию. Придарьяльская группировка аланов могла пропустить примеотийских сородичей через свои владения, уже рассчитывая использовать отсутствие основных воинских сил соперников для захвата власти в их регионе. Но примеотийские аланы, с другой стороны, могли идти и через более восточные перевалы. Отказ Фарасмана II от услуг соседних аланов мог диктоваться стремлением избежать последующих дополнительных трудностей в отношениях с Римом, который мог потребовать наказания вторгавшихся. Сам маршрут возвращения аланов привел к их приближению к границам Каппадокии, что вызвало тревогу у его наместника, который курировал связи Рима с Иберией и Албанией. Поэтому он и выступил с войсками по следам аланов. Однако интересно, что нет никаких сведений о противостоянии аланов с гарнизоном римской крепости в Дербентском проходе.

Предполагают, что Мовсес Хоренаци (Мовсес Хоренаци. «История Армении». II, 65) (его сообщение повторяет Степанос Таронечи («Всеобщая история». I, V)) сохранил сведения об аланском походе в сообщении о столкновении армянского царя Вагарша с объединенными силами базилов и хазар во главе с Внасепом Сурхапом. Армянский правитель перешел ворота Чора, но погиб в схватке с врагом. На самом же деле Вагарш откупился от врага, а затем отправил послов в Рим с жалобой

на Фарасмана II (Гутнов Ф. Х. 2000. С. 83-85; 2001. С. 142-143). Не исключено, что в сообщении Мовсеса Хоренаци действительно звучит отголосок того похода. У самого армянского автора, исходя из его хронологии правления парфянских царей, гибель армянского царя происходит в 180 г. Сам же ход изложения событий отодвигает их ко времени между 193 и 213 гг.

Кроме того, в действительности откупился от аланов парфянский, а не армянский царь. Да и по Мовсесу Хоренаци, правитель армян погибает, поэтому не может потом жаловаться в Рим. Вопреки развитию событий в 135 г. в данном случае Вагарш проходит Дербентский проход, куда и должны были уходить басилы. Вопрос об этнической принадлежности басилов еще окончательно не решен. Но исследователи приводят достаточно убедительные аргументы в пользу решения, что они представляли собой ираноязычных кочевников раннего средневековья на Нижней Волге, в Прикаспии (Гадло А. В. 1979. С. 41-45, Артамонов М. И. 1962. С. 61-68, Новосельцев А. П. 1990. С. 84), т. е. они не могут быть прямо сопоставлены с участниками разбираемого нами похода.

Более привлекательным представляется сопоставление событий похода с историей крестившихся в Армении аланов Сукиасянцев, которые были затем убиты специально прибывшими к ним аланами. Отмечается, что по «Мученичеству Воскянов», на месте погребения двух Сукиасянцев, некогда избежавших гибели от рук соплеменников, армянский царь Вагарш построил г. Вагаршакерт. В реальности г. Вагаршпат построил Вагарш I, а г. Вагаршаван построил Вагарш II. Более чем 40-летнее отшельничество Сукиасянцев логично ложится на 30-е гг. II в., и его окончание может быть соотнесено с аланским вторжением в Закавказье в 135 г. (Габуев Т. А. 1997а. С. 238-240; 1999. С. 42-43). Действительно, армянские источники и составленные на их основе грузинские (Хахановъ А. 1910. С. XII-XIV; Чичинадзе З. 1993. С. 53-54; Абуладзе И. 1944. С. 12-13, 16-17; Дарбинян М. 1960, л. 11-18, 48, 51-52, ПАА.

1973. С. 172-185; Абебян М. 1974. С. 28-29; Габриелян Р. А. 1985. С. 43-47; 1986. С. 18; 1989. С. 59; Джиев М. К. 1992. С. 53; Кузнецов В. А. 1978. С. 31-32; 1992. С. 47; Гутнов Ф. Х. 1992. С. 139-141; О. Мануил (М. Бурнацев). 1994. С. 4; Габуев Т. А. 1997а. С. 238-240; 1999. С. 42-43; Алемань А. 2003. С. 389; Fritz S., Gippert J. 2005, p. 159-201) дают определенный повод для подобной трактовки, хотя не только сам характер первых, но и достаточная легендарность христианской традиции несут на себе печать известной условности.

Аланские отшельники-христиане приняли крещение от учеников Фаддея (Иуда) Воскянов (Габуев Т. А. 1999. С. 41-42). Согласно самой христианской традиции, наблюдается разногласие в трактовках биографии апостола Фаддея. По католической версии, он принял мученическую смерть в Персии, а по православной – в Армении. Смерть апостола определяется ~80 г., что отводит ему очень долгий земной путь, учитывая среднюю продолжительность жизни в те времена и образ жизни подобных проповедников. Но нельзя исключать, что Фаддей действительно был достаточно пожилым человеком, поскольку известно, что во времена гонения на христиан император Домициан лично допрашивал двух его внуков. По Мовсесу Хоренаци, Фаддей погиб при армянском царе Санатруке (Мовсес Хоренаци. «История Армении». II, 34), который в действительности правил в 75-110 гг. Принятие Сукиасянцами крещения от Воскянов предполагает его свершение после смерти самого апостола. Армянские источники утверждают, что Сукиасянцы вынуждены были покинуть дворец армянского царя из-за недовольства их действиями со стороны детей и аланской жены царя Сатеник, «сродниками» которой они являлись. Сатеник вышла замуж за Арташеса после аланского похода 72 г. Активное проявление недовольства со стороны детей царицы могло иметь свои последствия при достижении ими совершеннолетия, т. е. ~90 г.

При неожиданном уязвлении Иованнесом Драсханакерт-

ци времени жизни Сукиасянцев с периодом царствования Хосрова, погибшего в 287 г. от рук наемного убийцы, нельзя забывать об известной контаминации разновременных событий в армянских источниках. Сам Иованнес Драсханакертци определяет крещение аланов на 43 г. после смерти Фаддея, а влияние на традицию персидской истории проявляется в прямой путанице аланов и персов и в других армянских источниках. Обращает на себя внимание рассказ из «Бузандаран патмутюнк» («История Армении Павстоса Бузанда») (Фавстос Бузанд. «История Армении». III, VI-VII) о борьбе после гибели Трдата III армянского царя Хосрова Котака со своим двоюродным братом, царем северокавказских маскутов Санатруком (Санесаном), восходящий к отмеченному сказанию об убийстве армянским Санатруком апостола Фаддея (Артамонов М. И. 1962. С. 34). Наиболее приемлемым представляется предположение, что в истории Сукиасянцев отразился первый опыт пропаганды христианства в Армении, обусловленный ссылкой туда Траяном христиан (Яценко С. А. 1993б. С. 84-87). Данное историческое событие согласуется с определением Иованнеса Драсханакертци крещения аланов на 43 г. после смерти Фаддея, т. е. ~113 г.

У других армянских авторов близкая к указанной Иованнесом Драсханакертци цифра относится к периоду отшельничества Сукиасянцев после их ухода из армянской столицы. Епископ Ухтанес в «Истории Армении», «Мученичество Воскянов» отводят ему 44 или 46 лет, что практически совпадает с походом алан 135 г., как и время построения г. Вагаршапата на месте погребения двух последних Сукиасянцев. Для нашей темы важным представляется отметить ряд моментов в сообщениях древних источников, дающих повод сопоставить их с событиями аланского похода.

В армянском «Мученичестве св. Сукиасянцев» против отшельников аланский правитель Датианос/Гигианос посылает «персидский» отряд, а глава отшельников объявляется сорат-

ником царя Шапуха, умершего к тому времени. В грузинском «Мученичестве св. Сукавейцев» аланы-отшельники были убиты отрядом царя Шапуха. Здесь же утверждается, что после смерти персидского Шапу у аланов стал править Дирианос, который и отдал приказ об убиении. Следовательно, происходит прямая путаница аланов с парфянами (персами), которая может столь причудливо отражать факт возвращения аланов через Армению из Мидии Антропатены, вассала Парфии. Такая путаница могла определить и сообщение Иованнеса Драсханакертци, что аланы были убиты после смерти Хосрова, когда его земля осталась без правителя. Кроме того, нельзя исключать, что имело место влияние на трактовку событий со стороны образа персидского правителя Шапура II Долголетнего (309-379 гг.), при котором с 339 г. начинаются гонения на христиан. Выше мы отмечали, что в армянских источниках наблюдается и перенос сведений из истории столкновения аланов с Трдатом I на историю столкновения базилов с Трдатом III Великим, который был современником Шапура II Долголетнего, а в 316 г. женился на Ашхен, дочери Ашхадара, которого считают аланским правителем.

Маршрут возвращения аланов из похода непременно пролегал через южные земли Великой Армении, где и располагался г. Вагаршапат. Аланские отшельники жили на г. Джрабашх, получившей по их имени название Сукавет (г. Кёосе-даг). Здесь располагалась и область Шаваршан, которая затем была переименована в Артаз после переселения аланов. В Шаваршане (Шаваршакан) принял мученическую смерть и апостол Фаддей. Такая «концентрация» аланского элемента, сближающаяся с христианской традицией, при вероятной связи истории Артаза с самим походом 135 г., делают сближение истории Сукиасянцев с событиями похода достаточно актуальным.

По армянским источникам, судьба Сукиасянцев оказывается связана со сменой на престоле Алании прежнего царя Дирианосом, что не представляется наследственным актом

и напоминает, скорее, историю изгнания брата Сатеник. По грузинскому «Мученичеству св. Сукавейцев», крестившиеся пришли через северные ворота, т. е. Дарьял, что полагает их происхождение из аланской земли Артаз. Поэтому возвращавшиеся примеотийские аланы и могли расправиться с ними, как представителями враждебной группировки, тем более, что глава отшельников был ранее «вторым соцарствующим по престолу». В самих армянских источниках судьбой отшельников распорядился новый аланский правитель Дидианос, который желал вернуть отщепенцев к религии предков, даже предлагая в случае такого поворота дел возратить им прежние должности в государстве.

Но подобная трактовка при знании общего характера отражения в армянских источниках исторической действительности не вызывает удивления. Представляется более нелогичным в самом источнике, что новый правитель, если бы он представлял местную династию, ничего ранее не знал о крестившихся в Армении аланах, которые происходили из социальных верхов государства. Царица Сатеник, несомненно, происходила из правящего рода примеотийских алан. Ее с самого начала сопровождали знатные аланы, которые были возведены в нахарарство в Армении и стали известны под именем Аравелиан (Аруехеан, Аравегьян).

Армянские источники не отмечают какой-либо связи между ними и Сукиасянцами, появившимися при армянском дворе позднее. Если бы две эти группы аланов или их представители были родственными, что логично вытекает из их принадлежности к верхушке аланского общества, то армянские источники, составленные в период господства в стране христианской религии, непременно отметили это. Поэтому такое умолчание могло бы свидетельствовать в пользу происхождения Аравелианов и Сукиасянцев из разных аланских объединений, а последние названы «сродниками» Сатеник за счет их принадлежности к аланскому миру в целом или по действительному родству, например, по материнской линии.

Видимо, решение о тождестве Аравелианов и Сукиасянцев (Габуев Т. А. 1999. С. 40) еще не может быть признано окончательным. Кроме того, Мовсес Хоренаци утверждал, что Аравелиане позднее вступили в родство с одним могущественным Басилом, переселившимся в Армению (Мовсес Хоренаци. «История Армении». II, 58). Во-первых, данное сообщение свидетельствует о том, что Аравелиане продолжали жить далее, а во-вторых, вели светский образ жизни, непозволительный монахам-отшельникам.

Предлагаемая реконструкция аланского похода 135 г. противоречит данным «Картлис Цховреба», согласно которым, овсы, мстя впоследствии за гибель своих братьев-царей Базука и Амбазука, стали переходить в Картли, подружились и перемешались с картлийцами, и стали храбро воевать с армянами. В результате, армяне в ответ совершают вторжение в Картли, где после многомесячной осады городов, укрепленных картлийцами и призванными на помощь овсами, вынуждают покориться эти народы. Но через несколько лет картлийцы и овсы возобновили свои успешные нападения на Армению. Армяне в это время были заняты войной с персами, на которую были брошены их основные силы. Против картлийцев и овсов они отправили войско из остававшихся в стране сил. Но войско было разбито, а руководивший ими Зарен, сын армянского царя Арташана, попал в плен. Овсы хотели убить Зарена в отместку за своих царей, но картлийцы заключили его в крепости Дариалан. Армяне заключили мир с картлийцами, вернули им прежде отнятые владения, за что получили Зарена. После этого между тремя народами наступили мир и согласие.

В принципе, противоречие заложено уже в ошибочном отождествлении реальных участников аланского нашествия 72 г. с центральнопредкавказским населением. Кроме того, если это население было столь дружно с картлийцами, то Фарасман II, пропуская через Дарьял стремительно возвращавшихся из Мидии аланов, практически предавал союзников

картлийцев и лишал последних столь постоянной и близкой военной помощи. Но, как уже отмечалось, зачастую грузинские и армянские источники весьма искаженно представляли события прошлого, выстраивая и трактуя их, исходя из собственных интересов. Показательно, что Мовсес Хоренаци («История Армении». II, 53) также отмечает эпизод о пленении иверами армянского царевича Зареха. Но у него он относится к противостоянию армян и иверов без привлечения каких-либо аланов. Причем, армяне достаточно быстро силой возвращают себе царевича.

Сами трактовки взаимоотношений в тот период армян и иверов (картлийцев) с аланами (овсами) прямопротивоположны в армянских и грузинских источниках. В то же время, как отмечалось ранее, и в основе достаточно искусственных исторических построений закавказских источниках нередко лежали вполне реальные факты. Поэтому, не исключено, что трактовке в русле собственной истории подвергались действительные факты дружественных взаимоотношений картлийцев и овсов. Такое положение вполне соответствует данными Страбона о взаимопомощи и родстве кочевников Северного Кавказа с горными иберами и албанами (кстати, последнее противоречит участию этих кочевников в нападении на Албанию в 135 г.). Кроме того, призывы, например, Фарасмана I и Фарасмана II сарматов и аланов для решения собственных политических интересов также логично укладываются в логику подобных трактовок.

Проведенный анализ сведений из нарративных источников позволяет реконструировать события аланского похода 135 г. в следующем порядке. Вероятный территориальный спор между Иберией и Албанией, в основе которого лежали интересы за контролем над транскавказской магистралью, привел к привлечению иберийским царем Фарасманом II примеотийских аланов для нападения на Албанию. Аланы, воспользовавшись Дарьяльским или каким-либо другим проходом на зем-

лях Иберии или Албании, ворвались в Албанию и разорили ее, возможно, получив за это вознаграждение со стороны Иберии. Затем они по собственной инициативе, пройдя по земле Великой Армении, вторглись на территорию Мидии Антропатены, где их столкновение с местным ополчением и войсками Парфии, от которой Мидия Антропатена находилась в вассальной зависимости, развивалось достаточно успешно. Однако в критический для мидийцев и парфян момент пришло известие о нападении на их родину со стороны воспользовавшихся их отсутствием аланов из Центрального Предкавказья. Это нападение могло быть скоординировано, например, с боспорским царем Риметалком и иными группировками степняков.

Данный поворот событий привел к скорейшему прекращению противостояния в Мидии Антропатене, и аланы, получив дары от парфянского царя Вологеса II, устремились в обратный путь. Они ускоренным маршем двинулись через владения Великой Армении и Иберии к Дарьяльскому проходу, что вызвало мобилизацию боевых сил в римской провинции Каппадокия, чей правитель фактически смог в лучшем случае только следовать по их пятам на армянской территории. Избранный маршрут продвижения позволил примеотийским аланам ворваться с тылу непосредственно во владения их врагов, сразу нанеся им урон и отвлекая их силы от своей родины. В целом, в упорной двухмесячной войне они разгромили центральнокавказских аланов. Иберия, в свою очередь, добилась от Рима признания расширения своих территорий, что укрепило ее контроль над центральнокавказскими перевалами.

Случившийся разгром центральнокавказских аланов обеспечивал Иберии и Риму большую безопасность со стороны беспокойных северных соседей. В результате, происходит смягчение и сближение в иберо-римских отношениях, выразившееся в прямом участии архонта Каппадокии в урегулировании границ между Албанией и Иберией, в торжественном принятии Фарасмана II в Риме, в появлении при Фарасмане II

на должности питаашха Публия Агриппы, что, с другой стороны, усиливало римский контроль в стране. Со своей стороны, и оказавшие услугу Иберии аланы получают в ней определенные привилегии, о чем могут свидетельствовать аланские имена младшего питаашха Зеваха, питаашев Шарагаса, Аспарука и др., появление «аланского элемента» в могильниках Иберии II в.

Нам остается обратиться еще к одному утверждению, которое уже привлекло внимание отдельных исследователей (Гутнов Ф. Х. 2005. С. 61, сн. 61). Речь идет о многолетнем обсуждении С. М. Переваловым произведений и биографии Луция Флавия Арриана. Не касаясь пока даже спорных вопросов о реальности противостояния каппадокийского наместника с аланами, упомянутого в сводном (реконструированном) фрагменте (Boissevain U. Ph. 1890. S. 331-332, 336-337; Bivar A. D. H. 1986. P. 87) из произведения Луция Клавдия Кассия Диона Коккеяна (Dio Cass. LXIX, 15, 1) (Моммзен Т. 1999. С. 365; Пигулевская Н. 1956. С. 83; Тревер К. В. 1959. С. 130-131; Меликишвили Г. А. 1959. С. 357; Малахов С. Н. 1995. С. 384), которое могла бы подтвердить «Диспозиция против аланов» самого Флавия Арриана (Arr. Ekt.), об аутентичности его знаний о них до и после, обратимся к «достаточно уверенному утверждению» («представляется более чем вероятным») о том, что Флавий Арриан побывал в районе современного Дарьяла, т. е. с северной стороны Кавказских гор «на территории Владикавказской равнины, нынешней Северной Осетии» («на территории Центрального Предкавказья, нынешней Северной Осетии, у выхода из Дарьяльского ущелья»), именно в ходе кампании против аланов (Перевалов С. М. 1997. С. 129; 2001. С. 286; 2002. С. 177; 2002а. С. 7; 2006. С. 6-7; 2010. С. 322-323). Автор утверждает, что «вне зависимости от того, состоялось ли настоящее сражение, кампания закончилась преследованием аланов до Дарьяла и иберо-албанской границы» (Перевалов С. М. 2007а.. С. 8). В то же время в одной из своих

статей С. М. Перевалов просто кратко отмечает, что «пребывание Арриана в Иберии подтверждает писатель VI в. Иоанн Лид в пассаже о Каспийских воротах Кавказа» (Перевалов С. М. 2006. С. 335), т. е., следуя прямому пониманию высказывания, ни о каком переходе на Северный Кавказ, на Владикавказскую равнину речи не идет.

В целом, поводом к заявлению о произошедшем переходе послужили более поздние сообщения философа Фемистия (IV в.) о том, что Флавий Арриан и Квинт Рустик «пересекали Каспийские ворота, изгоняли аланов из Армении и утверждали границы иберам и албанам» (Them. XXXIV, VIII, 33), а также писателя и чиновника Иоанна Лаврентия Лида (V-VI вв.) об известных римским писателям Каспийских воротах, «...которые Арриан описывает с величайшим прилежанием в “Аланской истории” и, особенно, в восьмой книге своей “Истории Парфии”», благодаря тому обстоятельству, что те места были в его ведении, ибо он управлял этой областью при превосходном Траяне» (Lyd. De mag. III, 53). С данным сообщением сопоставимо и еще более позднее сообщение патриарха Фотия (IX в.) о Флавии Арриане, который кроме описания историй Парфии и Вифинии «... написал также трактат об аланах, который он озаглавил “Аланика”» (Phot. Bibl. Cod. 58, p. 17a, 27-28).

Сообщение о последующем урегулировании границ между Иберией и Албанией, возможно, находит свою параллель в сообщении Диона Кассия (Dio Cass. LXIX, 15, 3) и Юлия Капитолина (Capit. Ant. Pius. 9, 39, 20) о посещении Фарасманом Рима при Адриане (117-138 гг.) или следующем императоре Антоние Пие (138-161 гг.). По Диону Кассию, Адриан увеличил область иберийского царя, что согласуется с «жестоким потрясением» Албании аланами и установлением новых границ между Иберией и Албанией. В целом, посещение Рима надежно фиксируется латинской надписью из Остии (гавань Рима у устья р. Тибр), хотя и без точной датировки. Посещение Рима, видимо, следует отнести ко времени Адриана, т. к.

урегулирование границ на месте мог производить Флавий Арриан, которого в 138 г., еще при жизни Адриана, сменил на посту правителя Каппадокии Л. Барбулей Оптат Лигариан (Ельницкий Л. А. 1964. С. 139).

Мы можем уже привычно отметить, что к сведениям Фемистия и Иоанна Лида о непосредственном посещении и переходе Флавием Аррианом «Каспийским ворот» в ходе аланского закавказского набега и урегулирования иберо-албанской границы давно обращались и другие авторы (Marquart J. 1931. S. 102; Boswort A. В. 1977. P. 229-232). Но показательно, что никто не утверждал о выходе Флавия Арриана на Владикавказскую равнину. Правда, почему-то сноска на работу А. Б. Босурорта у С. М. Перевалова и заключает его заявление о появлении Арриана «... у выхода из Дарьяльского ущелья».

Собственно, образ «Каспийских ворот» был достаточно хорошо известен греко-римским писателям того времени. Например, та же надпись из Мцхета 75 г. свидетельствует о непосредственном присутствии там римских подразделений. Но факт посещения наместником Каппадокии «Каспийских ворот» в процессе урегулирования им границы между Иберией и Албанией должен обязательно рассматриваться в свете самого вопроса о таких границах. В данном случае мы имеем важный для нас источник в лице «Географии» Птолемея, самые поздние сведения которой, что очень важно, относятся ко второй четверти II в. На их основе составлены и соответствующие сведения армянской «Ашхарацуйц» VII в. (Туаллагов А. А. 2010а).

Птолемей достаточно четко прослеживал границу между Азиатской Сарматией, с одной стороны, и Колхидой, Иберией и Албанией, с другой стороны. Данная граница проходила к югу от Главного Кавказского хребта. Боковой предел Колхиды помещается под координатой 75°-47° (Ptol. V, VIII, 7). Далее предел идет по границе Иберии, где и находятся «Сарматские ворота» под координатой 77°-47°. Затем следует предел Алба-

нии (Ptol. V, VIII, 11). Далее, уже непосредственно определяя границы Иберии, Птолемей указывал, что Иберия ограничивается с востока Албанией по линии, доходящей до 77° - 47° (Ptol. V, X, 1). Таким образом, северный предел Иберии в своей крайней точке соединяется с границей Албании, и именно здесь находятся «Сарматские ворота», открывающие путь к транскавказской магистрали.

Такая локализация подтверждается данными «Ашхарацуйц», которая вслед за Птолемеем проводит южную границу Азиатской Сарматии по южным склонам Главного Кавказского хребта, конкретизируя населенность этих южных кавказских склонов определенными народами, не входящими в состав Иберии. Таким образом, четко очерчивается этническая и государственная граница Иберии. Именно здесь и располагались «Сарматские ворота», названные в «Ашхарацуйц» «воротами Целкан». Они помещаются в районе впадения Пшавской Арагви в Черную Арагви, возле Жинвали. Данный пункт имел важное стратегическое значение, т. к. здесь центральная транскавказская магистраль сходилась с транскавказскими магистралями, идущими из Северо-Восточного Предкавказья.

Именно о данном «непреступном укреплении» повествовал еще Страбон. Он полагал его конечным пунктом дороги из области северных кочевников. Она начиналась 3-дневным трудным подъемом, а потом 4-дневным для одного человека проходом по узкой речной долине (Strabo. XI, III, 5). Об этом укреплении писал и Плиний. Он располагал его возле иберского города Гермаста и называл «Кавказскими воротами», разделяющими части света (Plin. NH. VI, 30). Именно данное укрепление напротив города иберов Армастиса (совр. Армази) (Муравьев С. Н. 1988.С. 157, 160), согласно и найденной римской надписи 75 г., укрепляли ранее римляне. К северу от них, т. е. за пределами собственно Иберии, по южному склону Кавказских гор расселялись иные народы. К еще более раннему времени относит основание крепости «Дарубал» сред-

невековая грузинская традиция. Раннесредневековые и ранневизантийские авторы называли ее «Укреплением Иберийской страны» (Еремян С. Т. 1970. С. 405-406; Гумба Г. Д. 2004. С. 154-166). Соответствующие представления зафиксированы и в эпитафии сына иберийского царя из Рима, куда он прибыл, видимо, на помощь Траяну в 114-115 гг. и вскоре скончался: «Славный отпрыск царя Амазаспа, брат царя Митридата, отчизна которого находится у Каспийских ворот, ибер, сын ибера...» (Апакидзе А. М., Гобеджишвили Г. Ф., Каландадзе А. Н., Ломтатидзе Г. А. 1958. С. 55).

Исследователи давно обратили внимание на совпадение в данных Птолема координат южных «Сарматских ворот» и границы Иберии и Албании, севернее которых начинались лежащие за их пределами земли Азиатской Сарматии, полагая, что за этим стояло предшествующее раздвижение границ Албании на запад (Халилов М. Дж. 1992. С. 68-69). Возможно, что по данной причине и возникло напряжение между Иберией и Албанией, которое первая задумала ликвидировать с помощью призыва аланов, преследовавших, в свою очередь, собственную выгоду. Приближение Албании к стратегически и экономически важному пункту на северной границе Иберии могло нанести последней значительный ущерб.

Поэтому посещение Флавием Аррианом «Каспийских ворот» и установление им границ между Иберией и Албанией должно было происходить на обозначенной территории к югу от Главного Кавказского хребта, но никак не к северу, куда не доходили границы ни Иберии, ни Албании (такое положение для Албании могло бы касаться только территорий Северо-Восточного Предкавказья по прикаспийскому направлению). Если с вопросом урегулирования иберо-албанской границы действительно связано сообщение об увеличении римским императором области иберийского правителя (Dio Cass. LXIX, 15, 3), то и тогда можно было произвести такое увеличение только за счет сдвига иберийской границы на вос-

ток, с южной стороны от Главного Кавказского хребта. Но никак нельзя было «увеличить его область» за счет территории к северу от него, которая никак не подчинялась ни Иберии, ни Албании, ни Риму, отделяясь от их владений собственно Кавказскими горами.

В данном случае следует вновь указать на сведения Птолемея, который располагает Кавказ (Кавказские горы) между координатами 75° - 47° (северный предел Колхиды) и 85° - 48° . Если первая координата относится, как мы знаем, к южным склонам Кавказских гор, то вторая – к северным. Вся эта территория относится к территории Азиатской Сарматии. И именно на северной части упоминаются еще одни «Сарматские ворота» с координатой 81° - $48^{\circ}30'$ (Ptol. V, VIII, 14), которые и могут быть отождествлены с «Воротами аланов» (Дарьял), запиравшими Дарьяльское ущелье с северной стороны Кавказских гор. Но это укрепление располагалось во внутренней части Азиатской Сарматии, вне досягаемости, как закавказских государств, так и Рима. «Преследование аланов до Дарьяла и иберо-албанской границы» имеет слишком разные конечные пункты.

Флавий Арриан был официальным представителем Рима и мог действовать только в зоне его интересов. Его переход на Северный Кавказ вел бы не только к немонитивированному отрыву от провинции, которой он непосредственно управлял (полагая же непосредственное преследование им аланов, и к оставлению провинции почти беззащитной), но и к выходу далеко за пределы тех территорий, которые лежали в зоне интересов и досягаемости его империи. Думается, что он бы не рискнул на такой переход и из праздного любопытства.

Как отмечал Иоанн Лид, Флавий Арриан описал Кавказские ворота с «величайшим прилежанием» благодаря тому, что те места были в его ведении. Но северокавказские территории в них явно не могли входить. Предшествующая деятельность Арриана, в том числе по поддержанию присутствия римских

воинских контингентов, относилась к территории Колхиды, но не Иберии (Браунд Д. 1991.С. 34-52). Флавий Арриан вполне мог собрать сведения о проходе, находясь в Иберии, тем более, что такие сведения, судя по сообщениям тех же Страбона и Плиния, по факту ремонта укрепления самими римлянами еще в 75 г., были известны задолго до его деятельности. Кроме того, следует отметить, что описание горного прохода на Кавказе у Иоанна Лида (*Lyd. De mag.* III, 51-53) относится не к Дарьялу (Балахванцев А. С. 2009. С. 11-12).

Кстати, здесь он мог почерпнуть и новые сведения о воинском искусстве аланов, которыми позднее дополнил свою «Диспозицию против аланов». Судя по всему, Флавий Арриан не имел никаких определенных представлений об аланах, вплоть до их вторжения. Ему, например, принадлежал труд под названием «Объезд Понта Евксинского», который представляет собой отчет о плавании вдоль восточного побережья Черного моря в форме письма римскому императору Адриану. Обычно его создание датируют 131/132 г по факту упоминания в нем о смерти боспорского царя Тиберия Юлия Котиса II (*Агг. Регір.* 26). В данном произведении обращает на себя внимание описание положения дел от Диоскуриды до Боспора для возможных действий императора в этом государстве. Неожиданно при достаточно четких данных о других народах упускается сведения об аланах, причем, абсолютно искажаются сведения о Танаисе (Дон), где они и обитали. Такое игнорирование аланов и их истории для «специалиста по аланам», мягко говоря, непонятно, ведь, аланы играли значительную политическую роль как в регионе в целом, так и в Боспоре.

Некоторые исследователи вообще считают, что Арриану принадлежит только первая часть упомянутого произведения, а вторая и третья, откуда происходят сведения о смерти Котиса и описание боспорского побережья, были добавлены в византийскую эпоху (Доватур А. И. 1959. С. 34). Давно было высказано мнение, что сам Арриан не был на Боспоре, а его

произведение должно было быть составлено в 136 г., как и его «Диспозиция против аланов», или годом позже. Сама дата в произведении может служить таковой для источника Арриана при описании боспорского побережья (Ельницкий Л. А. 1964. С. 140). В целом, следует полагать, что Флавий Арриан предпринял поездку вдоль черноморского побережья с целью определения границ иберийского влияния и ситуации к западу от него, что, действительно было очень важно для Рима.

Одной из основных его задач было укрепление лагерей, инспекция гарнизонов и строительство новых крепостей, что подтверждает надпись из Сухума (Ельницкий Л. А. 1938. С. 319; 1964. С. 139). Следует согласиться с мнением, что Флавий Арриан специально предпринял поездку вдоль черноморского побережья, чтобы определить границы иберийского влияния и ситуацию к северу от него (Boswort A.V. 1977. P. 227-228). В любом случае, «Объезд Понта Евксинского», который, вероятнее всего, был составлен все-таки еще до набега аланов, демонстрирует полное отсутствие знаний об аланах у Флавия Арриана. Следовательно, Арриан ранее специально не занимался изучением истории и военного дела аланов, но непосредственно занимался изучением положения Колхиды и Иберии.

Прокопий Кесарийский в одном из своих произведений ссылается на некую «Историю» Флавия Арриана, упоминает колхидский город Котиаион (Кутаис) (Proc. De bell. Goth. IV, 14, 47-48). Как полагал А. Б. Босуорт, речь могла идти именно об «Аланской истории» (Boswort A. V. 1977. P. 247, n. 125). Как мы знаем, по сообщению Иоанна Лида, Флавий Арриан в той же «Аланской истории» и в «Истории Парфии» описывал «Каспийские ворота» в Иберии. Этот же исследователь считает, что римлянин Публий Агриппа, упомянутый в армазской билингве, был поставлен на высокий пост при иберийском дворе Флавием Аррианом в процессе именно урегулирования им границ между Иберией и Албанией, исходя из известной

ему практики Александра Македонского ставить возле местных сатрапов македонских надзирателей (Boswort A. В. 1977. P. 231-232). Все эти косвенные данные заставляют более склониться в пользу того мнения, что Флавий Арриан для своего времени был более практикующим специалистом по Иберии, а не по аланам, а его практические действия в северном направлении никогда не распространялись за границы самой Иберии.

Вспомним также, что, даже находясь непосредственно в управляемой им провинции перед потенциальной угрозой вторжения аланов, судя по его «Диспозиции против аланов», он планировал только оборонительные действия, причем, дополнительно рассчитывая на использование знакомой местности. Учитывая описанные еще Страбоном трудности для многодневного перехода по центральной транскавказской магистрали, вряд ли возможно предположить, что Флавий Арриан под свою ответственность рискнул бы двинуться по столь сложной дороге, с неизвестными ему природно-географическими условиями и потенциальной возможностью нападения аборигенов с неприступных возвышенностей, с неизвестным и не подчинявшимся римлянам населением, т. е. в условиях полной неподготовленности к различного рода опасностям при фактическом отрыве не только от своей провинции, но и от закавказских центров. Учитывая же тот факт, что Флавий Арриан явно дорожил своей карьерой и славой (видимо, поэтому он затем и мог написать «Аланскую историю», чтобы закрепить за собой образ их «победителя»), он вряд ли бы рискнул перечеркнуть их безрассудной попыткой достичь Владикавказской равнины.

С. М. Перевалов, в очередной раз обрушиваясь с критикой на отечественных исследователей (Меликишвили Г. А. 1959. С. 358-359; Яценко С. А. 1998. С. 93, прим. 4), которые разводили сведения об аланском вторжении и о посещении Флавием Аррианом Кавказа, об ознакомлении им с горными проходами, полагает, что эти события тесно взаимосвязаны и отражают непосредственное преследование Аррианом изгнанных из

Армении аланов (Перевалов С. М. 2002а; 2006. С. 7). В принципе, повод к такому разделению давал все тот же Фемистий. Он, кроме общей путаницы с биографиями Флавия Арриана и Квинта Рустика, изменял и последовательность их действий. Заметим, что указание Иоанна Лида о том, что Флавий Арриан смог подробно описать «Каспийские ворота», т. к. «... те места были в его ведении, ибо он управлял этой областью при превосходном Траяне», также вызывает сомнение. Иберия прямо не входила в управляемую им область. О более северном по отношению к Иберии Дарьяле («Ворота аланов») в данном случае вообще говорить не приходится.

Вполне корректно и замечание, что сведения Иоанна Лида о посещении Флавием Аррианом «Каспийских ворот» дано в неясном и неточном контексте (Boswort A. В. 1977. P. 232, p. 61). Собственно, сведения Фемистия и Иоанна Лида критически воспринимались и некоторыми другими зарубежными исследователями (Syme R. 1982. P. 200). В данной связи отметим и еще один факт, который выглядит несколько странным в свете заявленного знакомства Иоанна Лида с «Аланской историей» Флавия Арриана. В другом своем произведении он неожиданно утверждает, что «колхи, называемые также лазами, суть аланы» (Lyd. De mens. IV, 146). Причем, в данном заявлении он использует и странную форму названия Ἀλαῖνοι. Стоит вспомнить сведения Прокопия Кесарийского?

Теперь обратимся к другому вопросу. Мог ли Флавий Арриан непосредственно преследовать аланов? Сам С. М. Перевалов, ссылаясь на мнение многих своих предшественников, полагает, что о походе алан сохранились сведения в «Хронике Арбелы», которые, «... если не во всем, но в главном не противоречат другим источникам» (Перевалов С. М. 2006а. С. 329-330). В то же время другие исследователи отмечали заметное различие в изложении событий (Пигулевская Н. С. 1956. С. 85), вплоть до отрицания связи сообщения «Хроники Арбелы» с аланским походом (Gerhardt Th., Hartmann U. 2000. S. 135-140).

Интересующие нас сведения «Хроники Арбелы» (Алемань А. 2003. С. 500-502) уже приводились выше. Как отмечалось, исходя из них, вполне понятными могли бы стать некоторые моменты из свидетельств «других источников». Разорение области Карду сопоставимо с «сильным опустошением» Мидии и последующей жалобой парфянского царя Вологеза II в Рим на Фарасмана II Квеле (Dio Cass. LXIX, 15, 2). Отсюда логично проистекало бы и сообщение о выплате им даров аланам, если только римский источник не подменяет сведениями о дарах сведения о добыче, попавшей в руки аланов во время ограбления ими городов области.

Но срочное возвращение аланов на родину полагало бы и невозможность вступления ими в противостояние с архонтом Каппадокии. «Затронутость» Каппадокии походом аланов могла объясняться просто быстрым передвижением мчавшихся на родину аланов. «Затронутость» Армении, например, могла диктоваться не только их продвижением на обратном пути, но и предшествующим «опустошением» аланами Албании и Мидии Антропатены. Как отмечали исследователи, выбранная самим Флавием Аррианом местность для отражения возможной аланской атаки соответствует местности в Сатале – Малая Армения (Boswort A. B. 1977. P. 234). Преследовать же устремившееся на спасение родины конное войско алан, наследников и носителей всаднического искусства степных народов, смешанным пехотно-конным войском, постоянно оглядывавшимся на рельеф местности, чтобы занять оборонительную позицию, было просто технически и физически невозможно.

Сам Флавий Арриан настаивал на том, чтобы его конница не отрывалась от пехоты. Если бы конница Флавия Арриана забылась и оторвалась от своей пехоты в желании настигнуть аланов, то ей пришлось бы принять конный бой, перспективы победы в котором были бы для нее не столь очевидны. Кроме того, если бы противостояние и произошло, то оно неминуемо привело бы к большим трудностям у Флавия Арриана.

Предшествующие, по «Хронике Арбелы», продолжительные действия «аланов» против парфян, причем, в горной области свидетельствуют об их достаточно совершенной военной тактике и мощи. Последующие 2-месячные тяжелые бои «аланов» с врагом уже на своей родине показывают, что их боевой потенциал после всех предшествующих перипетий оставался на весьма высоком уровне. Ко всем отмеченным препятствиям для достижения Флавием Аррианом Дарьяла, учитывая позицию С. М. Перевалова, теперь можно добавить и сомнительность желания архонта выйти к охваченной войной стране, причем, через ущелье, когда, по «Хронике Арбелы», только недавно, в таких условиях потерпели поражение парфяне.

Следует обратить особое внимание на биографию архонта Каппадокии, который, согласно Диону Кассию, «устрашил» аланов. Несомненно, сам архонт делал особую ставку в своей биографии на события аланского вторжения, что выразилось в создании им упомянутой, но не дошедшей до нас «Истории аланов», но и «Диспозиции против аланов». Но у нас нет никаких данных о том, что он ранее хоть что-нибудь знал об аланах.

Так насколько же реальна слава Флавия Арриана как военного специалиста по аланам? Флавий Арриан был назначен архонтом Каппадокии, которая еще при Веспасиане (69-79 гг.) из-за постоянных набегов варваров была усилена новыми римскими войсками с повышением статуса ее управителя (Suet. Vesp. 8, 4). Поэтому сама должность выдвигала Арриана на «острие» борьбы с варварами. Кроме того, Арриан, как отмечали исследователи, действовал в условиях преобразования римской кавалерии на основании адаптации искусства тяжелой конницы ираноязычных кочевников, которая проходила при Траяне и Адриане.

Основная ставка в борьбе с конницей врага делалась не только на планомерное преследование врага, но и на массированный обстрел атакующих, что оправдывалось опытом Парфянских войн Траяна, а еще раньше Александра Македонско-

го. Именно история Александра для Арриана, римского полководца, но грека по происхождению, имела огромное значение. Архонт был автором «Анабасиса» о восточном походе великого македонского правителя, дух которого, как отмечали ученые, пронизывает его «Тактику». Он создал для своего друга, императора Адриана, отдельный труд и по подготовке пехоты, к сожалению, также утерянный.

Лично для Флавия Арриана, находившегося на посту архонта Каппадокии, «вторжение» аланов было весьма значимым фактом. Противостояние воинственным кочевникам вело бы его к славе великого полководца, которая была бы освещена гением Александра Македонского. Видимо, закреплением такого образа и служила не дошедшая до нас «История аланов», написанная впоследствии архонтом. Некоторые исследователи даже не исключали, что «Диспозиция против аланов» являлась частью этого произведения. На наш взгляд, было справедливо указано, что «борьба Арриана с аланами стала столь популярной, в первую очередь, за счет его же сочинений» (Ельницкий Л. А. 1964. С. 139). Пожалуй, такая «борьба» вообще стала известна только из произведений архонта.

«Диспозиция против аланов» являет собой не законченное произведение, а фрагмент. Она написана, как отмечали исследователи, в редком для античных произведений повелительном наклонении, что несвойственно историческим произведениям, но встречается в официальных документах. Его первая часть не оставляет сомнений, что Арриан досконально знает свое войско и скрупулезно готовит его к конкретной военной кампании. Однако в части описания именно *будущего* столкновения с врагом отличается абстрактностью, более живым изложением, иногда риторизированным, со вставленными описательными фразами. Весь фрагмент, был, несомненно, подвергнут последующей литературной обработке.

Но в нем будущая битва так и осталась будущей. Поэтому более вероятно, что не было не только самого столкновения с

аланами у Арриана, но они вообще могли и не увидеть друг друга. Не исключено, что аланы так никогда и не узнали, что именно готовил против них некий римский архонт. Следует помнить, что Дион Кассий был малоазийским греком из Вифинии, т. е. соотечественником и практически современником архонта. Но и он, гордясь своим соотечественником, смог приписать ему только «устрашение» аланов. Будь столкновение хотя бы с одиноким аланом, то мы, возможно, узнали бы о «победе» Арриана.

Кроме того, Дион Кассий, видимо, «описал жизнь Арриана Философа» (Suda. s. v. Δίων ὁ Κῆσσιος), т. е. являлся и автором не дошедшей до нас биографии Флавия Арриана. Следовательно, он должен был во всех подробностях изучить его деяния. Если бы среди них он обнаружил таковые, то и в его «Римской истории» мы бы, с большой долей вероятности, обнаружили не краткие сведения об «устрашении», а сведения о том, что Арриан «победил», «изгнал», «непосредственно преследовал» и «переходил».

Мы несколько пространно остановились на данной проблеме еще и потому, что сконструированная «мнимая реальность» о достижении Флавием Аррианом Владикавказской равнины сопрягается с идеей о расположении там аланов. Таким образом, Флавий Арриан выдвигается на роль непосредственного первооткрывателя северокавказской Алании, населявшие которую аланы у С. М. Перевалова, предстают, видимо, в понятном только самому автору свете (Перевалов С. М. 2010. С. 318). Нет и надежной уверенности в том, что вторгавшиеся аланы обитали непосредственно к северу от Дарьяла. Впрочем, если исходить из обратной убежденности С. М. Перевалова, то и достижение Флавием Аррианом Владикавказской равнины через горный перевал было не столь уж и сложным, как для врагов, которые, согласно «Хроники Арбелы», добирались до нее морем.

Мы вполне вправе полагать, что никакого непосредствен-

ного преследования аланов со стороны Флавия Арриана не могло быть. Кроме того, «представляется более чем вероятным», что Флавий Арриан действовал не к северу, а к югу от Главного Кавказского хребта, где только и могли решаться пограничные споры между Иберией и Албанией, а также, возможно, осуществляться и некоторые другие политические акции (Boswort A. B. 1977. P. 230-232). «Достаточно уверенным утверждением» будет отрицание возможности его появления на Владикавказской равнине. По крайней мере, как и в случае с легионером Юлием Мансветом, которому С. М. Перевалов приписал нахождение именно на Кавказе, «... нет ни малейшего доказательства... мнения о том, что он пересек Дарьяльский проход» (Туаллагов А. А. 2011. С. 157-160).

Последнее замечание касается недавно обращенного внимания на компиляцию ранее введенных в научный оборот (Перевалов С. М. 2002б. С. 211-212) эпитафических надписей (Перевалов С. М. 2002в. С. 106-108). Некоторые археологи посчитали, что, «исходя из территориальной привязки, они могут отражать известия именно о центральнокавказских аланах» (Габуев Т. А., Малашев В. Ю. 2009. С. 152). Для археологов такое восприятие информации вполне естественно, т. к. проделав огромную работу по изучению раннеаланских памятников региона, они привлекают решения из смежных гуманитарных дисциплин. Такие решения, в непосредственной внутренней связке, и были представлены С. М. Переваловым в докладе и тезисах археологической конференции «Крупновские чтения», что и послужило их ограниченному восприятию археологами. Но они, видимо, требует некоторых уточнений, в том числе, и с точки зрения наблюдений за их доказательной стороной.

Первая из привлечших внимание латинская надпись II в. н. э. Юлия Мансвета, солдата I легиона Минервы, из Нижней Германии, повествует о его пребывании «у реки Алута при горе Кавказ» (ad Alutum flumen secus Monte[m] Caucasi). С. М. Перевалов в тезисах своего доклада, на которые и обратили

внимание археологи, а также в параллельно опубликованной статье (Перевалов С. М. 2002б. С. 210; 2002в. С. 107), указывает на мнение некоторых исследователей, которые считали возможным отождествлять р. Алута (Alutus) с р. Терек, называемой у Птолемея р. Алонта (Ἀλόντας). Здесь же следует уточнение, что, возможно, последняя известна как Алан-дон,⁵ т. е. «Аланская река». С другой стороны, не исключается предположение, что событие имело место в ходе Парфянской войны 162-163 гг.⁶

Действительно, некоторые исследователи полагали возможным отождествление Алута с Алонт (Vinogradov Yu. G. 1992. P. 19). Что касается «Алан-дон», то данное название фигурирующее в «Ашхарацуйц», относится, что точнее, к названию народа и соименной реки: «Западнее [Каспийского моря], сообщает Птолемей, живут народы Удон, Аландон, Сондас, Герров с одноименными реками, которые из гор Кавказа текут в море, до границ Албании». Таким образом, в «Ашхарацуйц» воспроизводятся сведения Птолемея (Ptol. V, 9, 23), который размещал вдоль западного каспийского побережья Οὐδαὶ καὶ Ὀλόνδαὶ καὶ Ἰσόνδαὶ καὶ Γέτροι.

Вскоре С. М. Перевалов, не упоминая о своем прежнем подходе, со ссылкой на Г. Шрамма (Шрамм Г. 1997. С. 21, 22, сн. 42), указывал, что название реки Алонт (Ptol. V, 8, 6) могло отражать не название аланов, а быть связанным с древнеиндоевропейским гидронимическим пластом. Причем, отмеченный именно Г. Шраммом факт того, что у Птолемея название реки стоит в родительном падеже (Ἀλόντα), с приведением формы именительного падежа Ἀλόντας (Шрамм Г. 1997. С. 21, 22, сн. 42), вылилось у его последователя в критику построений В. И. Абаева в духе Г. Шрамма (Перевалов С. М. 2003. С. 49-50). Но сопоставление корректных названий рек из эпиграфического памятника и из произведения Птолемея (с предложением исправления чтения во втором случае на Ἀλούτας) было произведено гораздо раньше отмеченных С. М. Переваловым авторов

(Premerstein A. 1911. S. 357), что было хорошо известно и отечественным исследователям также задолго до них (Генко А. Н. 1930. С. 706, сн. 1).

Более весомой преградой для сопоставления названий «Алонт» и «алан» может служить совсем иное наблюдение. Данное сопоставление требует признания произошедшего перехода $a \rightarrow o$ перед носовым $-n$, что фиксируется в осетинском языке, подтверждаясь, в том числе, известной формой *allon*. Однако данные жинвальской надписи, Зеленчукской надписи, примеры аланских фраз Иоанна Цеца, Ясского глоссария, аланских маргиналий средневековой византийской рукописи указывают на то, что данного перехода не наблюдалось еще спустя столетия после создания труда Птолемея. Данный переход, по мнению специалистов, в том числе и В. И. Абаева, представляет собой довольно позднее явление (Абаев В. И. 1935. С. 885, 890-891; 1960. С. 18, 19-20; 1979. С. 346; Munkácsi B. 1933. S. 68; Schmidt G. S. 389-390; Gerhardt D. 1939. S. 40; Gershevich I. J. 1960. P. 595; Thordarson F. 1988. S. 94; 1989. P. 420; 2008. 198; Bielmeier R. 1989. S. 242; Györffy Gy. 1990. P. 316-318; Исаев М. И. 1999. С. 106; Engberg E., Lubotsky A. 2003. P. 43; Чёнг Дж. 2008. С. 19, 56; Kim R. 2009. P. 163, n. 30; Ivanov S. A., Lubotsky A. 2011. P. 596; Дзицойты Ю. А. 2013. С. 40; Цховребова З. Д., Дзицойты Ю. А. 2013. С. 233, 475).

Собственно, у самого Птолемея тому противостоит, например, название Кубани Вардан, которое он дает среди других названий реки (Ptol. V. 8, 4-5). Оно сохраняется, хоть и в искаженной форме Тотордан, у Аммиана Марцеллина (Amm. Marc. XXII, 8, 29). Так, и сохранение адыгскими народами, балкарцами, карачаевцами в названиях рек *-dan*, которое сегодня может быть и дополнено (Цховребова З. Д., Дзицойты Ю. А. 2013. С. 219, 493), свидетельствует о сохранении такой формы в средние века. У осетин оно сохранилось в Нартовском эпосе в названии Волги – Арфадан и, возможно, в югоосетинском топониме Данты къуырф (Цховребова З. Д., Дзицойты Ю. А.

2013. С. 475). Следует отметить, что мнение Г. Шрамма⁷ о неубедительности решения В. И. Абаева о славянском названии Дона через осет. переход $an > on$ (Шрамм Г. 1997. С. 39) некорректно. В. И. Абаев предполагал здесь общеславянский переход $a \rightarrow o$, т. е. славяне познакомились с формой dan (Абаев В. И. 1949. С. 256; 1958. С. 367). Исторически это могло произойти, например, в VIII-IX вв., когда донские аланы и часть восточных славян оказались в зависимости от Хазарского каганата.

Несколько противоречит данному явлению сообщение «Ашхарацуйц» о реке «Алан-дон», вторая часть названия которой должно уже представлять такой переход. Но и в данном случае речь идет о гораздо более позднем времени. Кроме того, пространная редакция «Ашхарацуйц» дает форму «Alandan» (Алемань А. 2003. С. 369). Попытка исправления чтения названия реки у Плиния (Plin. NH. VI, 30) «*diri odoris*» на «*diricdone*» (Муравьев С. Н. 1988. С. 160), принятая некоторыми исследователями (Кузнецов В. А. 1992. С. 48; Гутнов Ф. Х. 2011. С. 52), не может сама по себе служить окончательно установленным фактом. Кроме того, следует отметить следующее.

В исторической науке представлена попытка отнести к следам пребывания скифов на Северном Кавказе сообщение некоторых древних письменных источников о реке Термодонт, которая отождествляется с Тереком. Подтверждением этого считают осетинское название Терека «Терчдыон» (Пфаф В. Б. 1872. С. 92-93; Гаглойти Ю. С. 1966. С. 122-123; Цагаева А. Дз. 1975. С. 414). Но, во-первых, осетинское название является передачей названия Терек, которое обычно считается тюркским (Фасмер М. 1987. С. 47; Дзиццойты Ю. А. 2013. С. 27). В таком случае, мы имеем дело с более поздним названием реки, не имеющим никакого отношения к истории скифов. Однако против тюркской этимологии высказывались и возражения. Полагают, что название Терека могло принадлежать неизвестному и уже непонятному языку (Никонов В. А. 1966. С. 415;

Подольская Н. В., Суперанская А. В. 1969. С. 143; Суперанская А. В. 1969. С. 191). В случае данного решения, пришлось бы не только поставить вопрос перед тюркской этимологией названия реки, но и отказаться от скифской (иранской) основы названия.

Во-вторых, реки под названием Термодонт известны в Малой Азии и Беотии, что также отрицает, особенно во втором случае, их скифское (иранское) происхождение. Само название Θερμόδων может восходить к греч. θερμός – «теплый», «горячий» и т. д. Перенесение названия реки из Малой Азии на Северный Кавказ, видимо, связано с легендарными представлениями об амазонках, обычно помещавшимися возле этой малоазийской реки. Нередко исследователи соотносят с евразийскими кочевниками образ амазонок, который изначально был связан с Малой Азией. Полагают, что греки стали ассоциировать амазонок со скифами не ранее V в. до н. э., толчком к чему послужило их знакомство с савроматами (Иванчик А. И. 2001. С. 97). Вполне вероятно, что позднейшее отождествление амазонок со скифами, а большей частью, с савроматами и привело к «переносу» Термодонта из Малой Азии на Северный Кавказ. Поэтому появление северокавказского Термодонта (причем, данное название могло прилагаться также к Дону и Кубани (Ельницкий Л. А. 1961. С. 85; Галкин Г. А., Коровин В. И. 1980. С. 107), где соответственно помещались амазонки), как представляется, более относится к своеобразному отражению пребывания в регионе не скифов, а савроматов.

Иногда подтверждением разбираемой точки зрения считают сообщение «Космографии» Равеннского Анонима о реке Terdon (Raven. II. 12). Однако нет никакой возможности для безоговорочного отождествления этой реки с Тереком. Не исключено, что ее название связано с названием реки Theriodes в «Космографии» Юлия Гонория (А, 7). Название Theriodes встречается у Юлия Гонория в трех частях света в качестве названий города, реки, племени, что позволяет считать его харак-

теристикой местности, написанной на карте. Видимо, оно соответствует греч. θηρίωδης – «изобилующая дикими зверьями» (Подосинов А. В. 2002. С. 133, 135, 144, 146, 244). Полагают, что Гонорий писал о верховьях Яксарта, но, не найдя на карте названия, отнес к нему стоявшую рядом надпись Theriodes, которая характеризовала на карте традиции Агриппы пустыни, расположенные на крайнем северо-востоке ойкумены, возле скифских народов саков и антропофагов (Mela. III. 59, 60, Plin. NH. VI. 53, 54) (Пьянков И. В. 1997. С. 245).

Именно с формой Terdon, уже как аланской формой гидронима Терек, и сопоставляют название верховий Терека у Плиния «*diri odori*», предполагая наличие в ней искажения *diricdon*. Но, как представляется, нельзя исключать, что появление на Северном Кавказе Термодонта, обусловленное «амазонской географией», могло контаминироваться с представлениями о далеких землях кочевников «изобилующих дикими зверьями», что и дало известные греческие и латинские формы названия реки.

С. М. Перевалов, резко меняющий и не упоминающий свою первоначальную позицию, просто идет за Г. Шраммом.⁸ Решение о древнем индоевропейском происхождении названия р. Алонт было высказано еще в 1950-х гг. Оно давно отражено и в русскоязычных изданиях (Георгиев В. И. 1958. С. 256-257; Дегтярева Т. А. 1961. С. 106). Некоторые исследователи связывали его, например, с носителями древнеямной археологической культуры (Федоров Я. А. 1978. С. 80). Таким образом, в основе названия р. Алонт может лежать тот же индоевропейский корень, что и в названии р. Арагви. В средневековых грузинских источниках и Терек также нередко называется Арагви, что объясняют близостью истоков двух рек.

В целом, к древнему индоевропейскому наследию относят названия рр. Риони, Арагви, а в последнее время и р. Леуахи (Меликишвили Г. А. 1965. С. 28; Асатиани Л. Ю. 1980. С. 96-101; Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. 1984. С. 940; Дзиц-

цойты Ю. А. 1992. С. 252; 2003. С. 196-197; Цховребова З. Д., Дзиццойты Ю. А. 2013. С. 89-90). На территории Кахетии отмечается и топоним Алон-и (Гаглойти Ю. С. 2007. С. 182). Не исключено, что тогда и названия рр. Араф и Ираф в Северной Осетии и минерального источника Араф в Южной Осетии имеют в своих основах тоже происхождение (Дзиццойты Ю. А. 1992. С. 252; Цховребова З. Д., Дзиццойты Ю. А. 2013. С. 93). Таким образом, мы можем констатировать, что С. М. Перевалов, игнорируя историографию вопроса, совершает, как говорил по подобным поводам В. И. Абаев, свое «запоздалое открытие» о возможном индоевропейском происхождении названия р. Алонт.

В пользу индоевропейской гипотезы можно привести и аналогичное название притока р. Прут Алута (Aluta) (Iord. Get. 74, TP. VII, 5, Raven. IV, 4) – современная р. Олт. Г. Шрамм, приводит иные сопоставления, видимо, увлекаясь собственными утверждениями. Но и здесь не все так просто, поскольку существует и решение о древнеиранском происхождении данного названия (Маккау J. 1994. P. 155). Конечно, есть достаточные сомнения для возможности отождествления р. Алута надписи и р. Алонт (Терек), нельзя исключать и географическую неграмотность заказчика надписи (Wheeler E. L. 1997. P. 70-71).

Исследователи, например, отмечали, что легионер Юлий Мансвет мог побывать, вероятно, в Албании, вместе с Луцием Вером, т. е. во время Парфянской войны (161-166 гг.), но «... нет ни малейшего доказательства обычного мнения о том, что он пересек Дарьяльский проход» (Браунд Д. 1991. С. 52). Но данное подразделение в самом начале II в. участвовало и в I Дакийской войне непосредственно в районе Дуная. Учитывая данный факт, наличие сопоставимых европейских гидронимов, само место находки надписи, вполне можно сопоставить название Caucasus надписи и название Caucaland. О Caucaland, недоступной местности с высокими, поросшими лесами гора-

ми, упоминал Аммиан Марцеллин, повествуя о том, как под давлением гуннов правитель готов-тервингов Атанарих вошел в данную область, вытеснив оттуда сарматов (Amm. Marc. Res Ges. XXXI, 4, 13). Благодаря сведениям «Повести временных лет», «Кавкаисинские горы, рекше Угорьски» вполне могут быть отождествлены с теми же Карпатами (Лихачев Д. С. 1950. С. 206; Кузнецов В. А. 1993. С. 89; Вольфрам Х. 2003. С. 138). Таким образом, у нас есть основания полагать, что в надписи речь могла идти именно о Карпатах.⁹

Вторым эпиграфическим памятником фигурирует находка в грунтовом погребении № 18 (конец II-первая половина III вв.) Жинвальского могильника надписи «ΒΑΚΟΥΡ ΑΛΑΝΑ», нанесенной на сердоликовую гемму, вставленную в железный перстень. Причем, некоторые исследователи уже полагают, что с группировкой аланов Предкавказья «... связана находка в соседней Грузии – отмеченного С. М. Переваловым перстня из могилы 18 в Жинвали с надписью Π, включающей и имя Алана...» (Яценко С. А. 2010). Поэтому следует вновь более подробней остановиться на историографии вопроса.

Видимо, впервые упоминание о данной надписи было дано в кратком отчете Жинвальской экспедиции об археологических исследованиях за 1974 г. (Рамишвили Р. М., Джорбенадзе В. А., Каландадзе З. А., Николайшвили В. В., Рчеулишвили Г. М., Маргвелашвили М. Г., Чихладзе В. В., Циклаури И. Д., Асланишвили В. О., Бакрадзе И. У., Глonti М. Г., Бедукидзе И. Я. 1975. С. 458), в котором сообщалось о том, что среди прочих находок на могильнике в с. Жинвали были обнаружены железные и серебряные перстни с геммами, «... в том числе одна с греческой надписью ΒΑΚΟΝΡ» (авторская описка или типографская опечатка ΒΑΚΟΥΡ – А. Т.).

На следующий год, практически тем же коллективом исследователей (Рамишвили Р., Джорбенадзе В., Каландадзе З., Николайшвили В., Маргвелашвили М., Рчеулишвили Г., Чихладзе В., Циклаури И., Асланишвили В., Глonti М., Цере-

тели К., Бакрадзе И. 1976. С. 72) был опубликован несколько более пространный отчет о работе Жинвальской экспедиции, в котором отмечалось: «В погребении позднеармазского времени (№ 18) выявлен именной перстень с резным сердоликом-интальей овальной формы. На поверхности камня вместе с характерным сюжетом из круга Диониса греческими буквами вырезано грузинское имя «Бакур...». В описании таблицы, прилагавшейся к статье, отмечалось: «Жинвальский могильник, XXV участок. Перстень позднеармазского периода с надписью «Бакур» (2)».

Таким образом, если в первом случае информация о надписи была дана в форме «Бакур...», трюеточие в которой должно было подразумевать наличие не приведенной части надписи, то, по информации в описании таблиц, надпись, как и в прежней публикации, имела форму «Бакур», т. е. исключалось наличие в ней иной части. В самой таблице была впервые помещена фотография перстня (Таб. L, 2), на которой хорошо видно слово «BAKOP», вырезанное горизонтально в верхней части инталии. За ним следует вертикально расположенное слово «A-LA-NA», соответственно разделенное по трем «ярусам», по диагонали смещающимся (спускающимся) к центру инталии.

Конечно, если отвлечься от научной стороны вопроса, то игнорирование исследователями Грузии второй части надписи можно бы было трактовать с позиций национальных (антиосетинских) предубеждений (Wheeler E. L. 1997. P. 59; 1999. P. 219; Перевалов С. М. 2003. С. 48). Если же не выходить за рамки научного обсуждения, то, как я полагал изначально, именно отмеченная необычная конфигурация надписи, которая зависела от необходимости вырезания ее на свободных от ранее нанесенных изображений местах, и дала повод для двух вариантов передачи формы самой надписи в текстовой части статьи. С одной стороны, слово «АЛАНА», возможно, оставалось лингвистически необъяснимым для авторов статьи

(археологов), с другой стороны, его написание и взаиморасположение со словом «BAKOUR» могло вызвать у них сомнение о взаимосвязи данных слов. Однако сегодня можно полагать и влияние решения по прочтению второй части надписи Т. С. Каухчишвили.

Такое двойное воспроизведение формы надписи продолжилось и в других публикациях уже более узкого круга из числа тех же исследователей Грузии: «Бакур...» (Рамишвили Р. М., Джорбенадзе В. А. 1976. С. 38), «Бакур» (Николайшвили В. В., Чихладзе В. В. 1980. С. 169). Таким образом, информация о надписи была изначально искажена. Однако публикация фотографии печати уже позволяла более точно судить о надписи. Но, к сожалению, она тогда не привлекла внимания других исследователей, возможно, в силу прежнего малого внимания специалистов по истории аланов к закавказскому региону того периода. В одной из последующих публикаций об исследованиях за 1977 г., видимо, подводя общие итоги, просто указывалось на наличие «... перстней (с геммами и с греческими надписями)...» (Рамишвили Р., Джорбенадзе В., Маргвелашвили М., Рчеулишвили Г., Гогелия Д., Глonti М., Чихладзе В., Робакидзе Ц., Церетели К., Циклаури И., Циклаури Дж., Мухигулашвили Н. 1980. С. 176).

Вторая публикация фотографии печати, но уже в сопровождении транслитерации «BAKOUR ALANA», т. е. с определением надписи как единой, была дана Д. Браундом (Braund D. 1994a. P. 247, pl. 20). Исследователь датировал надпись примерно III в., но оставил без комментариев ее вторую часть – «ALANA». Впервые же на аланскую составляющую надписи обратил внимание Э. Уилер, усмотревший в ней свидетельство раннего проникновения аланов в Иберию (Wheeler E. L. 1997. P. 59; 1999. P. 219).

В тезисах доклада С. М. Перевалова, на которые обратили внимание археологи, указания на приоритет Э. Уилера в чтении «аланской составляющей» надписи сделано не было.

Работа Э. Уилера вообще не упоминается. Ее упоминание, но вновь без указания зафиксированного именно в ней факта «аланской составляющей» надписи, появится в статье, вышедшей в том же году, что и тезисы доклада. В данной статье, как и в тезисах доклада, будет отмечена только одна из публикаций археологов Грузии (Перевалов С. М. 2002б. С. 212).

Данный историографический подход будет сохранен и в опубликованной на следующий год рецензии (Перевалов С. М. 2003а. С. 191). Указание на приоритет Э. Уилера будет произведено в статье, опубликованной в том же журнале, что и рецензия, с повышением количества упоминания работ более узкого круга авторов из Грузии до двух публикаций (Перевалов С. М. 2003. С. 48; 2011. С. 5). Причем, автор повторит (Перевалов С. М. 2003. С. 47-54; 2010б. С. 201-205; 2011. С. 5) и мнение Э. Уилера о том, что данная находка свидетельствует о раннем проникновении аланов в Закавказье, не преминув отослать читателя к своей слабо аргументированной версии об аланском характере похода 35 г. и о расселении аланов к тому времени к северу от Дарьяла.

Автор в своем кратком «историографическом экскурсе» пропустит первые две упоминавшиеся публикации сведений о надписи, что позволит ему, посетовав на то, что «работы грузинских археологов оказались более доступны для ученых западных стран, чем бывшего СССР», сообщить о знакомстве с фотографией жинвальского перстня «только по публикации в книге английского антиковеда Д. Браунда» (Перевалов С. М. 2003. С. 48). Но проблема в данном случае заключается именно в том, что автор сам игнорировал историографию вопроса, постоянно стремясь действовать через работы «ученых западных стран».⁹

Несколько позднее через публикацию Д. Браунда к жинвальской находке, прежде игнорировавшейся по причине сомнений в местном производстве геммы (Балахванцев А. С. 2005. С. 51, сн. 57), обратится и А. С. Балахванцев (Ба-

лахванцев А. С. 2007. С. 10; 2009. С. 14), также изначально не упоминающий работу Э. Уилера. Впоследствии исследователь совместно с археологом В. В. Николаишвили закономерно обратил к материалам самого погребения, из которого происходит находка, т. к. прежде собственно археологический аспект находки игнорировался. Было установлено, что погребение, по сопровождающему инвентарю, принадлежит женщине, т. е. отдельно взятый перстень не может рассматриваться как прямое указание на присутствие здесь аланов, как полагал С. М. Перевалов. Сама гемма могла быть изготовлена римским мастером в I-II вв., надпись на ней, судя по ее палеографии, нанесена в конце II-первой половине III вв., погребение, исходя из археологических, нумизматических и палеографических данных, было совершено в первой половине III вв. (Балахванцев А., Николаишвили В. 2010. С. 74-76; 2010а. С. 130-135), что соответствует хронологии аланских памятников Центрального Предкавказья и делает вероятным предположение об источнике появления такой надписи, исходя только из географических соображений. Но это только предположение.

Интересно, что и данная пара соавторов, как и пары ранее упомянутых соавторов, ничего не упоминают о первых публикациях сведений о перстне и о его изображении. Это несколько странно, т. к. они (за исключением А. С. Балахванцева) были непосредственными соавторами тех публикаций. Пользуясь логикой С. М. Перевалова, следовало бы заключить, что «работы грузинских археологов оказались более доступны для ученых западных стран, чем для самих этих грузинских археологов».

С. М. Перевалов и А. С. Балахванцев, полемизируя друг с другом, сосредоточатся на определении второй часть надписи «АЛАНА» как отражающей собственно аланскую форму, восприятие которой как таковой лежит на поверхности для любого исследователя, занимающегося изучением аланских древностей. Будучи антиковедами и, соответственно, не явля-

ясь специалистами в области иранского языкознания, они закономерно обращаются к данным этой научной дисциплины, что требует, в свою очередь, очень внимательного подхода.

Э. Уилер впервые определил содержание надпись как «*Bakur the Alan*», т. е. «Бакур – алан». В русле данного определения А. С. Балахванцев отмечает, что конечная -а в слове «АЛАНА» находит свое объяснение только на почве скифо-сарматских наречий, в которых у существительных в номинативе единственного числа наряду с другими тематическими элементами присутствовал гласный -а. Автор, как и С. М. Перевалов, вполне прав и в том, что в случае, если бы слово было передано через греческий язык, то мы столкнулись бы с формой Ἀλανός. Можем только добавить, что окончание -æ до сих пор является одним из обычных окончаний существительных в единственном числе в дигорском диалекте (диг.) осетинского языка (Абаев В. И. 1949. С. 389-395; Исаев М. И. 1966. С. 39; Камболов Т. Т. 2006. С. 243-244, 426; Чёнг Дж. 2008. С. 61-63, 81-82), сохраняющем более архаичные черты. В иронском диалекте (ирон.) осетинского языка, представляющего собой следующую стадию языкового развития, данное окончание не удержалось (редукция).

В русле определения Э. Уилера действует и С. М. Перевалов, который усматривает подтверждение своим выводам в работах А. С. Балахванцева и В. В. Николаишвили. Но А. С. Балахванцев обращался к форме существительного (Рас-торгуева В. С. 1990. С. 151). В то же время сам автор использует для доказательства известную и общепринятую реконструкцию (Абаев В. И. 1949. С. 156, 214, 246; 1958. С. 47; 1995. С. 675). Но данная реконструкция недвусмысленно указывает на то, что «АЛАНА» представляет собой закономерное развитие древнеиранского прилагательного единственного числа *āyuāna (производного от *āyu > индоевр. *aryo-), стоящего в именительном падеже, или прилагательного множественного числа *āyuānām, стоящего в родительном падеже (Hübсhmann

Н. 1887. С. 41; Оранский И. М. 1979. С. 8, сн. 5; Abaev V. I. 1985. 8. P. 803; Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. 2000. С. 223-224; Ньюли Г. 2002. С. 30; Fritz S. 2006. S. XV, 9; Чёнг Дж. 2008. С. 34, 55, 177, 210 и др.). Более вероятно, что «АЛАНА» представляет собой непосредственное развитие прилагательного *āryāna – «арийский» (Bartholomae Chr. 1904. Col. 198), т. е. «происходящий из *ārya».

Хотя С. М. Перевалов фиксирует для себя закономерное АЛАНА < *āryāna – «арийский», но в переводе оставляет «Бакур-алан» Э. Уилера. Однако более обоснованным, как представляется, следует считать чтение надписи не как «Бакур-алан» или «алан Бакур», а «Бакур аланский». Возможно, параллель данному прочтению, но уже в греческой адаптации, могла бы дать надпись из Анапы, датируемая второй половиной II в. н. э., в которой упоминается некий Ἀλα[νικὸς] Χοσσοῦ (КБН. С. 679-680, № 1142). Имя Ἀλα[νικὸς] следовало бы читать как «Аланский» (Zgusta L. 1955. S. 332). Но, к сожалению, мы имеем дело с восстановленным именем.

Интересно, что С. М. Перевалов, «критикуя» Т. А. Габуева по вопросу alana < *āryāna за счет l < r, не только оставляет определение āryāna – «ариец», «алан», но и добавляет со ссылкой на В. И. Абаева, что переход l < r произошел у причерноморских скифов в результате контактов с их европейскими соседями. Все это было необходимо ему для попытки отрицания гипотезы о возможном помещении прародины алан в Средней Азии (Перевалов С. М. 2002б. С. 214). Указанная ссылка уязвляется им и со ссылкой на работу археолога Б. И. Вайнберг, которая, опять же со ссылкой на В. И. Абаева, отмечала отсутствие подобного перехода для иранских языков Восточного Туркестана и Средней Азии, делая вывод, что данный переход произошел у аланов за счет соседства или взаимодействия со скифами, или такое название дали им сами скифы (Вайнберг Б. И. 1999. С. 265).

С. М. Перевалов указывает, что его отмеченная выше «кри-

тика» В. И. Абаева исходила из решения самого В. И. Абаева, что «знаменитый переход г в l перед i (вар. у), представляющий «характерную черту исторической фонетики осетинского языка», произошел ко времени Птолемея, т. е. II в. н. э.». По мнению С. М. Перевалова, жинвальская надпись предоставляет новый материал для прояснения хронологии этапов развития «скифского (скифо-сарматского)» (по В. И. Абаеву) языка», а «постулируемый В. И. Абаевым переход al(l)ana→al(l)an→al(l)on, если он имел место, нужно относить к более позднему времени» (Перевалов С. М. 2012. С. 3-4). Нетрудно заметить, что в рассуждениях С. М. Перевалова объединены два вопроса: г→l за счет следующего гласного i(y) и а→о перед носовым -п.

Исследователи, обратившиеся за консультацией к профессиональному лингвисту, оперативно отметили ошибочность попыток С. М. Перевалова подобным образом искать лингвистические аргументы для отрицания возможности помещения прародины алан в Средней Азии (Гугуев Ю. К., Глебов В. П. 2002. С. 100, сн. 10). Кроме того, речь даже не идет о поисках лингвистической аргументации через работы археологов. При междисциплинарном подходе к решению определенных вопросов следует быть более внимательным при привлечении основополагающих в данном случае разработок лингвистов. Проблема перехода l < г как результата контактов скифов с их европейскими соседями, по В. И. Абаеву, не имеет никакого отношения к alana < *āryāna, т. к. в последнем случае речь шла о переходе l(i), ll < *ri(ry), т. е. о появлении вторичного l (Абаев В. И. 1969. Р. 24; 1995. С. 328, 331) за счет следующего за г гласного i(y), что отмечалось в приложении к осетинскому языку еще В. Ф. Миллером (Миллер В. Ф. 1992. С. 658), а затем и многими другими лингвистами. Именно этот переход и имела в виду Б. И. Вайнберг.

В последнее время появились исследования специалистов, которые полагают, что переход l(i), ll из древнеиранской группы *ri(ry) был характерен для сарматского, но не для скифско-

го языка. Однако более обоснованным представляется заключение, что данный переход, как и *непереход*, были характерны для обоих языков, т. е. они представляли собой дифференцирующий признак не между языками, а внутри каждого из этих языков (Dzitzsojty Ju. 2007. P. 11-12; Дзиццойты Ю. А. 2009. С. 214-215; смотри также (Gershevich I. 1955. P. 486, n. 2)). Была также выдвинута гипотеза о наличии данного перехода и в киммерийском языке (Дзиццойты Ю. А. 2008. С. 88, сн. 6). Возможно, в отношении скифского материала, как частный случай, специалистам следует рассмотреть давнее предположение о возведении имени царя Малой Скифии в Добруджи Αιλίς к *aiγua (Тарасюк Л. И. 1956. С. 28).

Имя Αιλίς, в таком случае, может быть сопоставлено с именем главы переводчиков аланов Ἦρακᾶ Ποντικῆ, отмеченном в надписи 208 г. н. э. из Гермонассы (КБН. С. 613-614, № 1053). Имя Ἦρακας возводят к *aiγuaка, что может указывать на наличие упомянутого дифференцирующего признака и внутри аланского языка. Прямой параллелью аланскому имени может служить встречающаяся в специальном охотничьем языке диг. лексема iγæg, которой обозначали мужчину средних лет (в данном языке сохранились, например, древние значения лексем farnæ – «солнце», wæγxæg – «волк», ныне утраченные).

Но С. М. Перевалов для *aiγuaка→Ἦρακας отмечает только, что «постулируемый некоторыми лингвистами переход *aγy- > *iγ считается сомнительным», давая ссылку на работу В. И. Абаева, единственного среди исследователей обосновавшего такое возражение, и на работу А. Алемани (Перевалов С. М. 2011. С. 5), которая в данном вопросе вторична (А. Алемани ошибочно называет местом находки Пантикапей). Во-первых, в указанном случае речь идет не об *aγy-, а об эпентезе *aiγua←*aγua. Во-вторых, как прошлые работы «некоторых лингвистов», так и проанализированные новые материалы противостоят отдельному случаю отрицания (Камболов Т. Т. 2006. С. 30, с. 410-414).

Мы вполне можем согласиться с мнением С. А. Балахванцева, что надпись «BAKOUP AΛANA» представляется сегодня «древнейшим из имеющихся у нас образцов письменности на аланском языке». В пользу данного вывода, возможно, свидетельствует еще одно наблюдение. В. И. Абаев отмечал, что, если в древнеиранских языках порядок следования определения и определяемого был достаточно свободен, то в современном осетинском языке определение строго предшествует определяемому (Абаев В. И. 1949. С. 77, 113). Но упоминавшиеся аланские маргиналии византийского манускрипта, которые датируют XIV или XV вв., указывают на наличие и обратного порядка (инверсия) в аланском языке. Опубликовавшие их исследователи справедливо усматривают отголосок такого положения в некоторых современных осетинских лексемах (Engberg E., Lubotsky A. 2003. P. 43: Аланские... 2003. С. 5).

Собственно, В. И. Абаев, как и другие исследователи (Абаев В. И. 1949. С. 231-237; 1959. С. 144; Ахвледиани Г. 1960. С. 192; Габараев Н. Я. 1965. С. 7-12; Техов Ф. Д. 1981. С. 39-54), также признавал, что инверсия, представленная в сложно-составных осетинских лексемах, а также в сложных предложениях, отражает прежнее положение свободного порядка слов. Однако записи фольклорного осетинского материала указывают, что обратный порядок использовался в осетинском языке, по крайней мере, еще в первой четверти XX в. (Дзагуров Гр. А. 1921. С. 161 об.).

Таким образом, осетинский язык долгое время сохранял возможность свободного помещения определения после определяемого. Поэтому надпись «BAKOUP AΛANA» может представлять не только древнюю форму прилагательного, развитие которой из древнеиранской праформы демонстрирует именно историческую фонетику осетинского языка, но и тот порядок слов, который был долгое время не чужд осетинскому языку, находя себе параллели среди иных древнеиранских языков.

Однако, как представляется, в интерпретациях С. М. Перевалова и А. С. Балахванцева остается еще одна необъяснимая деталь. Надпись «Бакур аланский» нанесена на инталию, уже имевшую изображения дерева, козы, сосуда и человека, что могло привести к ее несколько анекдотичному восприятию, тем более, что надпись окружает именно изображение животного. Вряд ли «Бакур аланский» пожелал бы дать тому повод. После слова «ΑΛΑΝΑ» представлена и -ς, использование которой, вкупе с неточным восприятием самой лексемы, привело некоторых исследователей к иной трактовке надписи (<http://ampelios.livrjournal.com/54249>). Вполне можно согласиться с С. М. Переваловым, что данная трактовка явно ошибочна. Но его замечание, что «... конечная сигма (ς) почти не просматривается и вряд ли принадлежит тому же резчику» (Перевалов С. М. 2010б. С. 204), несколько не объясняет ситуации и ведет к самоустранению от ее решения, видимо, за счет отсутствия такого решения со стороны зарубежных специалистов. Конечная сигма, не учитывавшаяся Д. Браундом и Э. Уилером, действительно, хорошо видна на фотографиях перстня. А, как известно, даже небольшой факт имеет для науки большее значение, чем самая аргументированная научная гипотеза.

Конечная -ς жинвальской надписи, как бы то ни было, присутствует. Но ее отнесение к «ΑΛΑΝΑ», на первый взгляд, сомнительно не только по причине явного различия в характере написания, но и с точки зрения, как греческого написания, так и аланского. Конечно, возможно, например, предположить, что мы имеем дело с изначально некорректной попыткой придать иранскому (аланскому) прилагательному хотя бы внешнюю форму греческого прилагательного мужского рода в именительном падеже с окончанием -ας. Но не следует исключать, что -ς должна относиться к иной лексеме, возможно, добавленной, чтобы избежать указанной выше ситуации, или нанесенной одновременно, но несколько нечетко, т. к. она уже «наезжала» на изображение. Данная лексема должна быть очень

короткой, причем, возможно, подвергнутой при написании сокращению за счет предшествующих букв или буквы – (- -)с.

На первый взгляд, она может быть сопоставлена с диг. (j) es, ирон. i(s) – «есть» (форма 3-го лица единственного числа глагола диг. *un*, ирон. *wun* – «быть») (Абаев В. И. 1958. С. 550), т. е. надпись бы читалась как «Бакур аланский есть». Но такое чтение логично требует наличия соответствующего изображения на инталии, что только усугубляет анекдотичность ситуации с реальным изображением. Но эта же самая лексема имеет и значение «имущество», «достаток», «богатство» (буквально «(то, что) есть») (Абаев В. И. 1958. С. 550), т. е. то, чем владеет человек, то, что он нажил. Таким образом, надпись могла бы читаться дословно как «Бакур аланский имущество», т. е. «Бакура аланского имущество».

Подтверждением возможности существования такой конструкции могут служить все те же маргиналии на полях византийского манускрипта, в которых канун дня Св. Иоанна Хризостома (Златоуста) обозначен как $\xi\rho\eta\eta\upsilon$ $\kappa\alpha\mu$ $\pi\alpha\upsilon$, что соответствует современному диг. *zærin* (*zæri:næ*) *kom* *bon*, ирон. *zærin kom bon*, что дословно означает «золотой рот день», т. е. «золотого рта день» (Engberg E., Lubotsky A. 2003. P. 43). Было справедливо обращено внимание на то, что первые два слова стоят в именительном падеже и не составляют оформленную синтагму с групповой флексией, свойственной современному осетинскому языку – *zærin komi bon* – «золотого рта день». Но в то же время обращается внимание (Камболов Т. Т. 2006. С. 207) на современные осетинские названия дней недели ирон. *Xwycawbon*, диг. *Xucawbon* (воскресенье) – дословно «Бог день», ирон. *Majræmbon*, диг. *Majrænbon* (пятница) – дословно «Мария день» (но диг. *Gewærgibon* (вторник) – «Георгия день» – А. Т.).

Следует отметить, что в осетинском языке, включая и дигорский диалект (Исаев М. И. 1966. С. 39; Таказов Ф. М. 2003. С. 723), существительное в именительном падеже мо-

жет выступать в качестве определения. В осетинском языке вообще трудно провести четкую грань между существительным и прилагательным. Существительное может выступать в роли прилагательного. В рассматриваемой надписи такое существительное «BAKOUP» уже имеет собственное определение «AΛANA», поэтому в качестве еще одного определения выступает уже «BAKOUP AΛANA», т. е. в предложении наличествует два определения, которые, как и в древнеиранских языках, располагаются свободно по отношению к определяемому. Возведение диг. (j)es, ирон. i(s) к *asti или *aiša, авест. aešā – «имущество», иран. *ais – «владеть», индоевр. *ai-s- (?) (Miller V. F. 1907. S. 328; Абаев В. И. 1995а. С. 15; Чёнг Дж. 2008. С. 19, 139, 178, 195-197, 330; Камболов Т. Т. 2006. С. 358-362), возможно, поможет объяснить наличие в надписи только -ς.¹¹ Недавно было сделано предположение, что вырезанные на каменном блоке Маяцкого городища две буквы ΥΣ (надпись M17) могут означать именно «имущество, достаток, богатство», отражая использование донским аланским населением VIII-X вв. греческого алфавита при создании собственной письменности (Афанасьев Г. Е. 2012. С. 261).

Таким образом, разбираемая надпись вполне подходит, например, для указания на перстень как на собственность «Бакура аланского», как указание на владение им скотоводческим хозяйством (изображение на инталии), как указание и на первое, и на второе. Чрезмерным может представляться распространение такого положения на последнюю владелицу перстня, но мы никогда не узнаем, ни о ее судьбе, ни о судьбе «Бакура аланского». В конечном итоге, следует признать, что надпись все еще не получила своего полного научного прочтения и нуждается в обращении к ее изучению специалистов по иранскому языкознанию. Кроме того, возможен, например, и иной подход в решении вопроса о семантике надписи.¹²

В прошлом в Грузии символом осетин стал Вачила (Вачина), который ассоциировался с козлом. Осетин нередко и наде-

ляли прозвищем «вачилы» (Сосиашвили Г. 2010. С. 543-545). Оно было связано с популярнейшим у осетин культом древнего грозового божества *Wacilla* (*Wačilla*, *Wacelia*, *Wacella*, *Wacellæ*, *Elia*, *Wors Jelia*) – «Святой Илья», чье имя являлось результатом ономастической христианизации. Его культ был настолько популярен, что некоторые сторонние наблюдатели даже полагали, что именно *Wacilla* занимал главенствующее положение в осетинском пантеоне. В специальных празднествах, посвященных *Wacilla*, божеству жертвовался черный козел, шкура которого вывешивалась на высоком шесте. Подобная жертва преподносилась ему и в обряде по случаю поражения молнией. Шкура козла могла набиваться соломой.

Образ *Wacilla* был тесно связан с аграрным культом, с представлениями об изобилии, богатом урожае и т. д. (Туаллагов А. А. 2010). В. И. Абаев замечал: «В культе грозового божества *Wacilla* настолько большую роль играет козел, что возникает мысль, не является ли тотемический культ козла древнейшей формой этого культа» (Абаев В. И. 1990. С.313). Д. В. Белецкий возражает против данной возможности. Вместе с тем, автор приводит интересное наблюдение о находке в позднекобанском могильнике «Гастон Уота» у с. Лезгор наконечника культового жезла V-IV вв. до н. э., на котором были изображены козлиные головы на «шестах» рядом с человеческими фигурками в позе адорации (Белецкий Д. В. 2004. С. 54-55). Г. А. Лордкипанидзе отмечал, что в древней Колхиде овцы и козы имели своих покровителей – богов, о чем свидетельствует пережиток культа предводительницы коз и овец у абхазов и сванов. В Западной Грузии исследователь зафиксировал в живой речи такое выражение: «Что застыл, как козье божество?» (Лордкипанидзе Г. А. 1970. С. 66).

Если учесть приведенные данные, то показательно нанесение надписи на жинвальском перстне именно вокруг фигуры козла, тогда как все изображение рассматривается как сюжет из круга Диониса, в котором также выступают яркие аграрные

черты, связанные с культом плодородия, изобилия и т. д. Исходя из данных наблюдений, можно предположить, что надпись «Бакур аланский» связана с культом древнего аланского божества и фиксирует его имя или эпитет «Бакур» – иран. «Сын бога» (или обозначение жертвенного животного, чей образ мог ассоциироваться с древним зооморфным образом божества?), который впоследствии, в процессе христианизации алан, был заменен на *Wacilla*. Его определение как «аланский» может тогда отражать и стремление отделения его от тех представлений, которые отмечены в работах Д. В. Белецкого и Г. А. Лордкипанидзе. Нельзя также исключать, что название «Бакур аланский» отражает не столько этническое определение, сколько относится к той религиозной сфере, которая, например, определяла такие названия божеств, как *Airyaman* (*Airyaman*) – «Обладающий духом *ārya*» или *Alan*, почитавшегося в некитайском г. Камул за Турфаном, на который указывает А. Алемани со сноской на Г. Бейли (Алемань А. 2003. С. 29, сн. 10; Bailey H. W. 1970. P. 70). Но заметим, что название последнего божества, культ которого с поклонением огню изветен по документу 886 г., имеет, по Г. Бейли, более древнюю форму *â-lâm* (Bailey H. W. 1981. P. 22).¹³

Следует отметить еще некоторые вопросы. Сам перстень, несомненно, является предметом римского импорта. Мы не можем точно определить путь его непосредственного или опосредственного попадания в Иберию и его местонахождение на момент нанесения надписи. Но мы не можем исключать и того, что надпись была нанесена непосредственно в Иберии, и перстень, по факту находки, более не выходил за его пределы. Поэтому, хотя материалы самого погребения препятствуют отнесению его к аланским памятникам, но сама данная находка может косвенно указывать на наличие представителей аланов в Иберии того времени, о чем могут свидетельствовать отмеченные выше наблюдения специалистов.

А. С. Балахванцев и В. В. Николаишвили полагают, что

находка является свидетельством той важной роли, которую сыграла древняя Иберия в процессе распространения античной культуры на сопредельных территориях, а сама надпись была нанесена непосредственно в Иберии. Но, во-первых, повторимся, что путь попадания перстня в Иберию нам не известен. Во-вторых, учитывая это, следует помнить, что античное влияние на аланов имело и другие мощные центры, например, в Северном Причерноморье, на Европейском и Азиатском Боспоре, где представители ираноязычных сарматов и аланов непосредственно взаимодействовали с самими представителями античной культуры и даже имели официальных переводчиков из своей среды. Они непосредственно включались в самую жизнь античных полисов. В-третьих, ретрансляция древней Иберией античной культуры на сопредельные территории в области письменности представляется в данном случае сомнительной. Жинвальская надпись, как полагают, является образцом собственно аланского письма на основе греческого алфавита, тогда как подобных примеров для иберийского письма того времени нет. Распространять то, что не получило хоть какой-то адаптации, осмысления и применения у себя, достаточно сложно. Аланская надпись из Жинвали намного опережает время появления и собственной письменности в Иберии. В-четвертых, непонятно, о каких сопредельных территориях в данном конкретном случае может идти речь, если надпись, по мнению самих же исследователей, нанесена в самой Иберии и там же найдена?

Кроме того, например, В. Б. Ковалевская, обращаясь к проблеме выявления аланских древностей в Закавказье, отмечала появление данных об отдельных катакомбных погребениях и целых могильниках в Грузии III-IV вв. В данной связи сообщалось и об исследовании 50 катакомб Жинвальского могильника V-VI вв., с материалами которых ее познакомили Р. М. Рамишвили и В. В. Чихладзе, уже готовившая соответствующую научную публикацию (Ковалевская В. Б. 1992. С. 31).

На фоне данной информации появляются вопросы, т. к. и до нее и после выходили небольшие публикации В. В. Чихладзе о 51 катакомбном погребении Жинвальского могильника (распределены по 6 четким рядам и содержат останки 158 погребенных), которые интерпретировались как погребения местного христианизировавшегося населения, а происходящий из них материал датировался IV-V вв. н. э. (Чихладзе В. В. 1990. С. 1-12; 2002. С. 176-178). К сожалению, краткость информации не позволяет судить об обоснованности представленных трактовок, которые сами по себе не могут не вызывать критических замечаний, уже начиная с попытки сыграть на самом определении «катакомба». И сегодня исследователи вполне закономерно ставят вопрос о катакомбах Жинвальского могильника в связи с проблемой появления в Закавказье аланского этнического элемента (Кузнецов В. А. 2013. С. 9). Вместе с тем, жинвальские катакомбы, например, сопоставлялись с отдельными катакомбами (среди погребенных в них отмечается обряд искусственной деформации черепа) могильников в окрестностях Тхотской горы, которые предлагалось связать с проникновением небольшой группы аланского населения, ассимилировавшегося в местном обществе (Мирианашвили Н. Г. 1983. С. 104, 111).

Трудно понять, и почему у С. М. Перевалова работа В. Б. Ковалевской фигурирует среди работ, в которых присутствие аланского элемента в Закавказье на основе археологических данных фиксируется только с VI в. (Перевалов С. М. 2003. С. 52). Кроме того, С. М. Перевалов там же пытался уточнить и датировку северокавказских аланских памятников. Но его уточнения основывались на вырванных из общего контекста или своеобразно интерпретированных наблюдениях М. П. Абрамовой и Т. А. Габуева, чьи работы не давали никакого повода для подобных уточнений, кроме, видимо, желания продемонстрировать особую важность жинвальской надписи в историческом контексте.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги исследованию, следует констатировать, что проблема закавказских походов 35, 72 и 135 гг. не позволяет связать ее с историей аланов Центрального Предкавказья. Для похода 35 г. вообще нет надежных оснований считать его исполнителями аланов, а не сарматов. Наиболее обоснованным для участников походов 72 и 135 гг. представляется решение об их осуществлении аланами, обитавшими в районе Дона и Приазовья. Представляется, что поиск информации об аланах Центрального Предкавказья должен быть связан с иной группой источников.

В европейских источниках (Suet. Nero. 19, 2, Tac. Hist. I, 6, Dio Cass. LXVIII, 8, 1, Plin. NH. VI, 30, 40) упоминалось о подготовке императором Нероном несостоявшегося похода к Каспийским воротам против албанов. Плиний уточнял, что угроза Нерона относилась к Каспийским воротам, ведущим из Иберии в земли сарматов, т. е. к Дарьялу. Данные сведения послужили поводом для некоторых исследователей выдвинуть гипотезу о предполагавшемся походе против аланов, что логично ставило вопрос о появлении к тому времени аланов в Центральном Предкавказье. Решить проблему на данном основании сложно, тем более, что Плиний, видимо, исходил в своей трактовке из убеждения в отсутствии прохода возле Дербента. Поэтому более вероятна подготовка похода именно против албанов в район Дербентского прохода, где впоследствии при Домициане появится римская крепость. Но сегодня некоторые исследователи не исключают, что Нерон планировал свое выступление вообще не на кавказском направлении.

Более надежные сведения сохранились об аланах, чей

центр располагался на Нижнем Дону. Им, как полагают, могли принадлежать городища на Нижнем Дону, в Приазовье и на Кубани. Именно с данными аланами и связываются сведения о походах 72 и 135 гг., что поддерживается известными археологическими свидетельствами. Согласно элгии Плавтия Сильвана Элиана, в 62 г. римляне столкнулись на Дунае, в том числе, с «ранее неизвестными... царями». Как полагают некоторые исследователи, «ранее неизвестные цари» и были аланами. О набегах аланов за Дунай на римские провинции в 62-64 гг. писали Сенека и Лукан (Sen. Thy. 629-630; Luc. Bell. Civ. II, 45-55). Лукан называл их массагетами, что, по мнению ученых, является общим указанием на азиатское происхождение аланов. Полагать путаницу аланов с албанами у Лукана или считать его сведения указанием на обитание аланов непосредственно у кавказских проходов нет весомых оснований.

Находки трофейных щитов, захваченных на Дунае, в памятниках Нижнего Дона рубежа I-II вв. трактуют как свидетельство о набегах за Дунай именно нижнедонских аланов. Видимо, эти аланы играли важную роль и в отношениях с соседним Боспорским государством. Согласно надписи из Керчи, в связи с походом боспорской армии против тавров и скифов отмечается отправка варварскими правителями посольства к царям аланов для заключения союза. Исследователи датируют надпись концом I-началом II вв., вероятнее, концом правления императора Домициана (81-96 гг.).

Сведения об аланах после похода 135 г. появляются во время правления римского императора Антония Пия (138-161 гг.). Как сообщают источники (Capit. Ant. Pius V, 5), император «приходивших в движение аланов не раз сдерживал». При Марке Аврелии (161-180 гг.) аланы упоминаются среди народов (Capit. Marc. XXII, 1-2), принявших участие в I Маркоманнской войне (167-175 гг.). С этими событиями исследователи связывают появление «алано-маскутских» погребений в Приорелье. В «терско-дагестанском» по обряду погребении

№ 8 кургана № 6 в Ростове-на-Дону обнаружен набор италийских бронз конца II в., что позволило предполагать участие погребенного в этой войне. На Центральном Кавказе фиксируют кельто-германский обычай класть в погребения ножницы. Таким образом, появляются основания полагать участие северокавказских аланов в войнах на далеком от них европейском направлении. В середине II в. некие «тавроскифы», за которыми могли скрываться носители позднесарматской культуры, воюют с Ольвией в Северо-Западном Причерноморье. В результате гибнет ольвийская система обороны.

По сообщению Мовсеса Хоренаци, основанном на труде сирийца Бардацана (155-222 гг.), в Армению происходит очередное вторжение северных народов (Мовсес Хоренаци. «История Армении». II, 65; Степанос Таронеци (Асогик). «Всеобщая история». I. V). Вторгавшиеся «хазары» и «басилы», ведомые царем Внасепом Сурхапом (перс. Wināsp и перс. «красная вода», «рубин») прошли через Дербентский проход и столкнулись с армией армянского царя Вагарша II. Они были разбиты, но в схватке с ними погиб сам царь. По хронологии Мовсеса Хоренаци, вторжение произошло в 200 или 215 гг. Если ориентироваться на время жизни Вагарша II, то события произошли в 198 г.

Исследователи полагают, что под «хазарами» и «басилами» могли скрываться маскуты и аланская группировка, располагавшаяся в Нижнем Поволжье, в Калмыцких степях (аланы карты Равеннского анонима и Михаила Сирийца). Следует обратить внимание и на свидетельство Вахушти об области Басиан, принадлежавшей овским царям, и о знатной овской фамилии Басиани, фигурирующей в преданиях осетин-дигорцев и балкарцев. В Нартовском эпосе кабардинцев упоминаются степи на Средней Кубани под названием «Барсово поле». После гибели армянского царя его сын-наследник Хосров II совершает ответный поход в 216 г. Он разоряет земли убийц отца и берет у них заложников (Мовсес Хоренаци. «История Армении». II, 65).

В 224 г. последний персидский правитель из рода Аршакидов Артабан V был свергнут основателем новой династии Сасанидов Арташиром I Пабаганом. Чтобы отомстить ему за свержение родственников, армянский правитель Трдат II или Хосров I (216-252 гг. или 222-238 гг.) обращается к помощи северокавказских народов. Сведения об этом нам известны из «Истории армян» V в., автором которой считается Агатангехос (Агафангел). Данное произведение известно в греческой, древнесирийской и арабской версиях. С именем Агатангехоса в армянской историографии связана и путаница аланов и албанов.

В течение 225-235/236 гг. центральнопредкавказские аланы могли участвовать в войнах армянского царя против Сасанидского правителя Арташира I Пабагана (Агатангехос. «История Армении». 18-21, 23; Мовсес Хоренаци. «История Армении». II, 65; Уахтанес. «История Армении». 50; «Картлис Цховреба»). Упомянутые в источниках агваны могут считаться и албанами, хотя обычно албаны фигурируют среди закавказских народов. Поэтому, вполне возможно, что здесь подразумеваются аланы. Именно они могли идти вместе с иберами, открывшими Аланские ворота. Проходить через Дербентский проход могли гунны, что соответствует и построению предложения в труде Агатангехоса. Некоторые исследователи, справедливо отмечая анахронизм в лице упоминающихся гуннов, полагают, что за ними и скрываются аланы, видимо, связывая их именно с Аланскими воротами. Но в данном случае могло сказаться последующее появление гуннов на территории юго-западного Прикаспия.

По Мовсесу Хоренаци, Хосров дважды посылал за помощью к себе на родину, в страну кушан. Однако те отказались помогать ему в возвращении к власти их общих родственников. Поэтому Хосров без их помощи 10 лет опустошал земли Персии. Конечно, указание на семейно-родственные связи Аршакидов и Кушан весьма сомнительны. Но обе правящие династии были выходцами из мира ираноязычных кочевников

Азии (даи-парны и юэчжи-тохары), что могло делать их в глазах окружающих очень близкими друг другу. По логике данного обращения, последующий призыв мог относиться именно к аланам, у которых, как и в Иберии, также могли править представители азиатских династий. Но нельзя не заметить, что Мовсес Хоренаци (как и Фавстоз Бузанд) не знает союзников аланов и грузин в борьбе армян с Персией.

Несомненно, Агатангехос ошибается, полагая, что армянский правитель мог открыть Аланские ворота. Их открыть мог только иберийский царь, что и объясняет совместное упоминание агван и иберов у Агатангехоса. Данное обстоятельство вполне логично находит свое разрешение в сообщении «Картлис Цховреба». Данное сообщение повторяется и в армянской версии «Картлис Цховреба». Но следует заметить, что в данных произведениях речь идет о персидском правителе Касре или Касре-Ширване, который был потомком Арташира I, т. е. о Шапуре I (241-272 гг.). Следовательно, в грузинской традиции приход к власти новой персидской династии и противостояние ей кавказских народов рассматривается как единое событие, и, соответственно, увязывается с периодом жизни одного персидского царя. Вполне вероятно, что такая трактовка определялась историей покорения Сасанидами Армении и уничтожения ею власти Аршакидов в Иберии. Кроме того, на самом деле, большая часть Армении была захвачена самим Арташиром I. В 244 г. при Шапуре I по результатам войны Персии с Римом Армения полностью переходит под власть Сасанидов. Эта дата и служит ориентиром для дальнейших описываемых событий.

Видимо, в 260-х гг. картлийский царь Аспагур пытался найти помощь в борьбе с Персией у аланов, для чего сам прибыл в их страну, где и скончался («Картлис Цховреба»). Исследователи отмечали, что обращение Аспагура к овсам свидетельствует о прекращении помощи аланов закавказским государствам, боровшимся с Персией. Поражение же последних

может рассматриваться как указание на значительную силу аланов и их значимую роль в борьбе с персами, после прекращения которой и следует поражение Армении и Картли. Леонтий Мровели рассказывает, что тогда картлийцы предоставили персам сведения о своей стране, а также о своих северных соседях хазарах и овсах. Несомненно, речь шла об аланах Центрального Предкавказья.

В армянской версии «Картлис Цховреба» («История Картли» – «Патмутюн Врац») одновременно в данном случае называются осетины и аланы. Таким образом, армянская версия подтверждает тот факт, что грузинские и армянские источники один и тот же народ называли овсами и аланами, следуя собственным традициям. При сопоставлении данных эти традиции могли не приводить к идентификации народа. Получение сведений о месте обитания аланов в ходе закавказских войн того периода подтверждаются надписью Шапура I в Кааба-и Зардушт примерно 262 г. и надписью верховного жреца Картира (между 276 и 282 гг.), упоминающих Аланские ворота. В то же время надпись Шапура I указывает на время подчинения закавказских государств Персии и может определять его для биографии Аспагура.

Вскоре аланы выступают против картлийцев. Они идут по Двалетской дороге на Мцхета и останавливаются на р. Лиахви. Поход закончился неудачно. Амазасп лично убил в поединках многих овсов, в том числе и некоего Хуанхуа («Горец»). Затем он разгромил все войско овсов, а на следующий год совершил успешный поход в саму Овсети. Впоследствии овсы были привлечены на свою сторону восставшими картлийскими эриставами и совместно с ними разгромили Амазаспа («Картлис Цховреба»). О вторжении аланов в Картли рассказывается и в «Патмутюн Врац», в которой уточняется, что у аланов было 16 000 всадников и 20 000 пеших воинов.

Исследователи, обращаясь к данному эпизоду из труда Леонтия Мровели, обычно отмечают, что впервые за многие

столетия взаимоотношений овсы и картлийцы из союзников превращаются во врагов. Однако такое замечание выглядит весьма условным. Во-первых, прежние притяжения северных кочевников закавказскими правителями диктовались не союзническими интересами. Каждая из сторон преследовала свои цели, действуя самостоятельно. Во-вторых, эти взаимоотношения касались и различных северных объединений. Что касается событий, разворачивавшихся около середины III в., то в них участвовали аланы Центрального Предкавказья, чье объединение было новым образованием. Соответственно, у него должны были складываться и собственные интересы во взаимоотношениях с окружающими народами и государствами. Кроме того, события в отношениях Картли с аланами совпадают с периодом мощной экспансии центральнопредкавказских аланов и в северном направлении. Поэтому, вероятно, в сведениях закавказских источников мы обнаруживаем дополнительную информацию о процессе становления предкавказской Алании как нового лидера в регионе.

Долгое время после I Маркоманнской войны нет сведений о действиях аланов на европейском направлении. Только для времени правления римского императора Аврелиана (270-275 гг.) узнаем, что аланы участвовали в «скифских войнах» (Vor. Augel. XXXIII, 4). С данными событиями исследователи связывают появление под г. Кисловодск лунниц киевского типа и сходство сосудов с крышками из катакомб в Алхасте и на территории Северной Осетии с погребальными урнами провинциально-римских культур, а также находки здесь украшений в стиле «Кишпек-Закшув», двухчленных лучковых и дупластинчатых фибул, черняховских гребней и кубков.

Важное значение имели отношения с аланами для Боспора, о чем свидетельствует, например, надпись из Гермонассы 208 г., указывающая на наличие целой коллегии аланских переводчиков во главе с Хераком. Полагают, что наместниками Европейского и Азиатского Боспора были аланы Ульпий Пар-

фенокл и Ульпий Антимах, сыновья Маста. Видимо, представители аланов играли заметную роль в данном государстве, о чем свидетельствуют различные археологические материалы. Общий фон таких отношений позволил Лукиану Самосатскому составить одну из своих новелл, в которой женой боспорского царя выступает аланка Мастира, а аланы из своей страны активно выступают на стороне боспорцев (Лус. Тох. 51-55). В 234/235-239/240 гг. на боспорском престоле появляется второй соправитель по имени Ининфимей, которого считают представителем иной ветви династии или узурпатором из среды аланов, открывшим череду новых правителей. В первой четверти III в. аланы сокрушили Малую Скифию в Крыму, которая вошла в состав Боспорского государства.

В 260 г. Шапур I из рода Сасанидов, свергнувших династию Аршакидов, после победы над римским императором Валерианом обратился с письмом к известным ему правителям. Но иберы, албаны, бактрийцы и некие «тавроскифы» (Capit. Duo Valer. 7), за которыми могли скрываться боспорские династы (вспомним и о «тавроскифах», за век до этого разгромивших Ольвию), отказались его принять и обратились к Риму с предложением о создании союза в борьбе с Сасанидами. Армянский царь вынужден был, опасаясь угрозы со стороны персов, принять письмо и ответить на него, но с явным неодобрением действий Шапура I. По грузинским и армянским источникам, представители Аршакидов правили в Парфии, Кушании, Армении, Иберии, Албании и у маскутов. Поэтому негативная реакция на письмо Шапура I могла отражать нежелание правителей смириться с отстранением от власти их сородичей. Возможно, поэтому северокавказские аланы и участвовали вместе с армянами в упомянутых войнах с персами 225-235/236 гг., а в 260-х гг. картлийский царь Аспагур искал именно у них помощи против персов.

К этому времени фиксируется не только заметное влияние центральнопредкавказских центров керамического производ-

ства на северные от них территории, но и мощная военная экспансия центральнопредкавказских аланов. Она, в частности, выразилась в появлении их памятников на территориях современных Дагестана, Ставрополя, Нижнего Дона, Калмыкии, а также вплоть до левобережья р. Днепр. Некоторые исследователи полагают проникновение представителей центральнопредкавказских аланов и в Крым. В 235 г. нападению подвергается Фанагория. С 236 г. начинают восстанавливаться укрепления Танаиса. Видимо, аланы тогда прорываются и в Западную Европу, убив в битве на Филлиповых полях римского императора Гордиана III (Capit. Gord. XXXIV, 3, 4). В 239 г. разгрому подвергаются Горгиппия и Раевское городище. Для данного периода отмечают появление кладов монет на территории Боспора и на Средней Кубани. В середине III в. аланы из Центрального Предкавказья громят Танаис, сжигаются укрепленные поселения меотов на Кубани. Окрестности Горгиппии и Танаиса выходят из-под контроля Боспора.

Упомянутое обращение за помощью к аланами Аспагура, вынужденного лично приехать к ним, может свидетельствовать о том, что аланы, до этого активно участвовавшие в закавказских событиях, теперь вышли из них и не проявляли заметной заинтересованности по поводу складывавшейся на юге от них ситуации. В это время интересы аланов могли быть переключены на другое направление. Этим направлением могло быть начало их экспансии на север, приведшей к установлению контроля на обширных территориях в северокавказском регионе. После успешного установления своего господства на севере, ознаменовавшем окончательное сложение мощного аланского объединения, обладавшего значительным экономическим и военным потенциалом, центральнопредкавказские аланы возвращаются и на южное направление, видимо, стремясь как расширить границы своего влияния, так и заявить о своем могуществе и получить новое направление военной активности, сулящее богатую добычу. Не исключено, что ука-

зание Аммиана Марцеллина о походах аланов до Меотического моря и Боспора Киммерийского, с одной стороны, и до Армении и Мидии (Amm. Marc. Res Ges. XXXI, 2, 21), с другой стороны, основывалось не только на сведениях о событиях I-II вв., но даже в большей степени III-IV вв.

Сопоставление сведений Константина Багрянородного (Const. Porph. De adm. imp. LIII, 244-251) и сасанидской надписи из Пайкули позволило установить, что в 291 г. боспорский царь Фофорс, которого считают представителем аланской знати, вторгся в Лазику и Малую Азию. Одновременно его сын Вахнам совместно с маскутами вторгся в Армению. За данными событиями может стоять укрепление связей северокавказских аланов с Боспорским государством. Не исключено, что морские походы варваров при посредничестве боспорских правителей в 254, 258 и 275 гг. (Zos. I, 31-33, Vor. Tac. XIII) стояли в этом же ряду.

Воцарившийся на троне Картли сын персидского царя Мирван III (284-361 гг.) стремился жестко противодействовать натиску северокавказских племен, ведя войны с «хазарами». В 293 г., когда Мирван III находился в Персии, происходит новое, успешное нападение овсов на Картли во главе с их царями Перошем и Кавтия. Однако Мирван III обогнул Овсети, вторгся и опустошил ее, достигнул «Хазарети», и Двалетским путем вернулся. Спустя несколько лет «хазары», как обычно, вторглись в Дарубанди («Картлис Цховреба»). Свидетельства «Картлис Цховреба» указывают на постоянные военные рейды ираноязычных кочевников в Закавказье в конце III-начале IV вв.

Показательно, что Мирван III, как до него Амазасп, не использует для своего вторжения Дарьяльский проход, а идет на Северный Кавказа по более западным горным переходам. Видимо, насколько персы с юга контролировали Дарьяльский проход, настолько его контролировали с севера аланы. Направление похода Мирвана III в сторону «Хазарети», т. е. к северо-западной части каспийского побережья, должно было бо-

лее затрагивать северо-западную часть Предкавказья. Исследователи обратили внимание на то, что, если имя одного из овеских царей Перош объяснимо из иранского языка («Победоносный»), то имя второго Кавтия сопоставимо с названием племени кавтадов, обитавших в районе Кубани (Plin. NH. VI, 21). Поэтому можно полагать, что в действиях на закавказском направлении принимали участие и аланы Северо-Западного Предкавказья.

Большие споры среди исследователей вызывает история христианской проповеди у аланов в начале IV в. Согласно сведениям Агатангехоса, Григорий Просветитель проповедовал, в том числе у пределов маскутов и до Аланских ворот (Агатангехос. «История армян». 842). Мовсес Хоренаци отмечал проповедь св. Нины вдоль Аланских и Каспийских ворот, вплоть до пределов маскутов (Мовсес Хоренаци. «История Армении». II, 86). Указание на попытку проповеди у Аланских ворот могло бы рассматриваться как знакомство аланов Центрального Предкавказья с новой религией. Но нет особых оснований признавать какие-либо успехи такой проповеди. В более просторной и современной Мовсесу Хоренаци истории распространения христианства в Грузии «Мокцевай Картлисай» вообще нет никаких сведений о проповеди хотя бы вблизи овсов.

Особые проблемы возникают с данными арабской версии «Истории армян» Агатангехоса. В ней речь, несомненно, идет об аланах. Армянский царь Трдат III призывает в письмах кавказских правителей принять христианство. На его зов приходят цари абхазов, грузин и аланов. Впоследствии к аланам отправляются священники и епископы. Однако исследователи указывают, что арабский перевод был сделан в VIII-IX вв. с греческого «Жития Григория», и упоминаемые в нем аланы соответствуют жителям Албании. Отмечается, что на Евфрате крестились цари Армении, Иверии, Лазики и Албании, а епископ Фома был послан именно в Албанию, а не в Алалию.

Действительно, арабская версия вызывает некоторые вопросы. Но они не могут просто сниматься ссылками на грече-

ский текст. Следует отметить, что крещение произошло в 301 г., а проповедь в Албании епископ Фома начал в 315 г. В перечислении народов и правителей, находившихся под опекой св. Григория, аланы объединяются с иберами, лазами и абхазами. Епископы посылались кроме Армении и Иверии к аланам и в страну Д-р-з-к-й-т (дурдзуки Центрального Кавказа), т. е. этническое окружение более свидетельствует в пользу аланов.¹⁴

В 316 г. по подстрекательству персидского царя Шапура II Долголетнего происходит новое вторжение в Армению 58 000 армии базилов во главе с их царем Гедреоном, называемым «царем севера», и представителями высшей аристократии (Мовсеса Хоренаци. «История Армении. II, 84-85; Мовсес Каганкатваци. «История агван». XII; Иоанн Мамиконян. «История Тарона»). Гедреон требовал выплатить ему дань за 15 лет. Но армянский царь Трдат III Великий громит врага, лично убивает их царя и, преследуя до страны гуннов, берет заложников. Затем, уже присоединив к себе северные народы, он сам вторгается в Персию.

Среди привлеченных армянским царем для войны с Персией северян могли быть и аланы. В данном случае показательно упоминание Мовсесом Хоренаци о браке, заключенном в том же 316 г. между Трдатом III и Ашхен, дочерью Ашхадара (Мовсес Хоренаци. «История Армении». II, 83), которого некоторые исследователи считают аланским правителем. В 330-х гг. аланы Аравелиане породнились «с неким храбрым воителем, пришедшим из (страны) базилов» (Мовсес Хоренаци. «История Армении». II, 58).

В 335-336 гг. епископ Албании и Иверии Григорий, внук св. Григория Просветителя, пытался обратить в христианство маскутов. Их ставка находилась в Муганской степи, южнее современного г. Дербент. Но он был казнен ими (Фавстос Бузанд. «История Армении». III; Мовсес Хоренаци. «История Армении». III, 3, «Житие и мученичество сыновей и внуков св. Григория, блаженных патриархов Аристакееса, Вртанеса, Иу-

сика, Григориса», Товма Арпруни. «История дома Арцруни». III, Иованнес Драсханакертци. «История Армении». X, Киракос Гандзакечи. «История Армении». I, Мовсес Каганкатваци. «История агван». XIII).

В 336-337 гг. правитель маскутов Санесан с 20 000 воинов из подчиненных ему народов совершил вторжение в Армению (Фавстоз Бузанд. «История Армении». III, 7; Мовсес Хоренаци. «История Армении». III, 3, 9; Мовсес Каганкатваци. «История агван». XII-XIII). Перечень данных народов подразумевает, что под властью маскутов тогда находились горные племена Центрального и Восточного Предкавказья, а также Закавказья. Южная граница владений маскутов выходила к низовьям Куры, т. е. царство маскутов расширилось за счет захвата части территории Албании.

Санесан устраивал смотр своим войскам, а также велел каждому воину принести по камню и бросить его в общую кучу, чтобы посчитать количество войска. Такой метод подсчета, как отмечалось исследователями, более всего напоминает позднейший монгольский «обо». Среди непосредственного окружения Санесана, кроме маскутов, указываются аланы. Это может свидетельствовать не только о привлечении центральнопредкавказских аланов как союзников, но и о том, что именно аланы и маскуты являлись боевым ядром армии Санесана. Интересно, что упоминание в составе вторгавшихся аланов в конце повествования несколько неожиданно, т. к. в самом начале похода они не указываются. Вполне вероятно, что это обусловлено перечислением в начале племен подвластных маскутам Прикаспия. Поэтому аланы могут оказаться выходцами из Центрального Предкавказья, которые в роли союзников объединились с родственными им маскутами. Показательно, что армяне на последней стадии войны вступают в ожесточенное сражение с непосредственным окружением Санесана, среди которого называют только аланов, маскутов и гуннов. «Гунны», как явный анахронизм, могли олицетворять кочевников в целом.

Как обычно, армянские источники повествуют о сокрушительном поражении северян, хотя отмечают нерешительность своего правителя Хосрова II Котака (330-338 гг.), сына Трдата III и Ашхен. Но они же свидетельствуют о том, что еще 4 года (338-341 гг.) после ухода из Армении враги продолжали с территории Албании теснить армян при их новом царе Тиране (338-350 гг.). Указание на близкое родство армянского царя и Санесана, по мнению некоторых исследователей, подтверждает тот факт, что жена Трдата III Ашхен была именно маскуткой и сестрой Санесана. Однако мы можем иметь дело с констатацией факта родства армянских и маскутских правителей, как представителей рода Аршакидов.

При преемнике Тирана Аршаке II (350-368 гг.), видимо, велась продолжительная армяно-персидская война. В нее были втянуты и северокавказские народы. При вторжении в Мидию Антропатену армянский полководец Васак Мамиконян призвал в свои войска и центральнопредкавказских аланов (Фавстос Бузанд. «История Армении». IX, 25; Лазар Парпеци. «История Армении». II, 45). В 368 г. армяне проиграли войну персам, и Шапур II завоевал Армению. В 371 г. аланы и маскуты участвуют во вторжении албанского правителя Урнаира, подстрекаемого Шапуром II, в Армению, в которой правил Пап (368-374 гг.), преемник Аршака II. Вторжение окончилось сокрушительным поражением в Дзиравакской битве («История армянского патриарха святого Нерсеса Партева»; Мовсес Хоренаци. «История Армении». III, 37, Фавстос Бузанд. «История Армении». V, 4, Мовсес Каганкатвази. «История агван». I, VIII, XIII).

К тому времени на самом Северном Кавказе могла складываться новая политическая ситуация. Исследователи обратили внимание на следующие сообщения европейских источников. В 362 г. к римскому императору Юлиану прибыли послы с Боспора и от его юго-восточных соседей с просьбой о срочной военной помощи на условии выплаты ежегодной дани (Amm.

Marc. Res Ges. XXII, 7, 10). В следующем 363 г., по сообщению Иовина, кавказским перевалам угрожали неизвестные ни римлянам, ни персам варвары. Возможно, указанные события были связаны с появлением гуннов.

В армянских источниках гунны (хоны) неоднократно упоминаются в происходивших с III в. событиях. Обычно их упоминание считается анахронизмом и объясняется использованием данного названия для обозначения кочевников в целом. Предлагалось видеть в них и неких горцев-автохтонов. Однако, например, надпись из Пайкули 293 г. упоминает какого-то тюркского хакана на Кавказе. Исследователи не исключают, что речь могла идти о хионитах, или о «белых гуннах», тем более, что в сирийском «Житии Петра Ивера» упоминались соседние иберам «белые гунны». Этническая принадлежность хионитов, или белых гуннов, точно не определена. Но обычно в них видят представителей азиатских ираноязычных народов, которые постепенно тюркизировались.

Впервые в Европе хунны упоминаются еще Птолемеем (Ptol. III, 5-11) среди северопричерноморских народов, между бастарнами и роксоланами. Их упоминает и Маркиан Гераклейский (Marcian. II, 39). Некоторые исследователи ставят под сомнение сообщение Птолемея, считая его ошибкой автора или переписчиков. Но уннов на севере Прикаспия упоминал и Дионисий Периегет (Dion. Perieg. 718-732; Eustath. ad Dionys. Perieg. 730). Именно они затем могли помогать остготам против аланов (Amm. Marc. Res Ges. XXXI, 3, 3), заключивших союз с победителями гуннами. Кроме того, к востоку от Дона, в Азиатской Сарматии, Птолемей упоминал и хенидов, в названии которых также усматривают искаженное название хуннов.

Некоторые исследователи полагали, что в 371-372 гг. пришедшие на Северный Кавказ гунны разгромили маскутов, а затем обрушились на аланов-танаитов Нижнего Дона. Другие исследователи посчитали, что гунны были изнурены боями с аланами Северного Кавказа и пошли на союз с аланами-та-

наитами и Боспором. Однако у нас нет ни одного исторического факта, который бы мог подтвердить подобное развитие событий. Письменные источники рассказывают нам только о продолжительном противостоянии гуннов с аланами-танаитами, которое закончилось около 375 г. жестоким поражением и избиением последних (Amm. Marc. Res Ges. XXXI, 3, 1-3, Jord. Get. 126). Между победителями и побежденными был заключен союз, и началось уже совместное наступление далее на запад против остготов. Показательно, что только аланы упоминаются в противостоянии с остготским правителем Витимиром, что может отражать обычное положение народа, который подчинился кочевническому объединению, использующему его в качестве военного авангарда.

Гунны, открывшие эпоху «Великого Переселения народов», положили конец истории аланского объединения Нижнего Дона. Не исключено, что и часть северокавказских аланов вместе с гуннами воевала в Западной Европе (Pocat. 32, 3-4, Sidon. Carm. II, 351, V, 470-479, Epis. IV, 1, 4). Гунны, видимо, становятся новыми хозяевами северокавказских степей, окончательно открыв Северный Кавказ для тюркоязычных народов. Но, по всей видимости, приход гуннов не имел таких катастрофических последствий для маскутов и аланов Центрального Предкавказья, как для их сородичей на Нижнем Дону. Аланы и маскуты и впредь фиксируются источниками в местах их обычного проживания и в последующих военно-политических событиях на Кавказе. Об этом же свидетельствуют и археологические памятники.

Определенному умиротворению гуннов в северокавказском регионе к концу IV в., как полагают исследователи, могли послужить известные события в Закавказье. В 369 г. Картли была разделена между Римом и Сасанидским Ираном. В 377 г. был достигнут договор о подобном разделении Армении. Но вскоре персы направили свои войска для наложения дани на армян и грузин. Армяне пытались заключить союз с картлий-

ским правителем Вараз-Бакуром II, предлагая вызвать через Дарьял овсов и леков. Но союз не состоялся. Персы опустошили Армению и вступили в Картли. Наконец, в 385 или 387 г. Рим и Иран разделили Армению. В результате происходит объединение римлян и персов, что позволило персам успешно отбить в 397 г. нападение гуннов, или «белых гуннов», которое было спровоцировано иберийским правителем Фарасманом IV. В 398 г. был заключен мир. Гунны отошли на Кавказ и некоторое время не проявляли в этом направлении своей военной активности.

С учетом приведенных выше материалов, можно прийти к заключению, что сведения об аланах Центрального Предкавказья долгое время отсутствовали в европейских источниках. Данное положение могло быть обусловлено отдаленностью данных территорий от мест непосредственного присутствия представителей Рима. Центральное Предкавказье оставалось для них во многом *terra incognita*. Поэтому первые достоверные сведения об аланах региона были зафиксированы иными источниками. Они появляются в связи с событиями, приведшими к подчинению Персии закавказских государств, что нашло отражение в сообщении «Картлис Цховреба» о предоставлении картлийцами персам сведений о своих северных соседях овсах. Получение сведений о месте обитания аланов в ходе закавказских войн того периода подтверждаются надписью Шапура I в Кааба-и Зардушт ~262 г. и надписью верховного жреца Картира (между 276 и 282 гг.), упоминающих Аланские ворота. Ценность персидских источников заключается в том, что они фиксируют современное им положение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее о приводимых во «Ведении» и «Заключении» предлагаемого исследования материалах смотри: Туаллагов А. А. 2007а, 2007б; 2009а, 2012.

² Интересно, что в неопубликованной работе С. С. Куссаевой «Склеповые сооружения Северной Осетии и их связь со средневековой аланской и позднейшей осетинской культурами» был поставлен вопрос о генезисе средневековых осетинских склепов, полагающий преемственность между аланскими катакомбами, средневековыми осетинскими склепами и современными осетинскими погребениями *kængæ ingæn*. Сопоставление аланских катакомб с осетинскими *kængæ ingæn* («сделанная могила») было независимо произведено уже и в наше время (Кузнецов В. А. 1999. С. 173).

³ А. Алемани обратил внимание на то, что упоминание в письме аорского царя Эвнона «царей великих народов» (Тас. Ann. XII, 18, 1-19) явно относится к самому Эвнону, что напоминает о «великих царях Аорсии» надписи из Мангуа (Алемань А. 2003. С. 60-61). Гипотетически данное наблюдение можно сопоставить со сведениями упоминавшейся надписи из Керчи о царях аланов, о одновременно правивших у аланов царях Базуке и Анбазуке, Пероше и Кавтии («Картлис Цховреба») или о двух царях у аланов в Испании (Алемань А. 2003. С. 175). С позиций С. М. Перевалова это будет сделать очень легко, т. к. он постоянно отождествляет аланов и аорсов. Но само такое отождествление представляет весьма спорным, а приведенные сведения о двух царях у языгов прямо препятствуют такому «узкому» сопоставлению.

⁴ Некоторыми зарубежными исследователями было предложено датировать аланское вторжение 136 г., что «склонен принять» С. М. Перевалов (Перевалов С. М. 2006а. С. 321-322; 2010. С. 317-318), хотя некоторые отечественные исследователи решили, что «136 г. как альтернативную дату вторжения

алан в римские владения предлагает С. М. Перевалов» (Дмитриев В. А. 2012. С. 510, сн. 2).

⁵ С. М. Перевалов, к сожалению, не уточнял происхождение данного названия, выставляя его перед сноской на Птолемея. На самом деле, данное название взято из сообщения армянской «Ашхарацуйц» Анания Ширакаци (VII в.).

⁶ С. М. Перевалов утверждает, что воздерживается от такого отождествления и лишь приводит мнения других ученых. Но дело в том, что С. М. Перевалов постоянно компенсирует отсутствие доказательств для такого отождествления краткими рассуждениями и утверждениями в других своих публикациях. В одной из них, дав сноску на работу Э. Уилера, он заявляет: «Остается не до конца разгаданной надпись Юлия Мансвета... Если Кавказ, то причем тут приток Дуная Алута? Возможность прочтения «Алуты» как птолемеевой Алонты (Терек) остается, но только как один из вариантов» (Перевалов С. М. 2007а. С. 10). В другой работе он сетует на то, «... что из 10-ти известных ему надписей I-III вв. с аланским этнонимом (включая спорные чтения), отечественные историки используют не более 3-х» (Перевалов С. М. 2008а. С. 110). В конечном итоге, он заявляет, что «... далекая «гора Кавказ» в гораздо большей степени достойна упоминания в надписи за одно только пребывание там, нежели гораздо более доступная и близкая область трансильванских Карпат по течению р. Алуты» (Перевалов С. М. 2011а. С. 18).

Приводимые отождествления Алута и Алонт сопряжены с идеей, что название последней связано с названием исторических аланов. Собственно, С. М. Перевалов и разделял изначально такой подход, т. к. включал его в свою работу под недвусмысленным названием «Аланы в надписях I-III вв.», а также одновременно указывая на него в хронологически параллельной работе, где укорял Т. А. Габуева в неиспользовании им эпиграфических памятников, упоминающих аланов. Изначально никаких данных о существующем ином решении происхождения названия Алонт С. М. Перевалов не приводил.

⁷ Г. Шрамм также высказал мнение, что название Танаиса является древним индоевропейским («киммерийским») наследием. В первую очередь, данное суждение опирается, якобы, на умолчании иранистами невозможности перехода начального $d \rightarrow t$. Замечание представляется достаточно спорным. Например, В. И. Абаев отмечал наличие такой субституции (Абаев В. И. 1979. С. 286, 287). Возможно, следует привести и другие примеры из «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» В. И. Абаева: осет. *tarvaz/tærvazæ* ← перс. *darvās*, осет. *tærqus/tærqos* ← осет. *darġqus*, осет. *tiw/tew* ← индоевр. **daiwer*, осет. *dæddun/tætun* ← индоевр. *do-*, *da-*, осет. *twal* ← dual, осет. *tyrysa/turusa* ← груз. *droša* ← перс. *dirafš*, осет. *tæxsyn/tæxsun* ← иран. **daxš* (← **dags*).

Не так давно оформилось и еще одно направление в поисках исходных этимологий для названия Танаиса (Дона). Представители современных тюркоязычных народов, помятуя о давних непризнанных в науке попытках объявить скифов тюркоязычными, вновь стараются их возродить. Для Танаиса подбирается, например, тюрк. *тын*, *тыныс*, *тынч* – «тихий», «спокойный», которое, якобы, впоследствии могло восприниматься просто как «вода». Предлагается и тюрк. *ыдан* – «тропинка», «путь», «межа», которое, якобы, могло означать и «река». Для уяснения первой этимологии обращаются к русскому... «Тихий Дон». Объявляется уже установленным существование древнетюрк. *тан* – «вода», «река». Авторы свободно используют и форму «дон» в том же значении (Закиев М. З. 1986. С. 27-30; Хабичев М. А. 1982. С. 37-38, 40; Лайпанов К. Т., Мизиев И. М. 1993. С. 77, 80-81, 86). Позднее еще один из исследователей выразил желание «предложить свой вариант этимологии гидронима Танаис», в котором мы обнаруживаем уже известные тюрк. *тыныс*, *тыныш*, *тынч*, *тын*, подтверждаемые... «Тихим Доном» М. А. Шолохова (Исмагил Р. 2002. С. 181).

Каковы же аргументы указанных авторов? М. А. Хабичев, отметив различные варианты общетюркского *сай* – «река»,

выделил его татарский вариант тай и, приведя примеры перехода конечного н→й, заявил об устойчивом включении тан – «река», «вода» в состав чередующихся корней тюркских и урало-алтайских языков. Во-первых, никто и никогда не фиксировал подобной формы в тюркских языках. Во-вторых, татарский вариант тай является производным от чай, т. е. не является ни основной формой, ни первоначальной. В-третьих, автора в данном случае не смутило то, что он просто подменил достаточно надежно фиксируемое древнетюрк. sub/suγ/suv (ДТС. 1969. С. 512, 513, 516), никому не известным «тан» (тан→тай→чай→сай).

Как частный пример недобросовестного использования научных разработок можно привести сноску И. М. Мизиева и К. Т. Лайпанова на сборник «Проблемы тюркологии и истории востоковедения» (Казань, 1964) и на М. З. Закиева при утверждении о существовании древнетюрк. тан – «вода», «река». На самом деле, эта сноска касается помещенной в сборнике статьи Р. Х. Субаевой, которая подтверждает мнение Г. В. Юсупова о наличии татар. тай – «река» как разновидности чай (Субаева Р. Х. 1964. С. 145). М. З. Закиев искал необходимое значение «вода», «река» среди других тюркских лексем. Как мы знаем, использовал татарский вариант М. А. Хабичев, который и дал общую сноску на сборник. Этот автор фигурирует вторым в заинтересовавшей нас сноске, но, в целом, она направлена на создание у читателя видимости неоднократного научного выявления тюрк. тан – «вода», «река».

Утверждение М. А. Хабичева об обилии вариантов дан, дон с семантикой «вода», «река» и их вариантов в урало-алтайских языках также является фикцией. На данном вопросе уже давно специально останавливался, например, А. П. Дульзон, который отметил наличие свыше ста гидронимов, содержащих dan и don, в двух замкнутых ареалах Сибири. Первый представлен Кемеровской областью, а второй – местами проживания юкагиров. Автор отметил, что юкагирский язык не дает

объяснения для *don*, что указывает на заимствование данной лексемы у прежних соседей народа в Присяянье. Источником же данной лексемы является хорошо известный лингвистам иранский прототип (Дульзон А. П. 1964. С. 17). Для нас же интересно отметить и наличие формы «тан» в названии реки Саратан, что, видимо, также осталось неизвестным Г. Шрамму. Не исключено, что та же форма представлена в названиях рр. Къоштан в Балкарии (Коков Дж., Шахмурзаев С. О. 1970. С. 89-90), Мартан в Чечне (Дзиццойты Ю. А. 1992. С. 246-247).

Насколько более доказательным являются предложенные тюркские этимологии М. З. Закиева и Р. Исмагила? Прежде всего, они никак не объясняют соотношения форм *Tanaic*, *Tanais*, *Tanasis* с тюркскими лексемами. Видимо, остается без всяких доказательств только подразумевать, что форма, зафиксированная в древнем названии реки, исторически предшествует подбираемым тюркским лексемам. С научной же точки зрения, их историческая основа не имеет ничего общего с названием Танаиса (Севортян Э. В. 1980. С. 340-345). Что касается тюрк. *ыдан*, то мы вновь не имеем ни одного факта использования его в значении «река». Интересно, что Р. Исмагил полагает, что тыныс, тыныш, тыныч объясняет отсутствующее для иранской этимологии объяснение окончания в слове Танаис. При этом он дает его в форме *-(а)ис*, видимо, подразумевая исключение *-а* из окончания. Его, действительно, надо исключать, иначе «собственное» предложение оказывается бесполезным.

Здесь, видимо, следует отметить еще один частный пример недобросовестного использования научных разработок. Исходной формой, вопреки утверждению М. А. Хабичева (Хабичев А. М. 1982. С. 40), исследователи считают не «даану», а **dānu-*, которая фиксируется не только в Авесте, но и в Ригведе. Отсутствие в других, кроме осетинского, индоевропейских языках *dan*, *don* с семантикой «река», «вода» при его, якобы, обилии в урало-алтайских языках, не дает никакого основания для возведения осет. *don* к карачаево-балкарскому *dan* и далее

к другим урало-алтайским языкам. В отличие от никому не известного тюрк. тан, осет. don имеет научно фиксируемую праформу. Причем, эта праформа происходит именно из того языкового мира, потомком которого и является осетинский язык. Поэтому и отсылка к примерам иных индоевропейских языков не имеет доказательной силы.

Кроме того, как было справедливо отмечено именно по поводу утверждения М. А. Хабичева (Гуриев Т. А. 1988. С. 186-187), что dan, don с семантикой «река», «вода», на самом деле, имеется чуть ли не во всех группах индоевропейской семьи языков. Заявление же о связи существующей осетинской лексемы с несуществующей ни в прошлом, ни в настоящем балкаро-карачаевской, по крайней мере, просто некорректно. Нет и ни одного примера для тюркских гидронимов, содержащих тан, дан, дон в значении «река», «вода». Кроме того, река Дану известна на северном джунгарском склоне Тянь-Шаня. Ее название никак не объясняется ни из тюркских, ни из монгольских языков (сравни с данными А. П. Дульзона), и вполне закономерно связывается с историей древнего индоевропейского населения (Мурзаев Э. М. 1984. С. 188).

Но если вспомнить, что данная территория некогда входила в зону расселения саков, то мы можем иметь дело и с наследием этих ираноязычных кочевников. Dānu в значении «река» является хорошо известной кельто-скифской изоглоссой (Абаев В. И. 1995а. С. 436). Вопреки утверждению М. А. Хабичева, В. И. Абаев отмечал в древних иранских и индийских языках глаголы, содержащие интересующий нас корень (Абаев В. И. 1958. С. 365). Приведенные примеры показывают, что утверждение И. М. Мизиева об отсутствии где бы то ни было названий рек, содержащих корень don (Мизиев И. М. 1990. С. 49), не соответствует действительности.

Известные и индоевропейские лексемы позволяют считать утверждение М. А. Хабичева, как мягко заметили исследователи, «явным недоразумением» (Карамшаев Д., Гуриев Т. А.

1984. С. 3-6; Гуриев Т. А. 1988. С. 186-188). В таджикском языке представлено слово «ехдон» – «ледник», состоящее из двух корней ех – «лед» и дон – «вода». Практически в той же форме оно известно и в осетинском – *ixdon/exdon*, имеющим и значение «ледяная вода». Таким образом, *don* – «вода» оказывается зафиксированным и в других иранских языках. Остается добавить названия рек Яхдон в Таджикистане и Ехдан в Иране (Мурзаев Э. М. 1984. С. 188, 653). Близкие названия известны и на территории Северной (река Стыр ихы дон в Даргавском ущелье, родник Ихæн дон у с. Бад) и Южной (топонимы Ихджын дон, Ихджын доны хъæд) Осетии. В памирских языках представлены лексемы ардон, ардан – «рукав реки», «приток реки, арыка», дон(д) – «место распределения воды в арыке» (Карамшаев Д. 1981. С. 235; 2004. С. 235; Карамшаев Д., Гуриев Т. А. 1984. С. 5-6; Стеблин-Каменский И. М. 1987. С. 140, 142, 152, сн. 17).

Памирские лексемы сопоставимы с названием реки Ардон в Северной Осетии, для которого предполагалось сохранение в первой части более древнего названия реки или этнонима или возможную тюрко-монгольскую этимологию (Цагаева А. Дз. 1975. С. 132). Если это так, то вопреки мнению некоторых специалистов, название Ардона является не ранним индоевропейским, а более поздним иранским. Во всяком случае, осетинская народная этимология названия Ардон (Пфаф В. Б. 1872. С. 93; Никонов В. А. 1966. С. 31) представляется исторически сомнительной. Учитывая наличие в первой части названия *arm/arm* – «рука», восходящему к древнему иранскому фонду, следует привести и название притока Терека Армхи, содержащему во второй части инг. *хи* – «вода», т. е. эквивалент осет. *don*. Видимо, в армянской традиции его название Арм(н) («Ашхарацуйц»). II) переносилось на сам Терек.

В. Ф. Миллер одним из возможных решений для появления названия реки предполагал его связь с названием р. Ардон, которая своим течением с севера на юг, так же как Терек, под-

ходит к указанию армянского источника, а, в конечном итоге, впадает в Терек (Миллер В. Ф. 1992. С. 605-606). Возможно, именно Терек упоминается в арабских источниках под неидентифицированным исследователями названием ар-Р.мм (Бейлис В. М. 2000, с. 42). Возможно, во второй части армянского названия отразилось и. е. *snā* – «купать», «плавать», давшее в армянском *pau* – «жидкий», «влажный», а в осетинском *pajun/pajun/nad* – «купать», «переходить вброд», *paKa* – «плавание», *xsyn/æxsnyn* – «мыть».

На Северном Кавказе известен и приток реки Ули, впадающей в Лабу, под названием Арм (один из северокавказских хребтов носит название Армэтху, в котором объяснялась только вторая часть *тх(ы)* – «хребет»). Учитывая приведенные наблюдения, следует считать попытку перевода названия Армхи (Арм-хий – «запретная речка») на основе нахских языков (Сулейменов А. С. 1978. С. 12) неубедительной.

Несколько странным представляется в качестве доказательства привлечение русского «Тихий Дон». Как известно, традиции мировосприятия у различных народов бывают также различны. Кроме того, если иметь в виду, что русские словом «тихий» просто продублировали значение тюркского названия Дона, то произведение М. А. Шолохова получило бы название «Тихий Тын». Остается загадкой и механизм перехода тюркского Тын в русское Дон (кстати, название Дон носит и один из притоков р. Прут). М. А. Хабичев и Р. Исмагил приводят тюркские названия Дона Тын, тин, тенг, тен. Данные названия, действительно, могут быть собственно тюркскими, но в отличие от вполне закономерного и беспрепятственного возведения русского Дон к иран. *dan, don*, мы не имеем доказательства такового для тюркских названий. Они могли появиться как вполне независимо от названия Дона, так и через созвучие со ставшим им известным иноэтничным названием реки, когда это созвучие удачно совпало с собственной характеристикой реки.

Кроме того, частные примеры тюркских названий реки не всегда корректны. Так, остается неясным, откуда взята турецкая форма Тен. Согласно устной консультации Г. В. Чочиева, в известных ему письменных источниках встречаются варианты Дон/Тон, Дун/Тун. Учитывая достаточно позднее знакомство турков с Доном, вполне закономерно исходить из передачи уже традиционно русского названия Дон. При ссылке на работу В. В. Радлова о чагатайском названии Дона Тин, «забывается» указание на отмеченное автором «книжное» происхождение данного слова (Радлов В. В. 1905. С. 1360).

Вместе с тем, ни слова не говорится о собственно тюркском названии Дона – Итиль, которое прилагалось ко многим рекам (Волга, Днепр, Дунай, Буг) (Гарипова Ф. Г. 1991. С. 123-124). Примечательно, что практически именно к тем же рекам ранее прилагалось иран. *dan, don*. В нартовских сказаниях адыгских народов Дон также носит название Тэн. Левый приток Лабы у адыгских народов называется Уырыстен и является собственной передачей осет. *ors-don* – «белая река/вода» (интересно, что на карте Вигасина осетинское название реки Урс-дон передано соответствующим тюркским названием Аксу). Вторая часть данного названия рассматривается как обычная адыгская адаптация осет. *don*, представленная и в названии Тэн (Коков Дж. Н. 1974. С. 269). Остается напомнить для сравнения название Арден. Поэтому нельзя исключать, что для восприятия тюркскими народами названия Дона посредником могла послужить и адыгоязычная языковая среда, связанная с древним меотским населением.

Гораздо большую изобретательность в доказательствах тюркской основы проявил М. А. Хабичев. Он объявил однокоренными с тан не только тюркские названия Дона, но и другие тюркские лексемы (Хабичев М. А. 1982. С. 37-40, 44-45), что, видимо, должно было подтвердить широкое распространение и использование в тюркском мире соответствующих понятий. Однако на поверку многие из них не могут быть объединены.

Так, чувашское тан – «наледь», «вода, выступающая из-под льда» имеет иную этимологию. Интересно, что в работе В. Г. Егорова, на которую ссылается автор, данное слово сопоставляется именно с авест. *dānu*, осет. дон и кит. д'ан – «река» (Егоров В. Г. 1964. С. 229). Но данное сопоставление опускается М. А. Хабичевым. Кроме того, более обоснованным представляется объединение указанной чувашской лексемы с тюркскими словами, закономерно восходящими к тюрк. *дон/тон – «мерзлота», «мороз», «мерзнуть», «охлаждать» (Севортян Э. В. 1980. С. 265-267). Указанные автором названия якутских рек Танда, Танчы, Тангхан, якут. таанг – «наплыв на льду» вполне могут происходить из этого блока. Если для северных рек указанные названия вполне объяснимы, то для южного Дона они вряд ли применимы. Возможны и иные варианты объяснения для названий якутских рек и тюркских для Дона (Мурзаев Э. М. 1984. С. 183, 543, 549, 569). Видимо, следует учитывать и специфику в названиях рек у разных тюркоязычных народов, а не сводить их к единому источнику.

Не подходит ни по форме, ни по содержанию древнетюрк. тамгъа – «рукав», «приток» реки, «небольшая речка», «ручей». Тамгъа, не исключено, связано с тюрк. *та:мар/та:мыр – «жила», «кровеносный сосуд», «канал» и *там – «капать» (Севортян Э. В. 1980. С. 144), что противопоставляет сам образ полноводного Дона. Нельзя согласиться и со сближением тамгъа и тамакъ/дамагъ. Второе слово имеет первичное значение «горло», «небо», «гортань», «рот», что семантически логично получает и значение «устье» реки, канала (Севортян Э. В. 1980. С. 140-142). Поэтому и местность Бештамакъ, где сливаются пять рек, следует переводить не «Пятиречье», а «Пятиустье» (Коков Дж., Шахмурзаев С. О. 1970. С. 116).

Приводимая автором монг. тан – «отмель», «порожистое место», видимо, соотносится с тюркским фондом *тай/дай со значением «мелкий», «брод», «отмель», «неглубокий», «низкий». При имеющемся предположении о его связи с тай

– «скользить», исходная семантика не восстанавливается (Севортян Э. С. 1980. С. 129). Кроме того, приводимые значения мало подходят для характеристики Дона. Неопределенной является эволюция семантики тюрк. тенгиз – «море», во многом из-за отсутствия твердых оснований для выяснения его источника (Севортян Э. С. 1980. С. 194-195).

⁸ Должен уточнить для С. М. Перевалова, видимо, так и не ознакомившегося с исследованиями, на которые я давал сноску, иначе бы он не задавался вопросом по ссылкам на Г. Шрамма или на В. И. Георгиева и не «сравнивал» их методы и аргументацию. Г. Шрамм игнорировал возможность подробного раскрытия историографического аспекта решения по происхождению названия Алонт. Но она читается по корректно приводимым им сноскам. Г. Шрамм, сам отмечавший, что в его работе «нет данных, которые не были бы известны предшествующей науке», исходил из признания убедительности отнесения названия Алонт к древнеевропейскому гидронимическому пласту, которое восходит, кстати, как и у В. И. Георгиева, к разработкам Г. Краэ. Судя по всему, С. М. Перевалов не ознакомился и с работой А. Н. Генко, иначе бы он не стал задавать постороннего вопроса о ссылках.

⁹ Такая путаница Карпат и Кавказа курьезно напоминает недавнее утверждение Г. Рида о проживании осетин в Карпатах (Reid H. 2001. P. 216).

¹⁰ Первоначально С. М. Перевалов, со сноской на публикацию Р. М. Рамишвили и В. А. Джорбенадзе и на публикацию Д. Браунда, определял в имени «Бакур алан» (Bakur Alana) «... иранскую форму аланского имени как производную от агуана («арийский») и переходную к alan...» (Перевалов С. М. 2002в. С. 108). В упоминавшейся его синхронной по времени статье автор, указывая на имя «Бакур алан» (BAKOUR ALANA), добавил в сноску, определяющую источники его информации, работу Э. Уилера (Wheeler E. L. 1997. P. 59). Данный подход был сохранен и в следующих публикациях, в которых автор

указывает на восприятие ALANA как этникона (племенное название), переданного в иранской форме. Причем, данное решение обставлялось выбором для выяснения значения слова «алан» (alana) между этниконом и этнонимом, ставшим вторым именем (Перевалов С. М. 2003. С. 49-50; 2003а. С. 191-192).

Собственно, С. М. Перевалов, хотя изначально указывал только, что Э. Уилер «... обратил внимание на второе слово надписи...» как на свидетельство «... о раннем проникновении сармато-аланского элемента в иберийское общество...» (Перевалов С. М. 2003. С. 48), затем не отрицал, что «на аланский этникон в надписи (Bakour Alana = англ. Bakour the Alan), как на свидетельство раннего проникновения аланов на территорию Иберии (восточная Грузия), обратил внимание американский антиковед Э. Уилер (Перевалов С. М. 2010б. С. 201-202).

Сегодня приведенные мной неучтенные им первые публикации о жинвальской находке С. М. Перевалов считает бесполезными, но имеющими скорее библиографический интерес. Их он «... не читал (ни тогда, ни сейчас)...». Следует вопрос: «А каким образом фотография без точного описания могла «привлечь» алановеда, собирающего материал?». Но в одной из недавних публикаций С. М. Перевалов сам очень четко все видит... по фотографии (Перевалов С. М. 2010б. С. 203-204).

Объясняется, что именно Д. Браунд является первым публикатором полной надписи. Зачем-то далее следует переход к выяснению вопроса, как его воспринимает сам С. М. Перевалов, о принадлежности пальмы первенства между Д. Браундом и Э. Уилером, о том, что Э. Уилер воспринимал надпись как греческую, а теперь, неожиданно узнав о ее аланском происхождении, обещает в письме С. М. Перевалову сослаться на его статью. «Щекотливую тему «первенства» в открытии жинвальской надписи» С. М. Перевалов завершает, в том числе, выводом, что «правильное чтение предложено британским

профессором Д. Браундом, за мной остается... ее интерпретация как памятника аланского языка и аланской письменности».

С. М. Перевалов описывает сложности, продиктованные прорисовкой и восприятием надписи другими исследователями, хотя данные сложности, как и сам артефакт, ему самому не были известны на момент предъявления собственного перевода надписи, поскольку он пользовался транслитерацией Д. Браунда и определением ее «аланской составляющей» Э. Уилера. Мне предлагается заняться работой Т. С. Каухчишвили, которая ему самому, естественно, недоступна и с ней он знаком только со слов А. Ю. Виноградова. В данном случае, что обсуждать самому С. М. Перевалову, кроме собственной сноски на работу Т. С. Каухчишвили (Перевалов С. М. 2011. С. 5)?

Интересно, что сегодня С. М. Перевалов в пылу «полемики» вдруг заявляет об «интерпретации второго слова надписи» ВАКОУР АЛАНА Д. Браундом, которую сам С. М. Перевалов затем подтвердил «по автопсии» (Перевалов С. М. 2012. С. 5). Но Д. Браунд не занимался интерпретацией АЛАНА, а дал транслитерацию надписи в целом, как он ее воспринял *in visu*, далее обратившись к рассмотрению первого слова – имени Бакур. Поэтому и не было никакого «специального комментария» по поводу АЛАНА, которое Д. Браунд никак и не воспринимал.

Не было и никакой «автопсии» на момент интерпретации у С. М. Перевалова, т. к. впервые в жизни он непосредственно увидел надпись (судя по его публикациям, видимо, единственный такой для него случай в применении ко всему его списку эпиграфических памятников), спустя 8 лет после своей интерпретации. Иное прочтение надписи Т. С. Каухчишвили, как предшественника в исследовании, закономерно с точки зрения не учтенной Д. Браундом конечной -с. Но ставить Т. С. Каухчишвили в позицию еще одного своего предшественника, что может создать иллюзию прежнего спорного положе-

ния с прочтением надписи, для С. М. Перевалова достаточно сложно. На момент своего прочтения он вообще не знал о ее существовании, да и теперь с ее работой, несмотря на сноску, он сам знаком, видимо, только со слов А. Ю. Виноградова, чья интерпретация всей надписи сопоставима с интерпретацией Т. С. Каухчишвили.

Далее, вдаваясь в постороннюю для «полемики» тему, С. М. Перевалов заявил, что отсутствие (*sic!* – А. Т.) у Д. Браунда комментария по АЛАНА не снижает значения его публикации, т. к. «историк-древник в состоянии понять значение греческого или латинского слова без перевода на современный язык». Но повторим, что Д. Браунд и не ставил в данном случае перед собой задачи понять значение греческого или латинского слова. Понимание вскоре проявил Э. Уилер, исходя из собственных научных интересов.

¹¹ Я, как и прежде, полагаю, что «надпись все еще не получила своего полного научного прочтения и нуждается в обращении к ее изучению специалистов по иранскому языкознанию». Я, как и прежде, полагаю, что «помочь объяснить наличие в надписи только -с» могло бы возведение диг. (j)es/(j)e, ирон. i(s) – «есть» («находится», «существует») к соответствующим праформам (*astī или *aiša, авест. aešā, иран. *ais, индоевр. *ai-s- (?)). Я сознательно воздерживаюсь от дальнейшего обращения к возможным подходам решения, т. к. это бы вело к углублению в сферу иранского языкознания, в котором на сегодняшний день представлены определенные разработки по интересующему вопросу. Но они могут оцениваться только соответствующими специалистами.

Здесь, например, представлено решение о возведении (j)es/i(s) непосредственно к местоимению *aiša-. Обращено внимание на совпадение диг. (j)es с местоимением 3 лица ед. ч. (j)e – «он» (восходит к уа), а потому замечается: «... не следует ли дигор. jes разлагать на je-s «он есть». Вообще здесь еще много неясного» (Исаев М. И. 1987. С. 622-623; Камболов Т. Т. 2006.

С. 361, 362). Если я правильно понимаю, здесь представлена возможность примера сокращения в сочетании глагола «быть» до *s*. Для (j)es/i(s) полагается закономерное выпадение **t* в конце слова после *s* в **asti* (Исаев М. И. 1987. С. 578), приводящее, видимо, к **as*. Но и в этом случае я не могу далее обращаться к проблеме возможной передачи при написании последней лексемы только в форме *-s*, например, по типу отмеченного «доосетинского явления» возможности сокращения гласных в сложных словах на стыке образующих их лексем (Исаев М. И. 1987. С. 574) и т. д.

¹² Изначально авторами находки слово ВАКОУР были интерпритировано как собственно грузинское, а надпись как греческая, что впоследствии не нашло подтверждения. Почему археологи Грузии не информировали работавшего у них Д. Браунда, что они уже публиковали фотографию перстня с надписью, не берусь обсуждать. Еще сами авторы археологической находки считали, что мы имеем дело с «именным перстнем». Решение возможное, но не единственно допустимое, тем более, что надпись окружает изображение животного. Данное положение подталкивает к учету семантики всей нанесенной композиции.

С. М. Перевалов изначально вообще опускал «вопрос интерпретации сцены» (Перевалов С. М. 2003. С. 49). Затем, обсуждая подход А. Ю. Виноградова к чтению надписи, он решил, что «... надпись, скорее всего, никак не связана с изображением. Можно лишь предположить, что она случайно попала к последнему своему владельцу, который решил использовать её в качестве печати, для чего и заказал вырезать надпись со своим именем. Подобные операции часто проводились со средневековыми резными камнями, когда на античной камее с изображением, скажем, Клеопатры, появлялась надпись «дева Мария», и т. д» (Перевалов С. М. 2010б. С. 205). Определяя уже мой подход, он считает его «слишком замысловатым», отмечая, что «нужен профессиональный разбор сюжета (веро-

ятно, религиозного характера), чтобы уточнить возможность корреляции изображения и надписи» (Перевалов С. М. 2012. С. 7).

Исследователям древностей хорошо известно, что использование инокультурных образов было возможно только при адаптации и восприятию через собственные культурные представления и традиции. Тот же приводимый С. М. Переваловым пример и может отражать данную ситуацию, т. к. вряд ли под портретом Клеопатры решила подписаться сама дева Мария. Учитывая же вероятный аланский характер надписи, логично предполагать соответствующее положение и с изображенной на жинвальском перстне сценой. Что касается ее непосредственной интерпретации, то она изначально определена как «характерный сюжет из круга Диониса» (Рашишвили Р., Джорбенадзе В., Каландадзе З., Николайшвили В., Маргвелашвили М., Рчеулишвили Г., Чихладзе В., Циклаури И., Асланишвили В., Глonti М., Церетели К., Бакрадзе И. 1976. С. 72; Рашишвили Р. М., Джорбенадзе В. А. 1976. С. 37), что давно известно и С. М. Перевалову (Перевалов С. М. 2003. С. 47).

¹³ Следует также напомнить, что установленное исследованиями происхождение названия *alan* возводится, в конечном итоге, к **ārya* – «арийский», в значении «благородный», «свободный». Анализ специалистов особенностей функционирования данного термина у ираноязычных народов показал, что у них данный термин, будучи наследием от общеиндоевропейского состояния, прежде всего, маркировал социальный аспект (Лелеков Л. А. 1982. С. 148-161). В таком случае, для надписи «BAKOUP AANA» следует учесть и иные данные. Имя Бакур достаточно хорошо известно по различным источникам и обычно определяется как иран. «Сын бога».

Его, например, носил в качестве титула кушанский правитель Канишка. Исследователи полагали, что имя брата хорезмшаха Хурзад – «Сын Солнца» служило переводом хорезмийского титула багпур/фагпур, а его носителем был пред-

ставитель дофеодальной царской династии. В армянских источниках («Бузандаран патмутюнк», Мовсес Каганкатваци. «История агван», Шапух Багратуни. «История», Степанос Орбелян. «История области Сисакан») «бакур» также используется в качестве титула и названия рода «китайского правителя» – «чен-бакур» (арм. Ченк' – «Китай», чены – «китайцы»), т. е. в сочетании с этническим определением. Остается в силе наблюдение С. М. Перевалова и А. С. Балахванцева, что если бы второе слово было передано через греческий язык, то мы бы столкнулись с формой *Αλανος*. Однако, возможно, сегодня следует привлечь внимание к тому, что в древнем северопритерноморском ономастиконе, несомненно, связанным с сармато-аланским источником, встречаются и формы мужских имен, оканчивающиеся на *-ας* (*Αταμαξας*, *Ατταμαξας*, *Βανας*, *Πιδας*, *Φιδας*, *Φουρτας*). Подобный пример зафиксирован и в ранне-средневековом греческом граффити из Сентинского храма ([I] *οανας*) (Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 121, 249. 252, III.C.ο). Все это лишний раз подчеркивает сложность и неоднозначность решений о возможном восприятии надписи.

На научной сессии СОИГСИ (07.02.2013) С. М. Перевалов устно информировал о том, что сейчас готовится статья А.Ю. Виноградова, в которой предлагается интерпретировать жинвальскую надпись как *Βακουρ αλαναυ*, т. е. «Бакур аланский». Таким образом, предлагается учитывать наличие конечной согласной в надписи, которое упорно отрицает в случае «полемики», видимо, только со мной С. М. Перевалов. В данном случае конечная *-ς*, если я правильно понимаю, должна интерпретироваться как *-γ*. Но в таком случае, речь идет об отрицании постулируемой С. М. Переваловым формы *αλανα*, т. к. мы должны иметь дело с суффиксом *-ag*, достаточно продуктивным и в современном осетинском языке (*ag←ak←*ā-ka*).

¹⁴ В целом, по вопросам истории христианства у аланов смотри (Туаллагов А. А. 2009а; Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 2011. С. 15-66).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абаев В. И.* ALANICA // Известия Академии наук СССР. М., 1935. № 9.
2. *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. Т. I.
3. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М., 1958. Т. I.
4. *Абаев В. И.* Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1959.
5. *Абаев В. И.* Примечания // Немет Ю. Список слов на языке ясов, венгерских алан. Орджоникидзе, 1960.
6. *Абаев В. И.* Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.
7. *Абаев В. И.* Избранные труды: Религия, фольклор, литература. Владикавказ, 1990. Т. 1.
8. *Абаев В. И.* Избранные труды. Т. 2. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ, 1995.
9. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Указатель. М., 1995а.
10. *Абрамова М. П.* Центральное Предкавказье в сарматское время. М., 1993.
11. *Абемян М.* История древнеармянской литературы. Ереван, 1975.
12. *Абуладзе И.* Грузино-армянские литературные связи в IX-X. Исследование и тексты. Тбилиси, 1944.
13. *Акопян А. А.* Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван, 1987.
14. Аланские заметки на полях византийского манускрипта XIII века // Северная Осетия. 18 ноября 2003 г. № 217 (24018).
15. *Алексеева Е. П.* Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкессии // ТКЧНИИ. 1966. Вып. V (серия историческая).
16. *Алексеева Е. М.* Горгияпия в системе Боспорского царства первых веков нашей эры // ВДИ. 1988. № 2.

17. *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.

18. *Алиев И.* Сармато-аланы на пути в Иран // NARTAMONGÆ. The Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mythology & Language. Paris-Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw, 2009. Vol. VI. № 1-2.

19. *Алиев И. Г., Асланов Г. М.* К вопросу о проникновении на территорию Азербайджана племен сармато-массагето-аланского круга в первые века нашего летоисчисления // МАДИСО. 1975. Т. III. С. 72-88.

20. *Апакидзе А. М., Гобеджшвили Г. Ф., Каландадзе А. Н., Ломтатидзе Г. А.* Мцхета. Итоги археологических исследований. I. Археологические памятники Армазис-хеви по раскопкам 1937-1946 гг. Тбилиси, 1958.

21. *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.

22. *Асатиани Л. Ю.* К этимологии грузинских гидронимов RIONI I ARAGVWI // Ономастика Кавказа. Орджоникидзе, 1980.

23. *Афанасьев Г. Е.* К изучению эпиграфических памятников Маяцкого городища // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 223-28 апреля 2012 г. Махачкала, 2012.

24. *Ахвледиани Г.* Сборник избранных работ по осетинскому языку. Тбилиси, 1960.

25. *Балахванцев А. С.* Вторжение аланов в Мидию в 72-73 гг. н. э.: новая интерпретация // Древность: историческое знание и специфика источника: Материалы конференции, посвященной памяти Э. А. Грантовского, 3-5 октября 2000 г. М., 2000.

26. *Балахванцев А. С.* Царь Флавий Дад // Нумизматика и эпиграфика. М., 2005. Т. XVII.

27. *Балахванцев А. С.* Эпиграфические памятники из Иберии (Восточная Грузия): addenda et corrigenda // Международная научно-практическая конференция «Восток в эпоху древности. Новые методы исследований: междисциплинарный подход, общество и природная среда». ТД. М., 2007.

28. *Балахванцев А. С.* Сарматы I-IV вв. н. э. по данным античных авторов // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV: Позднесарматская культура. М., 2009.

29. *Балахванцев А., Николаишвили В.* «Бакур-алан» из Древней Иберии // Международная научная конференция «Археология, этнология и фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержания докладов. Тбилиси, 25-27 июня 2009 года. Тбилиси, 2010.

30. *Балахванцев А., Николаишвили В.* «Алан Бакур» из Древней Иберии // РА. 2010а. № 4.

31. *Бартольд В. В.* К истории персидского эпоса // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1971. Т. VII.

32. *Безуглов С. И.* Находки античных монет в погребениях кочевников на Нижнем Дону // Донская археология. – № 1-2. Ростов-на-Дону, 2001.

33. *Бейлис В. М.* Сообщение Халифы ибн Хаййата ал-'Усфури об арабо-хазарских войнах в VII-первой половине VIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. М., 2000.

34. *Белецкий Д. В.* Граффити из Авд дзуара // Историко-филологический архив. 5. Владикавказ, 2004.

35. *Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю.* Нижний Архыз и Сенты: древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Северо-западного Кавказа. М., 2011.

36. *Березин Я. Б., Ростунов В. Л.* Сарматские подкурганые могильники у сел. Заманкул (Северная Осетия) // Международное сотрудничество археологов на великих торговых и культурных путях древности и средневековья. Кисловодск, 1994.

37. *Берлизов Н. Е.* Походы алан в Закавказье в I-II вв. н. э. (письменные и археологические свидетельства) // Древности Кубани. Краснодар, 1991.

38. *Берлизов Н. Е.* Походы алан в Закавказье в первые века нашей эры: письменные и археологические свидетельства // ИАА. 1997. Вып. 3.

39. *Берлизов Н. Е.* К предыстории сложения аланского союза V-XIII вв. // Материалы по изучению историко-культурного наследия

Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971-2006. М., Ставрополь, 2008.

40. Берлизов Н. Е. Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н. э.-V в. н. э. Краснодар, 2011. Ч. I.

41. Берлизов Н. Е., Каминский В. Н. Аланы, Кангюй и Давань // ПАВ. 1993. № 7.

42. Бернард П., Абдуллаев К. Номады на границе Бактрии (к вопросу этнической и культурной идентификации) // РА. 1997. № 1.

43. Бикерман Э. Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. М., 1975.

44. Блаватский Б. В. Битва при Фате и греческая тактика IV в. до н. э. // ВДИ. 1946. № 1.

45. Блаватский Б. В. О стратегии и тактике скифов // КСИИМК. 1950. Вып. XXXIV.

46. Блаватский Б. В. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954.

47. Бози Ф. Сарматы в I в. до н. э.-II в. н. э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. III. Среднесарматская культура. М., 2002.

48. Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. СПб., 1994.

49. Брагвадзе З. Иран при Ахеменидах и древняя Колхида // Культура степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. СПб., 2012. Кн. 2.

50. Браунд Д. Римское присутствие в Колхиде и Иберии // ВДИ. 1991. № 4.

51. Браунд Д. «Препарируя сарматов»: проблемы источниковедческой и археологической методологии // ВДИ. 1994. № 4.

52. Брусницына А. Г. Ручка сосуда в виде фигуры медведя из Нижнего Подонья // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы 8-го археологического семинара). Краснодар, 2002.

53. Бубенок О. Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI-XIII вв.). Киев, 1997.

54. *Вайнберг Б. И.* Этногеография Турана в древности. VII в. до н. э.-VIII в. н. э. М., 1999.

55. *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа // ТЧИННИИ. 1963. Т. IV.

56. *Виноградов В. Б.* Античные источники и данные археологии скифо-сарматского времени в Центральном Предкавказье в свете проблемы этногенеза осетин // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.

57. *Виноградов В. Б., Петренко В. А.* А. М. Хазанов. Очерки военного дела сарматов. М., «Наука», 1971, стр. 169 // СА. 1973. № 2.

58. *Виноградов Ю. Г.* Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н. э. // ВДИ. 1994. № 2.

59. *Виноградов Ю. Г., Шестаков С. А.* Laudatio Funeris из Пантикапея // ВДИ. 2005. № 2/

60. *Вольфрам Х.* Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). СПб., 2003.

61. *Воронятов С. В.* О функции сарматских тамг на сосудах // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. СПб., 2009.

62. *Габараев Н. Я.* Инверсия в атрибутивных конструкциях осетинского языка // ИЮОНИИ. 1965. Вып. XIV.

63. *Габриелян Р. А.* Армянские источники об аланах (Документальные материалы и комментарии). Ереван, 1985. Вып. I.

64. *Габриелян Р. А.* Армянские источники об аланах (Документальные материалы и комментарии). Ереван, 1986. Вып. II.

65. *Габриелян Р. А.* Армяно-аланские отношения (I-X вв.). Ереван, 1989.

66. *Габуев Т. А.* Аланские походы в Закавказье // XIX «Крупновские чтения». ТД. М., 1996.

67. *Габуев Т. А.* Алано-грузинские отношения в свете аланских вторжений в Закавказье в I-V вв. н. э. // ИАА. 1997. Вып. 3.

68. *Габуев Т. А.* Армянские источники о походах алан в Закавказье в I-II вв. н. э. // Дарьял. 1997а. № 4.

69. *Габуев Т. А.* Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ, 1999.

70. Гаглойти Ю. С. К проблеме появления алан на Северном Кавказе // ИЮОНИИ. 1964. Вып. XIII.

71. Гаглойти Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966.

72. Гаглойти Ю. С. К истории северокавказских аорсов и сираков // ИЮОНИИ. 1969. Вып. XI.

73. Гаглойти Ю. С. К вопросу о первом упоминании этнонима алан в письменных источниках // I Кубанская археологическая конференция. ТД. Краснодар, 1989.

74. Гаглойти Ю. С. Алано-Георгика. Сведения грузинских источников об Осетии и Осетинах // Дарьял. 1992. № 2.

75. Гаглойти Ю. С. К вопросу о первом упоминании алан на Северном Кавказе (часть II) // Аланы: история и культура. Alanica-III. Владикавказ, 1995.

76. Гаглойти Ю. С. Алано-Георгика. Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах. Владикавказ, 2007.

77. Гаджиев М. С. Между Европой и Азией. Махачкала, 1997.

78. Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа в IV-X вв. Л., 1979.

79. Галкин Г. А., Коровин В. И. Опыт исследования названий р. Кубань // Ономастика Кавказа. Орджоникидзе, 1980.

80. фон Галль Х. Сцена поединка всадников на серебряной вазе из Косики (Истоки и восприятие одного иранского мотива в Южной России) // ВДИ. 1997. № 2.

81. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984. Т. II.

82. Гамрекелли В. Н. Двалы и Двалетия в I-XV вв. н. э. Тбилиси, 1961.

83. Гарипова Ф. Г. Исследования по гидронимии Татарстана. М., 1991.

84. Генко А. Н. Из культурного прошлого ингушей // Записки Коллегии Востоковедов. Л., 1930. Т. V.

85. Георгиев В. И. Исследования по сравнительно-историческо-

му языкознанию (Родственные отношения индоевропейских языков). М., 1958.

86. *Глебов В. П.* Сарматы и Боспор на рубеже эр // Боспорский феномен. Материалы Международной научной конференции. СПб., 2001. Ч. 2.

87. *Глебов В. П.* Погребение с монетами из могильника Шаумяна и вопросы хронологии среднесарматской культуры // Донская археология. Ростов-на-Дону, 2002. № 1-2.

88. *Глебов В. П.* К дискуссии о хронологии среднесарматской культуры (ответ на рецензию А. В. Симоненко) // Донская археология. Ростов-на-Дону, 2002а. № 3-4.

89. *Глебов В. П., Парусимов И. Н.* Новые сарматские погребения в бассейне реки Сал (о соотношении раннесарматской и среднесарматской культур) // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов-на-Дону, 2000. Вып. I.

90. *Граков Б. Н.* [Рецензия]: Виноградов В. Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Труды Чечено-Ингушского научно исследовательского института. Грозный. 1963. Т. IV // СА. 1964. № 4.

91. *Грантовский Э. А.* О хронологии пребывания киммерийцев и скифов в Передней Азии // РА. 1994. № 3.

92. *Гугуев Ю. К., Глебов В. П. И. В. Сергацков.* Сарматские курганы на Иловле. С. 396. Волгоград, 2000 // Донская археология. Ростов-на-Дону, 2002. № 1-2.

93. *Гудименко И. В.* Работы I Приморского археологического отряда в 1989 г. // Историко-археологические исследования в 1989 г. Азов, 1990. Вып. 9.

94. *Гумба Г. Д.* Границы Азиатской Сарматии с Колхидой и Картли // Кавказ: история, культура, традиции, языки. По материалам Международной научной конференции, посвященной 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА 28-31 мая 2001 г. Сухум, 2004.

95. *Гуриев Т. А. М. А. Хабичев.* К гидронимике Карачая и Балкарии. Нальчик, 1982 // Этимология. 1985. М., 1988.

96. *Гутнов Ф. Х.* Аланский царевич Баракад // Осетинская филология. Владикавказ, 1992.

97. Гутнов Ф. Х. Средневековая Осетия. Владикавказ, 1993.
98. Гутнов Ф. Х. Аристократия алан. Владикавказ, 1995.
99. Гутнов Ф. Х. Поход алан 72 г.: кто были его участники? // ИВУЗСК. 1997. № 2.
100. Гутнов Ф. Х. Поход алан в Закавказье в 135 г. // Материалы 7-го археологического семинара «Античная цивилизация и варварский мир». Краснодар, 2000.
101. Гутнов Ф. Х. Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории. Владикавказ, 2001.
102. Гутнов Ф. Х. Аланы Центрального Кавказа в начале новой эры // XXII «Крупновские чтения». ТД. Ессентуки-Кисловодск, 2002.
103. Гутнов Ф. Х. Аланы начала нашей эры в закавказских памятниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 год. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005.
104. Гутнов Ф. Х. Аланы: научно-популярные очерки истории. Владикавказ, 2011.
105. Давудов О. М. Материальная культура Дагестана албанского времени. Махачкала, 1996.
106. Дарбинян М. Материалы об аланах, извлеченные сотрудником Матенадарана в 1960 г. // НА СОИГСИ. Ф. I. Оп. I. Д. 137 «а».
107. Дворниченко В., Плахов В., Федоров-Давыдов Г. Сокровища сарматского царя // Наука и жизнь. М., 1985. № 3.
108. Дворниченко В. В., Плахов В. В., Федоров-Давыдов Г. А. Погребение у с. Косика Енотаевского района Астраханской области // Археологические открытия 1984 года. М., 1985а.
109. Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А. Памятники сарматской аристократии в Нижнем Поволжье // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989.
110. Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А. Сарматское погребение скептуха I в. н. э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. 1993. № 3.
111. Дворниченко В. В., Егоров В. Л., Яблонский Л. Т. Памяти Германа Алексеевича Федорова-Давыдова (1931-2000) // СА. 2000. №4.

112. Дворниченко В. В., Демиденко С. В., Демиденко Ю. В. Набор пряжек из погребения знатного сарматского воина в могильнике Кривая Лука VIII // Проблемы современной археологии. М., 2008.

113. Дегтярева Т. А. Пути развития современной лингвистики. М., 1961. Т. I.

114. Денисон. История конницы. СПб., 1897. Т. I.

115. Дергачев В. А. Культурная функция скипетров и модель их возможной археологизации (по данным гомеровского эпоса) // STRATUM plus. СПб., Кишинев, Одесса, Бухарест, 2001-2002. № 2.

116. Десятчиков Ю. М. Митридат Боспорский и Зорсин Сиракский // Конференция «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье». ТД. М., 1981.

117. Десятчиков Ю. М. Социальная структура Сиракены // Третий Всероссийский симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Ереван, 1988.

118. Джиоев М. К. Сведения древнеармянских агиографических памятников об алано-армянских связях // Аланы и Кавказ. Alanica II. Владикавказ-Цхинвал, 1992.

119. Дзагуров Гр. А. Осетинский фольклор. Иронское устное народное творчество. Запись 1921 года от Иналдыко Кулаева // НА СО-ИГСИ. Ф. Дзагурова Гр. А. Оп. I. Д. 10.

120. Дзиццойты Ю. А. Нарты и их соседи: Географические и этнические названия в Нартовском эпосе. Владикавказ, 1992.

121. Дзиццойты Ю. А. Нартовский эпос и Амираниани. Цхинвал, 2003.

122. Дзиццойты Ю. А. К этимологии термина *nart* // NARTAMONGÆ. The Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mythology & Language. Paris-Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw, 2008. Vol. V. № 1, 2.

123. Дзиццойты Ю. А. Кавказская Скифия // ИЮОНИИ. 2009. Вып. XXXVIII.

124. Дзиццойты Ю. А. От составителя // Цховребова З. Д., Дзиццойты Ю. А. Топонимия Южной Осетии: в 3 т. Т. I: Дзауский район. М., 2013.

125. *Дзукаева Н. В.* Участие алан в событиях 35 г. н. э. в Закавказье (Историографический очерк) // ИЮОНИИ. 2000. Вып. XXXVI.
126. *Дмитриев В. А.* Между Ираном и Византией: возникновение Тюркского каганата и внешнеполитическая ориентация алан в 50-е–70-е гг. VII в. // Культура степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. СПб., 2012. Кн. 2.
127. *Доватур А. И.* Реметалк и Евпатор // ВДИ. 1959. № 4.
128. *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
129. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
130. *Дульзон А. П.* Древние топонимы Южной Сибири индоевропейского происхождения // Топонимика Востока. Новые исследования. М., 1964.
131. *Дьяконов М. М.* Очерк истории древнего Ирана. М., 1961.
132. *Дьяченко А. Н., Мэйб Э., Скрипкин А. С., Клепиков В. М.* Археологические исследования в Волго-Донском междуречье // НАВ. 1999. Вып. 2.
133. *Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
134. *Ельницкий Л. А.* Из истории географии древней Колхиды // ВДИ. 1938. № 2 (3).
135. *Ельницкий Л. А.* Знания древних о северных странах. М., 1961.
136. *Ельницкий Л. А.* О малоизученных или утраченных греческих и латинских надписях Закавказья // ВДИ. 1964. № 2.
137. *Еремян С. Т.* Расселение горских народов Кавказа по Птолемию и «Армянской географии» VII в. // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Москва (3-10 августа 1964 г.). М., 1970. Т. VIII.
138. *Ждановский А. М.* Подкурганнные катакомбы Среднего Прикубанья первых веков нашей эры // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984.

139. *Ждановский А. М.* Некоторые аспекты социально-политической истории племен Прикубанья в I-III вв. н. э. // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984а.

140. *Ждановский А. М.* К истории сиракского союза племен (по материалам курганных погребений Среднего Прикубанья) // Дон и Северный Кавказ в древности и средневековье. Ростов-на-Дону, 1990.

141. *Ждановский А. М.* Новое погребение кочевников сарматского круга из Закубанья // Древние памятники Кубани. Краснодар. 1990а.

142. *Ждановский А. М.* О центре аланского союза племен // Историческая география Дона и Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1992.

143. *Железчиков Б. Ф.* Анализ сарматских погребальных памятников IV-III вв. до н. э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Выпуск II: Раннесарматская культура (IV-I вв. до н. э.). М., 1997.

144. Житие грузинских святых. Зугдиди, 1997. (на груз. яз.).

145. *Заднепровский Ю. А.* Сармато-аланы в Северном Иране в первых веках нашей эры // IV Сессия по Древнему Востоку. ТД. М., 1968.

146. *Заднепровский Ю. А.* Namio Egami and Shinji Fukai, Seiichi Masuda. The Excavations at Noruzmahale and Khoromrud, 1960 (Tokyo). The Institute for oriental culture, the University of Tokyo, 1966. XIII+57 стр. // СА. 1969. № 1.

147. *Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И.* Датировка погребения в Ногайчинском кургане. Диалоги с оппонентом // Древняя Таврика. Симферополь, 2007.

148. *Закиев М. З.* Проблемы языка и происхождения татар. Казань, 1986.

149. *Засецкая И. П., Марченко И. И.* Классификация стеклянных канфаров позднеэллинистического и раннеримского времени // АСГЭ. 1995. Вып. 32.

150. *Зубарь В. М., Симоненко А. В.* О снаряжении боевых коней в первые вв. н. э. на территории Северного Причерноморья // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984.

151. *Иванчик А. И.* Киммерийцы и скифы. Культурно-историче-

ские и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени // *Степные народы Евразии*. М., 2001. Т. II.

152. *Ивенских А. В.* Военная организация Боспорского царства в середине I века до н. э.-II веке н. э.: Автореф. ... канд. ист. наук. 07.00.03. Пермь, 2006.

153. *Илюков Л. С., Власкин М. В.* Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону, 1992.

154. *Исаев М. И.* Дигорский диалект осетинского языка. М., 1966.

155. *Исаев М. И.* Осетинский язык // *Основы иранского языкознания*. Новоиранские языки: восточная группа. М., 1987.

156. *Исаев М. И.* Аланский язык // *Языки мира: Иранские языки*. III. Восточноиранские языки. М., 1999.

157. *Исмагил Р.* Танаис и другие восточные реки Геродота. Ранние тюркизмы в «Скифском логосе» // *Вопросы археологии Поволжья*. Самара, 2002. Вып. 2.

158. Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. Ростов-на-Дону, 1990.

159. *Камболов Т. Т.* Очерк истории осетинского языка. Владикавказ, 2006.

160. *Каминская И. В., Каминский В. Н.* Аланы на Кубани // *По страницам истории Кубани*. Краснодар, 1993.

161. *Каминская И. В., Каминский В. Н., Пьянков А. В.* Сарматское погребение у станицы Михайловской (Закубанье) // *СА*. 1985. №4.

162. *Каминский В. Н.* Вооружение племен аланской культуры Северного Кавказа (I-XIII вв. н. э.): Дисс. ...канд. ист. наук. 07.00.06. М., 1990.

163. *Каминский В. Н.* Сарматское погребение с малоазийским и римским импортом из ст. Михайловская (Закубанье) // *Материалы 7-го археологического семинара «Античная цивилизация и варварский мир»*. Краснодар, 2000.

164. *Карамшаев Д.* Значение памирских языков для определения этногенеза древних иранцев // *Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.)*. М., 1981.

165. *Карамшаев Д.* Значение памирских языков для определения этногенеза древних иранцев // Международный конгресс востоковедов. М., 2004. Т. I.

166. *Карамшаев Д., Гуриев Т. А.* Осетинское «дон» и памирское «арДан»//«арДон» // Проблемы осетинского языкознания. Орджоникидзе, 1984. Вып. 1.

167. *Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.

168. *Клепиков В. М.* Сарматы IV-III вв. до н. э. в Заволжье и Волго-Донском междуречье: Автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Волгоград, 1998.

169. *Клепиков В. М., Шинкарь О. А.* Раннесарматские погребения курганного могильника у села Перегрузное // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2004. Вып. 2.

170. *Климишин И. А.* Календарь и хронология. М., 1990.

171. *Клочков И. С.* Две цилиндрические печати из сарматского погребения у с. Косика // ВДИ. 1994. № 4.

172. *Ковалевская В. Б.* Кавказ и аланы. Века и народы. М., 1984.

173. *Ковалевская В. Б.* Методические приемы выделения аланских древностей I тыс. н. э. в Закавказье // Аланы и Кавказ. Alanica II. Владикавказ-Цхинвал, 1992.

174. *Коков Дж. Н.* Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик, 1974.

175. *Коков Дж. Н., Шахмурзаев С. Ю.* Балкарский топонимический словарь. Нальчик, 1970.

176. Корпус боспорских надписей. М.-Л., 1965.

177. *Кузнецов В. А.* Христианство в Алании до X в. // ИЮОНИИ. 1978. Вып. XXIII.

178. *Кузнецов В. А.* Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.

179. *Кузнецов В. А.* Алано-осетинские этюды. Владикавказ, 1993.

180. *Кузнецов В. А.* Аланы и ассы на Кавказе (некоторые проблемы идентификации и дифференциации) // Древности Северного Кавказа. М., 1999.

181. *Кузнецов В. А.* Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ, 2002.

182. *Кузнецов В. А.* Предисловие // Памятники алано-осетинской письменности. Владикавказ, 2013.

183. *Кузнецов В. А., Романова Г. Б.* «Limes Caucasus» // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. Сухум, 2006.

184. *Куклина И. В.* Этногеография Скифии по античным источникам. М., 1985.

185. *Кулаковский Ю. А.* Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000.

186. *Лайпанов К. Т., Мизиев И. М.* О происхождении тюркских народов. Черкесск, 1993.

187. *Лелеков Л. А.* Термин «арья» в древнеиндийской и древнеиранской традициях // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982.

188. *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Стекланные сосуды позднеэллинистического и римского времени из Прикубанья // МИАК. 2003. Вып. 3.

189. *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Бронзовые ковши и патеры из сарматских и меотских памятников Прикубанья // Liber Archaeologicae: сборник статей, посвященный 60-летию Б. А. Раева. Краснодар, Ростов-на-Дону, 2006.

190. *Литвинский Б. А.* Бактрийцы на охоте // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. СПб., 2002. Т. I (XXVI).

191. *Лихачев Д. С.* Комментарии // Повесть временных лет. М.-Л., 1950. Часть вторая.

192. *Лордкипанидзе Г. А.* К истории древней Колхиды. Тбилиси, 1970.

193. *Лысенко Н. Н.* Асы-аланы в Центральной Азии (центральноазиатский аспект раннего этногенеза алан): Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Владикавказ, 2001.

194. *Лысенко Н. Н.* Асы-аланы в Восточной Скифии. (Ранний этногенез алан в Центральной Азии: реконструкция военно-полити-

ческих событий IV в. до н. э.-I в. н. э. по материалам археологии и сведениям нарративных источников). СПб., 2002.

195. *Лысенко Н. Н.* Аланы против великих империй. (Северные арийцы в системе геополитического противостояния Парфия – Рим). М., 2009.

196. *Малахов С. Н.* Алано-византийские заметки (часть I) // Аланы: история и культура. ALANICA-III. Владикавказ, 1995.

197. *Малькольм А. Р. К.* Парфяне. Последователи пророка Заратуштры. М., 2004.

198. *Мамедова Ф. Дж.* Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н. э.-VIII в. н. э.). Баку, 1986.

199. *Мамонтов В. И.* Уникальные находки в сарматских погребениях из курганов у поселка Вербовский // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И. В. Сеницына. Саратов; Энгельс, 2000.

200. *Манандян Я. О.* О местонахождении Caspica via и Caspica portae // ИЗ. 1948. № 25.

201. *О. Мануил* (М. Бурнацев). Российские святые на аланской земле // Эхо Кавказа. 1994. № 2 (5).

202. *Марченко И. И.* Сираки Прикубанья. Краснодар, 1996.

203. *Масленников А. А.* К вопросу о погребениях дандариев // История и культура античного мира. М., 1977.

204. *Маслов В. Е.* О датировке изображений на поясных пластинах из Орлатского могильника // Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999.

205. *Мачинский Д. А.* Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей во II в. до н. э.-I в. н. э. // АСГЭ. 1974. Вып. 16.

206. *Меликишвили Г. А.* К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.

207. *Меликишвили Г. А.* К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси, 1965.

208. *Мелюкова А. И.* Войско и военное искусство скифов // КСИ-ИМК. 1950. Вып. XXIV.

209. Мелюкова А. И. Вооружение скифов // САИ. Д1-4. М., 1964.
210. Мизиев И. М. История рядом. Нальчик, 1990.
211. Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Владикавказ, 1992.
212. Мирианавили Н. Г. Материальная культура Шида Картли (археологические памятники Агаиани). Труды Настакисской археологической экспедиции. Тбилиси, 1983. Т. II. (на груз. яз.).
213. Моммзен Т. История Рима. М., 1949. Т. V.
214. Моммзен Т. История Рима. СПб., 1999. Т. 5.
215. Мордвинцева В. И. Сарматские парадные упряжные наборы и некоторые вопросы истории сарматов // НАВ. 1998. Вып. 1.
216. Мордвинцева В. Ритуальные пластины в сарматском зверином стиле // XXIV «Крупновские чтения». ТД. Нальчик, 2006.
217. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечения сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г. В. Цулая. М., 1979.
218. Муравьев С. Н. Заметки по исторической географии Закавказья. Плиний о населении Кавказа // ВДИ. 1988. № 1.
219. Мурзаев Э. М. Словарь народных этимологических терминов. Минск, 1984.
220. Нефедкин А. К. Комплектование и состав сарматов и алан в I-IV вв. по данным античных источников // Боспорский феномен: колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. Материалы Международной научной конференции. СПб., 2001. Ч. 2.
221. Нефедкин А. К. Несколько «катафрактарных» вопросов // Исследования по истории и историографии России и зарубежных стран. Ставрополь, 2004.
222. Нефедкин А. К. Под знаменем дракона: Военное дело сарматов во II в. до н. э.-V в. н. э. СПб., 2004а.
223. Николайшвили В. В., Чихладзе В. В. Жинвальский могильник (по материалам 1974 г.) // Жинвальская экспедиция (материалы второй научной сессии). Тбилиси, 1980.
224. Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.

225. *Никонов В. П.* О вкладе кочевников Центральной Азии в военное дело античного мира (на примере жестких седел) // *Иран и античный мир: политическое, культурное и экономическое взаимодействие двух цивилизаций: тезисы докладов международной научной конференции* (Казань, 14-16 сентября 2011 г.). Казань, 2011.

226. *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

227. *Ньолс Г.* Название алан в сасанидских надписях: лингвистические и исторические размышления по поводу противопоставления Ирана внешнего и Ирана внутреннего. Владикавказ, 2002.

228. *Ольбрихт М.-Я.* К вопросу о происхождении катафрактов в Иране и Средней Азии // *Роль кочевников евразийских степей в развитии мирового военного искусства. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова: Сборник материалов международной научной конференции.* Алматы, 2010.

229. *Оранский И. М.* Иранские языки в историческом освещении. М., 1979.

230. *Островецкая А. С.* Памятники звериного стиля из Ольвийской и Ионийской округ (кон. VI-нач. III в. до н. э.) // *Структурно-семиотические исследования в археологии.* Донецк, 2005. Т. 2.

231. Памятники армянской агиографии. Ереван, 1973.

232. *Перевалов С. М.* Аланы Иосифа, сарматы Тацита в событиях 35 г. н. э. на Кавказе: к проблеме этнографических критериев для варварских народов у античных писателей // *Международная научная конференция по осетиноведению, посвященная 200-летию со дня рождения А. М. Шегрена.* ТД. Владикавказ, 1994.

233. *Перевалов С. М.* Военное дело у аланов II в. н. э. (по трактатам Флавия Арриана «Диспозиция против аланов» и «Тактика») // *ИАА.* 1997. Вып. 3.

234. *Перевалов С. М.* Как создаются мифы (к ситуации в отечественном алановедении) // *ИАА.* 1998. Вып. 4.

235. *Перевалов С. М.* Сарматский контос и сарматская посадка // *РА.* 1999. № 4.

236. *Перевалов С. М.* О племенной принадлежности сарматских союзников Иберии в войне 35 г. н. э.: три довода в пользу аланов // *ВДИ.* 2000. № 1.

237. *Перевалов С. М.* Арриан у ворот Кавказа // Проблемы филологии, истории и культуры. Магнитогорск; М., 2001. Вып. X.

238. *Перевалов С. М.* Железные ворота Александра: легенда и действительность // Восточная Европа в древности и средневековье. Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. XIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Материалы конференции. М., 2002.

239. *Перевалов С. М.* Восстание дилетантов: российская историография на рубеже веков // Вестник ВНИЦ. Владикавказ, 2002а. Т. 7. № 4.

240. *Перевалов С. М.* Современное состояние аланских исследований в России (По поводу книги: Т. А. Габуев. Ранняя история алан по данным письменных источников) // ВДИ. 2002б. № 2.

241. *Перевалов С. М.* Аланы в надписях I-III вв. // XXII Крупновские чтения. ТД. Ессентуки-Кисловодск, 2002в.

242. *Перевалов С. М.* Бакур-алан из древней Иберии // NARTAMONGÆ. The Journal of Alano-Osettic Studies: Epic, Mythology & Language. Paris-Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw, 2003. Vol. II. № 1-2.

243. *Перевалов С. М.* Аланский мир от Испании до Китая // NARTAMONGÆ. The Journal of Alano-Osettic Studies: Epic, Mythology & Language. Paris-Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw, 2003а. Vol. II. № 1-2.

244. *Перевалов С. М.* Древние первопроходцы Северного Кавказа // Вестник ВНИЦ. Владикавказ, 2006. Т. 6. № 1.

245. *Перевалов С. М.* Аланский набег 136 г. н. э. в страны Закавказья: проблемные вопросы // Античная цивилизация и варвары. М., 2006.

246. *Перевалов С. М.* Сарматоведение между историей и археологией // ВДИ. 2007. № 3.

247. *Перевалов С. М.* Легионы кавказского лимеса // Вестник ВНИЦ. Владикавказ, 2007а. Т. 7. № 4. С. 8.

248. *Перевалов С. М.* Царь Артеваз косикской надписи // XXV Крупновские чтения. ТД. Владикавказ, 2008.

249. *Перевалов С. М.* Аланская эпиграфика: состояние и перспективы // I Всероссийские Миллеровские чтения. ТД. Владикавказ, 2008а.

250. *Перевалов С. М.* Тактические трактаты Флавия Арриана: Тактические искусство; Диспозиция против аланов // Древнейшие источники по истории Восточной Европы. М., 2010.

251. *Перевалов С. М.* Древнейшая аланская надпись: pro et contra // Аланы и асы в этнической истории регионов Евразии. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 24-26 июня 2010 г. Карачаевск, 2010б.

252. *Перевалов С. М.* Аланская эпитафия. 1. Каталог греческих надписей // Вестник ВНИЦ, Владикавказ, 2011. Т. 11. № 1.

253. *Перевалов С. М.* Аланская эпитафия. 2. Каталог латинских надписей // Вестник ВНИЦ. 2011а. Т. 11. № 2.

254. *Перевалов С. М.* Заметки к чтению «старых и новых» памятников аланского имени и аланского языка // Вестник ВНИЦ. 2012. Т. 12. № 4.

255. *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.-Л., 1941.

256. *Пигулевская Н.* Города Ирана в раннем средневековье. М.-Л., 1956.

257. *Подольская Н. В., Суперанская А. В.* Терминология ономастики // ВЯ. 1969. № 4.

258. *Подосинов А. В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 2002.

259. *Пфаф В. Б.* Этнологические исследования об осетинах // ССК. 1872. Т. II.

260. *Пьянков И. В.* Средняя Азия в античной географической традиции. Источниковедческий анализ. М., 1997.

261. *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1905. Т. III. Ч. 2.

262. *Раев Б. А.* Металлические сосуды кургана «Хохлач» // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. II.

263. *Раев Б. А.* Аланские походы в Закавказье. Археологические данные // Киммерийцы и скифы: Тезисы докладов Международной научной конференции памяти А. И. Тереножкина. Мелитополь, 1992.

264. *Раев Б. А.* Аланы и Рим: археологические реалии в историческом контексте // IV Археологический семинар «Античная цивилизация и варварский мир». ТД. Новочеркасск, 1994.

265. Раев Б. А. Северо-кавказские древности римского времени в коллекции музея Грузии (Тбилиси) (о времени и путях проникновения ранних алан на Северный Кавказ) // История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время (тезисы конференции 30-31 мая 2000 года). Пятигорск, 2000.

266. Раев Б. А. О новых датировках и старых проблемах, спорных моментах и бесспорных истинах // Раннесарматская и среднесарматская культуры: проблемы соотношения. Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Волгоград, 2006. Вып. I.

267. Раев Б. А. Святилище на р. Мзымта и транзитные пути через перевалы Северо-Западного Кавказа // Первая Абхазская Международная конференция: Матриалы. Сухум, 2006а.

268. Раев Б. А. К абсолютной хронологии римского импорта в Азиатской Сарматии // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда (23-28 октября 2006 г., Новосибирск). Новосибирск, 2006б.

269. Раев Б. А. Ранние аланы и горные системы Евразии: выбор экологической ниши // Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации. Сборник материалов Международной научной конференции. Алматы, 21-23 ноября 2007 г. Алматы, 2008.

270. Раев Б. А. Итальянские и восточно-эллинистические предметы в сарматских курганах Нижнего Подонья // Сокровища сарматов. Каталог выставки. СПб.-Азов, 2008а.

271. Раев Б. А. «Стриженные гривы» и миграции кочевников. Об одном малозаметном элементе экстерьера коня // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2009. Вып. 10.

272. Раев Б. А. Серебряный сосуд из с. Майкор (Пермский край) // Археология Арктики. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». Екатеринбург, 2012.

273. Раев Б. А., Яценко С. А. О времени появления аланов в Юго-Восточной Европе (Тезисы) // Скифия и Боспор (материалы конференции памяти академика М. И. Ростовцева). Новочеркасск, 1993.

274. Рамшвили Р. М., Джорбенадзе В. А. Археологические ис-

следования в зоне строительства Жинвальского гидротехнического комплекса // Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. Тбилиси, 1976.

275. *Рамшвили Р. М., Джорбенадзе В. А., Каландадзе З. А., Николайшвили В. В., Рчеулишвили Г. М., Маргвелашвили М. Г., Чихладзе В. В., Циклаури И. Д., Асланишвили В. О., Бакрадзе И. У., Глонти М. Г., Бедукидзе И. Я.* Исследования в зоне затопления Жинвальского водохранилища // Археологические открытия 1974 года. М., 1975.

276. *Рамшвили Р., Джорбенадзе В., Каландадзе З., Николайшвили В., Маргвелашвили М., Рчеулишвили Г., Чихладзе В., Циклаури И., Асланишвили В., Глонти М., Церетели К., Бакрадзе И.* Археологические изыскания в Арагвском ущелье // Полевые археологические исследования в 1974 году (краткие сообщения). Тбилиси, 1976.

277. *Рамшвили Р., Джорбенадзе В., Маргвелашвили М., Рчеулишвили Г., Гогелия Д., Глонти М., Чихладзе В., Робакидзе Ц., Церетели К., Циклаури И., Циклаури Дж., Мухигулашвили Н.* Археологические исследования в Арагвском ущелье // Полевые археологические исследования в 1977 году. Тбилиси, 1980.

278. *Расторгуева В. С.* Сравнительно-историческая грамматика западноиранских языков: Фонология. М., 1990.

279. *Расторгуева В. С., Эдельман Д. И.* Этимологический словарь иранских языков. М., 2000. Т. I.

280. *Редина Е. Ф., Симоненко А. В.* «Клад» конца II-I вв. до н. э. из Веселой Долины в кругу аналогий древностей Восточной Европы // Материалы по истории и археологии Кубани. Краснодар, 2002. Вып. 2.

281. *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. Текст. СПб., 1914. Т. I.

282. *Ростовцев М. И.* Сарматы // ПАВ. 1993. Вып. 5.

283. *Сапрыкин С. Ю.* Плиний Младший и Северное Причерноморье // ВДИ. 1998. № 1.

284. *Сапрыкин С. Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002.

285. *Сапрыкин С. Ю.* Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I-начале II в. н. э. // ВДИ. 2005. № 2.

286. Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. Составил для V-го Археологического съезда в Тифлисе И. Помяловский. СПб., 1881.

287. *Севортьян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. М., 1980.

288. *Сергацков И. В.* Сарматы Волго-Донских степей и Рим в первых веках нашей эры // Проблемы всеобщей истории: Материалы научной конференции. Волгоград, 1994.

289. *Сергацков И. В.* Динамика взаимоотношений сарматов Волго-Донских степей с античным миром во II до н. э.-III в. н. э. // VIII Международная научная конференция «Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средневековье». ТД. Ростов-на-Дону, 1996.

290. *Сергацков И. В.* О некоторых обстоятельствах появления аланов в Восточной Европе // НАВ. 1998. Вып. 1.

291. *Сергацков И. В.* Финал раннесарматской культуры: хронология и проблемы этнической истории сарматов на рубеже эр // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. I. Самара, 2000.

292. *Сергацков И. В.* Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000а.

293. *Сергацков И. В.* История исследования среднесарматских древностей // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. III: Среднесарматская культура. М., 2002.

294. *Сергацков И. В.* Анализ сарматских погребальных памятников I-II вв. н. э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. III: Среднесарматская культура. М., 2002а.

295. *Сергацков И. В.* Римские импорты в Поволжье: исторический контекст археологических фактов // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. ТД. М., 2003. Ч. II.

296. *Сергацков И. В.* К хронологии среднесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы ре-

гиональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004.

297. *Сергацков И. В.* Два серебряных сосуда из Волго-Донских степей и некоторые вопросы истории сарматов I в. н. э. // III Международная научная конференция «Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне», посвященная 75-летию со дня рождения Г. А. Федорова-Давыдова (21-24 ноября 2006 г., Москва). М., 2006.

298. *Сергацков И. В.* Бронзовый котел из Кияляковки (работа над ошибками) // НАВ. 2006а. № 8.

299. *Сергацков И. В.* Проблемная ситуация в хронологии средне-сарматской культуры // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. II, с. 65.

300. *Симоненко А. В.* «Сарматская посадка» – историческая реальность или исторический миф? // Третья Кубанская археологическая конференция. ТД. Краснодар-Анапа, 2001.

301. *Симоненко А. В.* Некоторые дискуссионные вопросы современного сарматоведения // ВДИ. 2002. № 1.

302. *Симоненко А. В.* Тираспольские курганы, «странные комплексы» и сираки на Днестре // Четвертая Кубанская археологическая конференция. ТД. Краснодар, 2005.

303. *Симоненко А. В.* Стекло миллефиори в сарматских погребениях // *Liber Archaeologicae*: сборник статей, посвященный 60-летию Б. А. Раева. Краснодар, Ростов-на-Дону, 2006.

304. *Симоненко А. В.* Сарматоведение между наукой и фантазией // XXV Крупновские чтения. ТД. Владикавказ, 2008.

305. *Симоненко А. В.* Тридцать пять лет спустя. Послесловие-комментарий // Хазанов А. М. Избранные труды: Очерки военного дела сарматов. М., 2008а.

306. *Симоненко А. В.* Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2010.

307. *Симоненко А. В.* Богатое сарматское погребение у села Весняное близ Николаева // Золото, конь и человек: Сборник статей к 60-летию Александра Владимировича Симоненко. Киев, 2012.

308. *Скорий С. А.* Скіфські довгі мечі // Археологія. 1981. № 36.

309. *Скржинская М. В.* Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977.

310. *Скрипкин А. С.* К вопросу этнической истории сарматов первых веков нашей эры // ВДИ. 1996. № 1.

311. *Скрипкин А. С.* Об одном полемическом эпизоде в книге М. Б. Щукина «На рубеже эр» (Санкт-Петербург, 1994) // ПАВ. 1997. №9.

312. *Скрипкин А. С.* Анализ сарматских погребальных памятников III-I вв. до н. э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Выпуск II: Раннесарматская культура (IV-I вв. до н. э.). М., 1997а.

313. *Скрипкин А. С.* Погребальный обряд и материальная культура сарматов европейских степей в первые века нашей эры // Археология Волго-Уральского региона в эпоху бронзового, раннего железного веков и средневековья. Волгоград, 1999.

314. *Скрипкин А. С.* К проблеме выделения сарматских памятников Азиатской Сарматии II-I вв. до н. э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. I. Самара, 2000.

315. *Скрипкин А. С.* О времени появления аланов в Восточной Европе и их происхождении (историографический очерк) // ИАА. 2001. Вып. 7.

316. *Скрипкин А. С., Клепиков В. М.* Хронология раннесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004.

317. *Сланов А. А.* Военное дело алан I-XV вв. Владикавказ, 2007.

318. *Смирнов К. Ф.* Сарматские племена Северного Прикаспия // КСИИМК. 1950. Вып. 34.

319. *Смирнов К. Ф.* Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.

320. *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов // МИА. 1961. № 101.

321. *Сокольский Н. И.* Военное дело Боспора.: Дисс. ...канд. ист. наук. 07.00.06. М., 1954.

322. *Сосиашвили Г.* Из истории религиозной жизни осетин // Международная научная конференция «Археология, этнология и фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси, 25-27 июня 2009 года. Тбилиси, 2010.

323. *Стеблин-Каменский И. М.* Термины орошения в памирских языках // Иранское языкознание. Ежегодник 1982. М., 1987.

324. *Субаева Р. Х.* К вопросу тюрко-татарской топонимики современной ТАССР // Проблемы тюркологии и истории востоковедения. Казань, 1964.

325. *Сулейменов А. С.* Топонимия Чечено-Ингушетии. Грозный, 1978. Ч. II.

326. *Суперанская А. В.* Гидронимия Крыма и Северо-Западного Кавказа // Ономастика. М., 1969.

327. *Таказов Ф. М.* Дигорско-русский словарь. Владикавказ, 2003.

328. *Тарасюк Л. И.* Имена царей Малой Скифии на монетах из Добруджи // КСИИМК. 1956. Вып. 63.

329. *Тер-Мартirosов Ф. И.* Уточнение времени предания о свадьбе царя Армении Арташеса и аланской царевны Сатеник // I Международная научная конференция «Осетиноведение: история и современность». ТД. Владикавказ, 1991.

330. *Техов Ф. Д.* Инверсия в сложных словах осетинского языка // ИЮОНИИ. 1981. Вып. XXVI.

331. *Техов Ф. Д.* О происхождении имен Хæмыц и Батраз в Нартовском эпосе и осетинском языке // ИЮОНИИ. 1990. Вып. XXXIII.

332. *Тогошвили Г. Д.* Избранные труды по кавказоведению. Владикавказ, 2012.

333. *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948.

334. *Тревер К. В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э.-VII в. н. э. М.-Л., 1959.

335. *Трейстер М. Ю.* Сарматская школа художественной торевтики (К открытию сервиза из Косики) // ВДИ. 1994. № 1.

336. *Трейстер М. Ю.* Сарматские воины Фарнака Боспорского

(к вопросу об исторической интерпретации погребения в Косике) // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. Материалы международной научной конференции. СПб., 2005.

337. *Трейстер М. Ю.* Оружие сарматского типа на Боспоре в I-II вв. н. э. // Древности Боспора. М., 2010. № 14.

338. *Туаллагов А. А.* Сарматы и аланы в IV в. до н. э.-I в. н. э. Владикавказ, 2001.

339. *Туаллагов А. А.* Сираки и аорсы Северного Кавказа (по данным письменных источников) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2006. Вып. 6.

340. *Туаллагов А. А.* К вопросу о сарматских «жезлах» и скипетрах // NARTAMONGÆ. The Journal of Alano-Osetic Studies: Epic, Mithology & Language. Paris-Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw, 2007. Vol. IV. № 1, 2.

341. *Туаллагов А. А.* Северный Кавказ: от скифов до ранних алан (историко-археологические очерки). Владикавказ, 2007а.

342. *Туаллагов А. А.* Раннеаланский период на территории современной Северной Осетии в // Археология Северной Осетии. Владикавказ, 2007б.

343. *Туаллагов А. А.* Поздние сарматы на границах Рима // Известия СОИГСИ. Владикавказ, 2009. Вып. 3 (42).

344. *Туаллагов А. А.* Христианство и аланы Северного Кавказа // Духовная культура осетин и современность: проблемы и перспективы. Сборник научных статей. Материалы республиканской научно-практической конференции. Владикавказ, 2009а.

345. *Туаллагов А. А.* О походе 35 г. н. э. // Известия ЮОНИИ. Цхинвал, 2009б. Вып. XXXVIII.

346. *Туаллагов А. А.* Всеволод Федорович Миллер и осетиноведение. Владикавказ, 2010.

347. *Туаллагов А. А.* Сведения «Ашхарацуиц» об аланах // Известия СОИГСИ. Владикавказ, 2010а. Вып. 4 (43).

348. *Туаллагов А. А.* Аланы Центрального Предкавказья и «новые» эпиграфические памятники (некоторые вопросы историогра-

фии) // Материалы и исследования по отечественной и зарубежной истории: К 70-летию доктора исторических наук профессора А. А. Кудрявцева. Ставрополь, 2011.

349. *Туаллагов А. А.* Аланы или «аланы»? // Европейская Сарматия: Сборник, посвященный Марку Борисовичу Щукину. СПб., 2011а.

350. *Туаллагов А. А.* Раздел 1. Глава 5. Аланы Северного Кавказа в I-IV вв. // История Осетии: В 2-х томах. Т. 1. История Осетии с древнейших времен до конца XVIII века. Владикавказ, 2012.

351. *Туаллагов А. А.* К исторической интерпретации материалов Косикского погребения (некоторые вопросы историографии) // МИ-АСК. 2012б. Вып. 13.

352. *Туаллагов А. А.* Аланы и некоторые данные эпиграфических памятников // Известия СОИГСИ. 2013. Вып. 9 (48).

353. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1987.

354. *Федоров Я. А.* Горы и степь (Страницы этнической истории Северного Кавказа эпохи бронзы) // ВМГУ. Серия VIII. История. 1978. № 1.

355. *Федоров Я. А., Федоров Г. С.* Ранние тюрки на Северном Кавказе (историко-этнографические очерки). М., 1978.

356. *Хабичев М. А.* К гидронимике Карачая и Балкарии. Нальчик, 1982.

357. *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971.

358. *Халилов М. Дж.* Сарматия – Кавказская Албания: границы, контакты (I в. до н. э.-II в. н. э.) // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы III-го археологического семинара). Новочеркасск, 1992. Ч. I.

359. *Харматта Я.* Из истории алано-парфянских отношений // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1965. T. XIII. Fasc. 1-2.

360. *Хахановъ А.* Матеріалы по грузинской агіології. По рукописямъ X века // Труды по востоковеденію, издаваемые Лазаревскимъ Институтомъ Восточнихъ Языковъ. М., 1910. Вып. XXXI.

361. *Цагаева А. Дз.* Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе, 1975. Ч. II.
362. *Церетели Г. В.* Эпиграфические находки в Мцхета – древней столице Грузии // ВДИ. 1948. № 2.
363. *Цулая Г. В.* Осетины в контексте истории Грузии (Домонгольский период) // СЭ. 1993. № 3.
364. *Цуциев А. А.* Аланы Средней Азии (I–VI вв. н. э.): проблемы этногенеза: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Владикавказ, 1999.
365. *Цуциев А. А.* События в Центральной Азии и появление алан в Юго-Восточной Европе // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. ТД. Ставрополь, 2001.
366. *Цховребова З. Д., Дзиццойты Ю. А.* Топонимия Южной Осетии: в 3 т. Т. I: Дзауский район. М., 2013.
367. *Черненко Е. В.* О времени и месте появления тяжелой конницы в степях Евразии // Проблемы скифской археологии (МИА. № 177). М., 1971.
368. *Черненко Е. В.* Битва при Фате и скифская тактика // Вооружение скифов и сарматов. М., 1984.
369. *Черняк А. Б.* К интерпретации сообщения Тацита о Вононе // Историко-филологический журнал АН Арм. ССР. Ереван, 1984. № 4.
370. *Черняк А. Б.* О конъектуре Липсия Aorsî в рассказе Тацита о боспорском походе римлян // Материалы III-го археологического семинара «Античная цивилизация и варварский мир». Новочеркасск, 1992. Ч. I.
371. *Чёнг Дж.* Очерки исторического развития осетинского вокализма. Владикавказ-Цхинвал, 2008.
372. *Чихладзе В. В.* Жинвальские катакомбы. Тбилиси, 1990. (на груз. яз.).
373. *Чихладзе В.* Катакомбные погребения Жинвали // Международная научная конференция «Археология (IV) и этнология (III) Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси, 2002.
374. *Чичинадзе З.* История Осетии по грузинским источникам. Цхинвал, 1993.

375. Шамба Г. К. Древний Сухум (Поиски, находки, размышления). Сухум, 2005.

376. Шилов В. П. Калиновский курганный могильник // МИА. 1959. № 60. Т. I.

377. Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Степанская Р. Б., Фомин Л. Д. К вопросу о технике изготовления сарматских мечей и кинжалов // СА. 1974. № 1.

378. Шрамм Г. Реки Северного Причерноморья. Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках. М., 1997.

379. Щукин М. Б. Некоторые замечания к вопросу о хронологии Зубовско-Воздвиженской группы и проблеме ранних алан // Материалы III археологического семинара «Античная цивилизация и варварский мир». Новочеркасск, 1992. Ч. I.

380. Щукин М. Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э.-I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994.

381. Щукин М. Б. Две реплики: по поводу Фарзоя и надписи из Мангупа, царя Артавазда и погребения в Косике // ВДИ. 1995. № 4.

382. Яблонский Л. Т., Мецзяков Д. В. Раскопки «царского» кургана в Филипповке (предварительное сообщение) // РА. 2007. № 2.

383. Яйленко В. П. Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки Древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1990.

384. Яценко С. А. Антропоморфные изображения Сарматии // Аланы и Кавказ. Alanica-II. Владикавказ-Цхинвал, 1992.

385. Яценко С. А. Центральноазиатские и среднеазиатские традиции в искусстве Сарматии // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы III-го археологического семинара). Новочеркасск, 1992а. Ч. II.

386. Яценко С. А. Аланы и Рим в Северном Причерноморье в начале II в. н. э. // VI научная конференция «Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века». ТД. Ростов-на-Дону, 1992б.

387. Яценко С. А. Аланская проблема и центральноазиатские эле-

менты в культуре кочевников Сарматии рубежа I-II вв. н. э. // ПАВ. 1993. № 3.

388. Яценко С. А. Основные волны новых элементов костюма в Сарматии и политические события I в. до н. э.-III в. н. э. Происхождение стиля «клуазоне» // ПАВ. 1993а. № 4.

389. Яценко С. А. Аланы в Восточной Европе в сер. I-сер. IV вв. н. э. // ПАВ. 1993б. Вып. 6.

390. Яценко С. А. «Бывшие массагеты» на новой родине – в Западном Прикаспии (II-IV вв. н. э.) // ИАА. 1998. Вып. 4.

391. Яценко С. А. Эпический сюжет ираноязычных кочевников в древностях степной Евразии // ВДИ. 2000. № 4.

392. Яценко С. А. О мнимых «бактрийских» ювелирных изделиях в Сарматии I-II вв. н. э. // НАВ. 2000а. Вып. 3.

393. Яценко С. А. К дискуссии об оформлении этнокультурных общностей кочевников Азиатской Сарматии 2-й пол. II-1-й пол. III (http://www.bulgari_istoria_2010.com/bookRu/S_Jacenko_kochevniki_Aziatskoi_Sarmatii.pdf).

394. Abaev V. I. Isoglosse scito-europee // Studia classica et orientalia. Roma, 1969. Vol. I.

395. Abaev V. I. Alans // Encyclopædia Iranica. London, Boston, Melbourne and Henley, 1985. Vol. I. Fasc. 8.

396. Altheim F. Geschichte der Hunnen. Berlin, 1959. Bd. I.

397. Anderson A. R. Alexander at the Caspian Gates // Transactions of the American Philological Association. Atlanta, 1928. Vol. LIX.

398. Bachrach B. S. A History of the Alans in the West. Minneapolis, 1973.

399. Bailey H. W. Saka Studies: the Ancient Kingdom of Khotan // Iran. 1970. Vol. VIII.

400. Bailey H. W. Iranian and Hiung-nu // Acta Iranica 21. 1981. Vol. VII.

401. Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904.

402. Bielmeier R. Sarmatisch, Alanisch, Jassisch und Altossetisch // Compendium Linguarum Iranicarum. Wiesbaden, 1989.

403. Bivar A. D. H. The Political History of Iran Under the Arsacids

// The Cambridge History of Iran: The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods. Cambridge, 1986. Vol. 3 (1).

404. *Boissevain U. Ph.* Ein Verschobenes Fragment des Cassius Dio (75, 9, 6) // *Hermes. Zeitschrift für Classische Philologie.* Berlin, 1890. Vol. XXV. № 3.

405. *Boswort A. B.* Arrian and the Alani // *Harvard Studies in Classical Philology.* Cambridge, 1977. № 81.

406. *Braund D.* King Flavius Dades // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.* GmbH, Bonn, 1993. Vol. 96.

407. *Braund D.* An Inscribed Bowl from the Volga Region: King Artheouazes and Ampsalakos // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.* GmbH, Bonn, 1994. Vol. 102.

408. *Braund D.* Georgia in Antiquity: a History of Colchis and Transcaucasian Iberia (550 BC-AD 562). Oxford, 1994a.

409. *Carrata Thomes F.* Gli Alani nella politica orientale di Antonio Pio // *Universita di Torino. Pubblicazioni della Facoltà di Lettere e Filosofia.* 1958. Vol. X. Fasc. 2.

410. *Charpentier J.* Die Ethnografische Stellung der Tocharer // *ZDMG.* 1917. Bd. 71.

411. *Debevoise N. S.* A Political History of Parthia. Chicago, 1938.

412. *Dzitstsojty Jurij.* A Propos of Modern Hypotheses on the Origin of Scythian Language // *Scythians, Sarmatians, Alans: Iranian-Speaking Nomads of the Eurasian Steppes.* International & Interdisciplinary Conference. Barcelona, 2007.

413. *Engberg E., Lubotsky A.* Alanic Marginal Notes in a Byzantine Manuscript: a Preliminary Report // *NARTAMONGÆ. The Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mythology & Language.* Paris-Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw, 2003. Vol. II. № 1-2.

414. *Feldman L. H.* Flavius Josephus and Modern Scholarship (1937-1980). Berlin; N. Y. 1986.

415. *Fritz S.* Die Ossetischen Personennamen // *Iranisches Personennamenbuch.* Wien, 2006. Bd. III. Fas. 3.

416. *Fritz S., Gippert J.* Nartica I: The Historical Satana Revisited // *NARTAMONGÆ.* Paris-Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw, 2005. Vol. III. №1-2.

417. *Gerhardt D.* Alanen und Osseten (Bereich über neuere Arbeiten) // ZDMG. 1939. Bd. 93 (Neue Folge Bd. 18).

418. *Gerhardt Th., Hartmann U.* Ab Arsace caesus est. Ein parthischer Feldherr aus der Zeit Trajans und Hadrians // Göttinger Forum für Altertumswissenschaft. 2000. 3 (<http://www.gfa.d-r.de/3-00/gerhardt-hartmann.pdf>).

419. *Gershevich I.* Word and Spirit in Ossetic // BSOAS. 1955. Vol. XVII.

420. *Gershevich I. J.* NEMETH: Eine Wörtlist der Jassen, der ungarländischen Alanen. (Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst, Jahrg. 1958 Nr. 4) 36 pp., 2 plates. Berlin: Akademie-Verlag. 1959. DM. 7 // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London, 1960. Vol. XXIII. P. 3.

421. *Györffy Gy.* A magyarság keleti elemei. Budapest, 1990.

422. *Gutschmid A.* Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden. Tübingen, 1888.

423. *Gutschmid A.* Gotarses // Kleine Schriften von Alfred von Gutschmid. Leipzig, 1892. Vol. III.

424. *Halfman H.* Die Alanen und die Römische Ostpolitik unter Vespasian // Epigrafica Anatolica. Zeitschrift für Epigraphik und Historische Geographic Anatoliens. Bonn, 1986. Bd. VIII.

425. *Hübschmann H.* Etymologie und Lautlehre der ossetischen sprache. Strassburg, 1887.

426. *Ilyasov J.* Covered Tail and «Flying» Tassels // Iranica Antiqua. 2003. Vol. XXXVIII.

427. *Ivanov S. A., Lubotsky A.* An Alanic Marginal Note and the Exact Date of John II's Battle with the Pechenegs // Byzantinische Zeitschrift. 2011. Vol. 103/2.

428. *Junge J.* Saka-Student. Der Ferne Nordosten im Weltbild der Antike // Klio. Beiträge zur alte Geschichte. Leiden, 1939. Beiheft XLI. («Neue Folge». H. 2).

429. *Kim R.* On the Historical Phonology of Ossetic: the Origin of the Oblique Case Suffix // NARTAMONGÆ. The Journal of Alano-Ossetic

Studies: Epic, Mythology & Language. Paris-Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw, 2009. Vol. VI. № 1-2.

430. *Lebedynsky Ia.* Les Sarmates. Amazones et lanciers cuirasses entre Oural et Danube (VIIe siècle av. J.-C.-VIe siècle ap. J.-C.). Paris, 2002.

431. *Makkay J.* Horses, Nomads and Invasion from the Steppe from Indo-European Perspective // *The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies.* Napoli, 1994.

432. *Marquart J.* Beiträge zur Geschichte und Sage Eran // *ZDMG.* 1895. Bd. XLIX.

433. *Marquart J.* Ēranšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i: Mit historisch-kritischem Kommentar und historischen und topographischen Excursen von. J. Marquart. Berlin, 1901.

434. *Marquart J.* Untersuchungen zur Geschichte von Eran. H. 2 // Sonderdruck aus dem «Philologus». Suppl. Leipzig, 1905. Bd. X. Heft. I.

435. *Marquart J.* Iberer und Hircanier // *Caucasica.* Leipzig, 1931. Fasc. 8.

436. *Meuli K.* Scythica // *Hermes.* 1975. 70.

437. *Miller V. F.* Beiträge zur Ossetischen Etimologie // *Indogermanische Forschungen.* Berlin, 1907. Bd. 21.

438. *Mordvinceva V., Treister M.* Toreutik und Schmuk im nördlichen Schwarzmeergebiet (2. Jh. v. Chr. – 2. Jh. n. Chr.) // *Ancient Toreutics and Jewellery in Eastern Europe. Simferopol and Bonn, 2007.* B. II.

439. *Munkácsi B.* Ősi Magyar szerszámnevek // *Magyar Nyelvőr.* 1933.

440. *Premierstain A.* Untersuchungen zur Geschichte des Kaiser Marcus // *Klio.* 1911. T. XI.

441. *Raev B. A.* Roman Imports in the Lower Don Basin // *British Archaeological Reports. International Series.* Oxford, 1986. № 278.

442. *Reid H.* Arthur the Dragon King. How a Barbarian Nomad Became Britain's Greatest Hero. London, 2001.

443. *Rostovzeff M.* The Sarmatae and Parthians // *Cambridge Ancient History.* 1935. Vol. XI.

444. *Schmidt G.* Über die ossetischen Lehnwörter im Karatschajischen // *Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Melanges de philology offertsa M. J. J. Mikkola. B. XXVII.*

445. *Syme R.* The Career of Arrian // *Harvard Studies in Classical Philology. Cambridge, 1982. № 86.*

446. *Täubler E.* Zur Geschichte der Alanen // *Klio. Beiträge zur alte Geschichte. Leipzig, 1909. Bd. IX.*

447. *Teggart F. J.* Rome and China. A Study of Correlations in Historical Events. Berkeley, 1939.

448. *Thordarson F.* Zgusta Ladislav.; The Old Ossetic Inscription from the river Zelenčuk. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1987 gr. - 8°, 68 S., 2 Taf (SbÖAW, 486; Veröffentlichungen der Iranischen Kommission, 21) Brosch. 210 ös/30/DM // *Kratylos 33. Wiesbaden, 1988.*

449. *Thordarson F.* Ossetic // *Compendium Linguarum Iranicarum. Wiesbaden, 1989.*

450. *Thordarson F.* Old Ossetic Accentuation // *NARTAMONGÆ. The Journal of Alano-Ossetic Studies: Epic, Mythology & Language. Paris-Vladikavkaz/Dzæwdžyqæw, 2008. Vol. V. № 1-2.*

451. *Treister M. Yu.* New Discoveries of Sarmatian Complexes of the 1st century A.D. // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 1997. Vol. 4. № 1.*

452. *Treister M. Yu.* On a Vessel with Figured Friezes a Private Collection, on Burials Kosika and once more on the «Ampsalakos School» // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2005. Vol. 11. № 3-4.*

453. *Treister M., Yatsenko S.* About the Centers of Manufacture of Certain Series of Horse-Harness Roundels in «Gold-Turquoise Animal Style» of the 1st-2nd Centuries AD // *Silk Road Art and Archaeology. Kamakura, 1997/1998. Vol. 5.*

454. *Vinogradov Yu. G.* The Goddess Ge Meter Olybris. A New Epigraphic Evidence from Armenia // *East and West. 1992. Vol. 42. № 1.*

455. *Vinogradov Yu.* Greek Epigraphy of the North Black Sea Coast, the Caucasus and Central Asia (1985-1990) // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden, 1994. Vol. 1, № 1.*

456. *Wheeler E. L.* A New Book on Ancient Georgia: A Critical Discussion // The Annual of the Society for the Study of Caucasia. 1994-1996. 1997. № 6/7.

457. *Wheeler E. L.* From Pityus to Zeugma: The Northern Sector of the Eastern Frontier 1983-1996 // Roman Frontier Studies. Proceedings of the XVIIth International Congress of Roman Frontier Studies. 1997. Žalau, 1999.

458. *Yamauchi E.* Foes from the Northern Frontier. Michigan, 1982.

459. *Zgusta L.* Die Personennamen griechische Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

А С Г Э – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.

В Д И – Вестник древней истории. М.

В М Г У – Вестник Московского государственного университета. М.

В Н Ц – Владикавказский научный центр РАН

В Я – Вопросы языкознания. М.

Д Т С – Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Ж Г С – Житие грузинских святых. Зугдиди, 1997.

И А А – Историко-археологический альманах. Армавир-М.

И В У З С К – Известия высших учебных заведений Северного Кавказа. Ростов-на-Дону.

И З – Исторические записки. М.

И Ю О Н И И – Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института. Тбилиси (Цхинвал).

К Б Н – Корпус боспорских надписей. М.-Л., 1965.

К Д П А А – Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. Ростов-на-Дону, 1990.

К С И И М К – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.

М А Д И С О – Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе.

М И А – Материалы и исследования по археологии СССР. М.

М И А К – Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар.

Н А В – Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.

Н А С О И Г С И – Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева

- ПАА – Памятники армянской агиографии. Ереван, 1973.
- ПАВ – Петербургский археологический вестник. СПб.
- РА – Российская археология. М.
- СА – Советская археология. М.
- САИ – Свод археологических источников. М.
- СОИГСИ – Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева
- СЭ – Советская этнография. М.
- ТКЧНИИ – Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Ставрополь.
- ТЧНИИ – Труды Чечено-Ингушского научно-исследовательского института. Грозный.
- BSOAS – Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies.
- ZDMG – Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.

Научное издание

Туаллагов Алан Ахсарович

АЛАНЫ ПРИДАРЬЯЛЪЯ И ЗАКАВКАЗСКИЕ ПОХОДЫ I-II вв.

Книга издана в авторской редакции

Технический редактор – *Е.Н. Маслов*
Компьютерная верстка – *А.Ю. Цопанова*
Дизайн обложки – *Е.Н.Макарова*

Подписано в печать 30.12.2014.
Формат бумаги 60x84¹/₁₆. Бум. офс. Печать цифровая.
Гарнитура «Times». Усл. п. л. 13,25.
Тираж 100 экз. Заказ №118.

Издательско-полиграфический центр СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А
362040, РСО-Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10
E-mail: rio-soigsi@mail.ru

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362002, РСО-Алания, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3